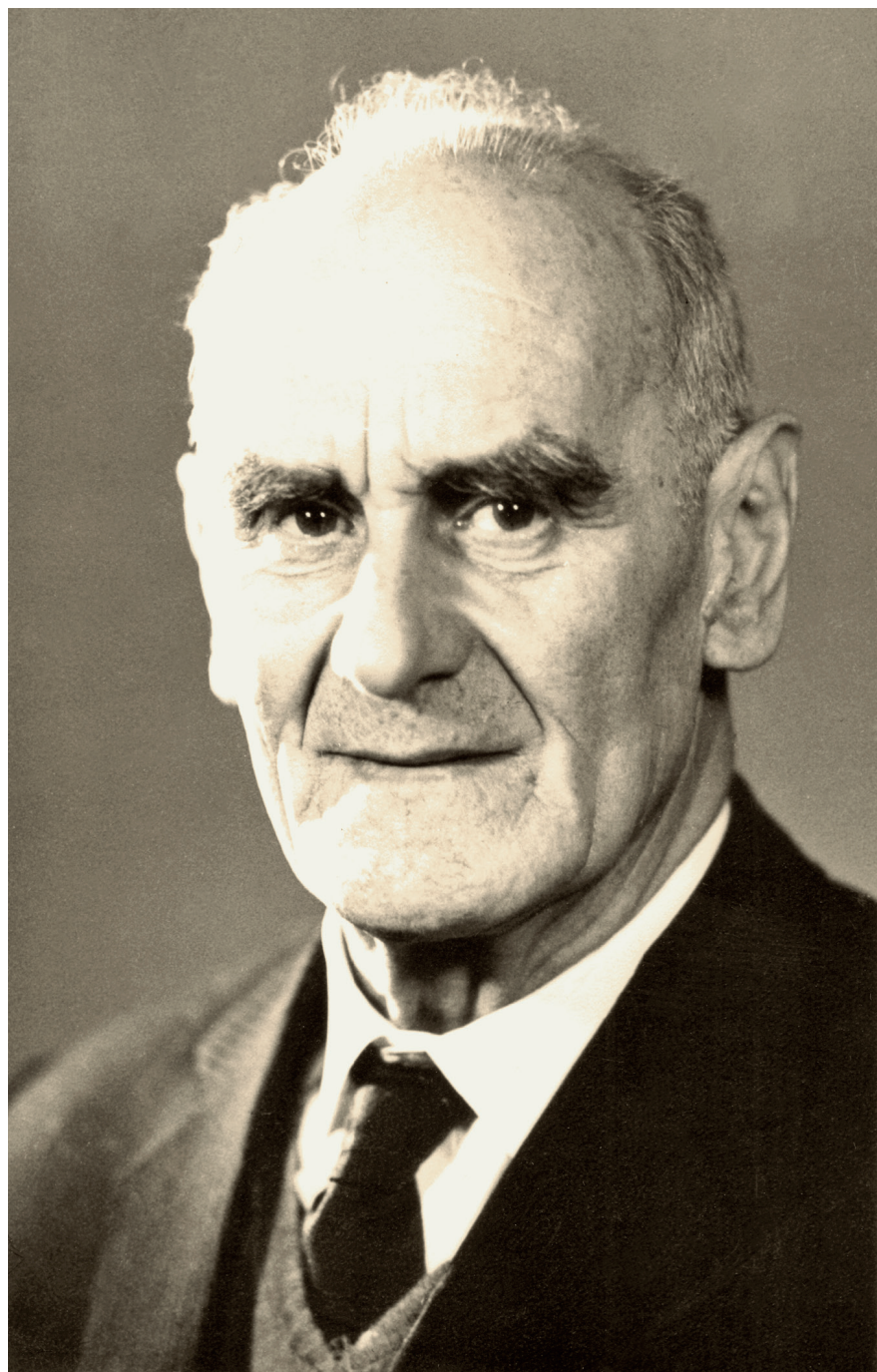




Академик
Юрий Александрович Орлов
К 130-летию со дня рождения





Юрий Александрович Орлов
1893–1966

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка
Российской академии наук

Академик
Юрий Александрович Орлов

К 130-летию со дня рождения

Сборник статей

Москва
ПИН РАН
2023

ISBN 978-5-903825-54-7

Академик Юрий Александрович Орлов. К 130-летию
со дня рождения. Сборник статей. Отв. ред. А.В. Лопатин.
Москва, ПИН РАН, 2023. 136 с. (19 ил.)

ISBN 978-5-903825-54-7

Ответственный редактор
академик А.В. Лопатин

Редакторы А.А. Карху, П.Ю. Пархаев

ISBN 978-5-903825-54-7

© Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН

© Обложка: А.А. Карху

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.В. Лопатин, А.А. Карху.</i> Предисловие.	6
<i>О.Ю. Орлов, Н.Ю. Заварзина.</i> Портрет у семейного очага: жизнь Ю.А. Орлова глазами его близких	11
<i>Ю.А. Орлов.</i> Несколько слов об Алексее Алексеевиче Борисяке как человеку	21
<i>Ю.А. Орлов.</i> История с мамонтом	24
<i>Ю.А. Орлов.</i> Несколько замечаний о подготовке палеонтологов	29
<i>Ю.А. Орлов.</i> О положении Палеонтологического института АН СССР в системе Академии наук СССР	34
<i>Ю.А. Орлов.</i> О положении Палеонтологического института АН СССР и его Музея	38
<i>Д.В. Обручев.</i> Последние поездки за границу	41
<i>Г.А. Невмывака.</i> Воспоминания ученика	45
<i>А.Ф. Адамович, О.В. Минервин, А.А. Моссаковский.</i> О Юрии Александровиче Орлове	49
<i>Н.П. Орлова.</i> Из воспоминаний и писем	58
<i>М.А. Шишкин.</i> Академик Ю.А. Орлов и некоторые страницы из истории Палеонтологического института РАН	89
<i>П.Г. Светлов.</i> Памяти Юрия Александровича Орлова	107
<i>В.И. Жегалло.</i> Юрий Александрович Орлов	120

ПРЕДИСЛОВИЕ

Юрий Александрович Орлов возглавил Палеонтологический институт после кончины его основателя и первого директора Алексея Алексеевича Борисяка. Преемственная связь двух выдающихся ученых и организаторов науки символично проявляется в юбилейных датах: юбилей академика Орлова мы отмечаем на следующий год после юбилеев академика Борисяка. Но преемственность Ю.А. Орлова по отношению к предшественнику, конечно, намного более значительная. Эта преемственность проявилась в сохранении и развитии Ю.А. Орловым эволюционного биологического подхода как основополагающего в работе Палеонтологического института, в отстаивании его принадлежности к биологическому отделению в структуре Академии наук, в развитии системы подготовки студентов-палеонтологов, и наконец, в многолетних настойчивых усилиях по созданию нового Палеонтологического музея.

Глубоко уважительное и сочувственное личное отношение Орлова к Борисяку нашло отражение в кратком очерке¹, открывающем настоящий сборник. В сборник вошли как ранее не публиковавшиеся материалы, так и посвященные Ю.А. Орлову статьи, вышедшие давно и в сравнительно мало доступных в настоящее время изданиях. В целом по содержанию публикуемый сборник дополняет предшествующий², который объединил статьи, подготовленные на основе докладов на двух юбилейных конференциях, в Вельске и Москве, посвященных 120-летию со дня рождения Ю.А. Орлова.

¹ Вошедшие в сборник материалы Ю.А. Орлова печатаются по авторским машинописным рукописям из архива семьи Орловых.

² Академик Юрий Александрович Орлов. К 120-летию со дня рождения. Сборник статей. Отв. ред. А.В. Лопатин. М.: ПИН РАН, 2018. 200 с.

Развивая эволюционные идеи В.О. Ковалевского, А.А. Борисяк на собственном многолетнем опыте геологических, палеонтологических, зоологических исследований и опыте руководства палеонтологической секцией Геологического комитета пришел к убеждению, что палеонтология, изучающая многообразие и пути развития жизни прошлых геологических эпох, принадлежит к наукам биологического цикла. Именно поэтому в созданном Академией в 1930 г. по инициативе А.А. Борисяка и возглавленном им Палеозоологическом институте, хоть и входившем первоначально в состав геологической ассоциации отделения математических и естественных наук, основой изучения ископаемых остатков вымерших организмов и среды их обитания стал эволюционный биологический подход. Стремление А.А. Борисяка закрепить место палеонтологии в Академии среди биологических наук объясняет объединение Палеозоологического института с Лабораторией эволюционной морфологии академика А.Н. Северцова при переводе из Ленинграда в Москву в октябре 1934 г. Возникший в результате этого объединения Институт эволюции животных в конце того же года был переименован в Институт эволюционной морфологии и палеозоологии. Просуществовав до декабря 1936 г., он разделился на два: был воссоздан самостоятельный институт под своим современным названием — Палеонтологический.

Принадлежность ПИНа к биологическим институтам расценивалась в Академии неоднозначно, и вплоть до 1960 г. многократно поднимался вопрос о переводе Института в отделение геолого-географических наук. Начатое А.А. Борисяком противодействие таким намерениям продолжал Ю.А. Орлов, сумевший ценой больших усилий отстоять в итоге положение ПИНа в составе биологического отделения. Обоснование такой принадлежности Ю.А. Орлов кратко изложил в 1949 г. в официальной справке о положении ПИНа в системе Академии. Подробно все этапы противостояния Ю.А. Орлова попыткам перевода Института в геолого-географическое отделение рассмотрены в статье М.А. Шишкина.

Очерк Ю.А. Орлова «История с мамонтом» рассказывает о потерпевшей неудачу большой академической экспедиции, снаряженной летом 1938 г. на о. Врангеля за якобы найденным там мамонтом. Неудачу экспедиции ответственные органы считали вредительством и призвали к ответу Ю.А. Орлова как заведующего отделом позвоночных Палеонтологического института. Исход оказался благополучным и для Юрия Александровича, и для Института, хотя в то время массовых репрессий рассчитывать на это особо не приходилось.

В 1939 г. Ю.А. Орлов стал вместе с А.А. Борисяком сооснователем кафедры палеонтологии на геолого-почвенном факультете МГУ. После

возвращения из эвакуации в 1943 г. Орлов был назначен ее штатным заведующим и оставался им до конца жизни. Но преподавать студентам Юрий Александрович начал задолго до кафедры палеонтологии — в 1916 г. в Перми, где он, сам еще студент Петроградского университета, оказался по приглашению А.А. Заварзина «для несения обязанности ассистента по кафедре гистологии» в создаваемом новом университете. Именно в Пермском университете под руководством Заварзина сложился Ю.А. Орлов не только как преподаватель и ученый-исследователь, но и как организатор науки. Талант наставника, умение и желание делиться своими знаниями и опытом, как и любовь к студентам — яркие черты характера Ю.А. Орлова. Об этом воспоминания его учеников: гистолога Г.А. Невмываки и бывших студентов кафедры палеонтологии А.Ф. Адамовича с соавторами. Подход к организации обучения на кафедре палеонтологии МГУ и требования к студентам изложены Ю.А. Орловым в тексте доклада, подготовленном им в 1959 г. к предстоящей поездке в Индию.

После переезда из Ленинграда в Москву Институт и его Музей оказались в очень стесненном — по занимаемым помещениям — положении. Это сильно осложняло организацию работы Института и препятствовало не только развитию Музея, но и возможностям посещения экспозиции посетителями. Особенно острой нехватку экспозиционного пространства сделали крупные поступления ценнейших материалов, добытых экспедициями в Монголии в конце 1940-х гг. и в позднепермском местонахождении Очер в конце 1950-х гг. Проблемы с размещением мог решить только перевод Института с Музеем в более просторное здание. Такое заключение содержит очередная справка Ю.А. Орлова, составленная им в 1963 г. Двумя годами позже многолетние настойчивые, казавшиеся порой совершенно напрасными и несбыточными, усилия Юрия Александровича увенчались успехом: Союзный Совет Министров издал распоряжение, разрешавшее Академии наук СССР построить в Москве здание для Музея Палеонтологического института.

В справке 1963 г. Ю.А. Орлов, отметив, что перечень неполный, перечислил почти два десятка стран, от Польши и Румынии до Австралии и Южно-Африканской Республики, ученые которых в предшествовавшие годы изучали материалы Института и Музея. Такие обширные международные связи сложились благодаря пониманию Ю.А. Орловым их важности для развития отечественной палеонтологии и его деятельному участию в их формировании. Его активное общение с зарубежными коллегами, доклады на международных конференциях, выступления перед иностранными студентами — все это способствовало

популяризации достижений отечественной палеонтологии на мировом уровне. Д.В. Обручев, рассказавший о совместных с Ю.А. Орловым поездках во Францию и Норвегию в 1966 г., «смог воочию убедиться, с каким достоинством Юрий Александрович представлял советскую палеонтологию за границей».

Пермский период жизни Ю.А. Орлова важен не только тем, что тогда произошло его разностороннее профессиональное становление. В Пермском университете состоялось знакомство с профессором Павлом Ивановичем Преображенским, крупным геологом, открывшим в Прикамье во второй половине 1920-х гг. огромные запасы калия и месторождение нефти. П.И. Преображенский повлиял, причем дважды, на направление научных интересов Ю.А. Орлова, в итоге оставившего гистологические исследования ради занятия палеонтологией. Сначала как декан агрономического факультета Пермского университета Преображенский поручил Орлову организовать кабинет сельскохозяйственных животных и читать лекции по их анатомии. Ю.А. Орлов активно занялся сбором необходимого скелетного материала, и это пробудило у него интерес к остеологии и морфо-функциональному анализу строения скелета. Уже в Ленинграде, в 1925 г., Преображенский, зная о юношеском увлечении Орлова ископаемыми находками и раскопками, а также о его склонности к полевой работе, посоветовал поехать в палеонтологическую экспедицию в Западную Сибирь и Северный Казахстан. Орлов последовал его совету, подрядившись в свой отпуск простым рабочим. После этого окончательный уход в палеонтологию стал только вопросом времени.

Между возвращением из Перми в Ленинград и первой палеонтологической экспедицией случилось очень важное личное событие: осенью 1924 г. поженились Ю.А. Орлов и дочь П.И. Преображенского Наталья. Долгие годы их совместной жизни отмечены многими испытаниями и преодолениями, рождением четверых детей — Всеволода, Романа, Олега и Натальи, неизменной взаимной поддержкой и глубокой привязанностью. И после ухода Юрия Александровича Наталья Павловна оставалась вовлеченной в главные дела его жизни — сохранила живую связь с кафедрой палеонтологии, интересовалась ходом создания нового Палеонтологического музея. В сборник вошли воспоминания Н.П. Орловой о Юрии Александровиче, о периоде гражданской войны, об эвакуации из Ленинграда в Соликамск в 1941 г. Воспоминания приведены по вышедшей в 2022 г. маленьким тиражом книге «Наталья Павловна Орлова рассказывает: к 120-летию со дня рождения», составленной и подготовленной к изданию А.Р. Орловой, внучкой Натальи Павловны и Юрия Александровича. Приведена также переписка Н.П. Орловой

с А.И. Жамойдой в связи с ее беспокойностью исполнением планов по созданию экспозиции нового Музея.

Завершают сборник два очерка с воспоминаниями о Ю.А. Орлове. Автор одного — П.Г. Светлов, сверстник Юрия Александровича, долго его знавший, учившийся в одно время с ним в Петербургском университете, также работавший в Пермском университете и также вернувшийся затем в Ленинград. Автор другого — В.И. Жегалло, выпускник кафедры палеонтологии МГУ 1961 г., младший коллега Юрия Александровича в Палеонтологическом институте, продолжатель работ Орлова по изучению гиппарионовой фауны. Первый очерк вышел вскоре после кончины Юрия Александровича, второй — через три с половиной десятилетия. Эти два взгляда вместе создают очень объемное представление о разностороннем ученом-исследователе, талантливом педагоге, выдающемся организаторе науки и добром, интеллигентном человеке.

А.В. Лопатин, А.А. Карху

ПОРТРЕТ У СЕМЕЙНОГО ОЧАГА: ЖИЗНЬ Ю.А. ОРЛОВА ГЛАЗАМИ ЕГО БЛИЗКИХ

Круги близкие, круги дальние. Жизнь человека протекает в своего рода кругах — в окружении лиц, событий разного масштаба — всего, что с детства откладывается в памяти. Ближний круг — это семья; для Юрия Александровича это и мы, его дети, включая авторов этих строк: сын (О.Ю.) и дочь (Н.Ю.), как для нас они, наши родители, Юрий Александрович и Наталья Павловна Орловы. А ближайшим кругом всякому служат воспоминания, у каждого свои: то неотъемлемое, что всегда с тобой, — самое близкое окружение, где родители, друзья детства, десятилетия жизни. Поэтому наши воспоминания об отце, так или иначе, включают и его повседневное окружение и заботы — что и как было на работе, дома, в стране, — чему-то мы были свидетелями, что-то знаем со слов других и воспоминаний о нем, или его собственных. Его же собственные воспоминания полны признательности двум особенно близким людям, которым был он благодарен за свою судьбу: это его отец Александр Федорович Орлов и профессор Алексей Алексеевич Заварзин. Когда-то его ближнее окружение, они в душе оставались с ним всегда, служа примером и ориентиром в трудный час.

* * *

Начало пути. Собственные воспоминания Ю.А. известны по его книге «В мире древних животных». Незабываемое впечатление от увиденных в детстве раскопок В.П. Амалицкого на Северной Двине не раз упоминалось в воспоминаниях Ю.А. Вот пример раннего увлечения, которое не только сохранилось, но и определило позже его глубокий интерес, а за ним и успех как ученого. Но нам интересно узнать чуть больше

о том, кто вел его, кто присматривал за ним. В очерке Ю.А. есть важные слова о книге Генри Гетчинсона «Вымершие чудовища»: «Как раз перед этой поездкой отец купил мне книгу Гетчинсона... Теперь я и сам увидел, как их находят и добывают; немудрено, что раскопки произвели на меня неизгладимое впечатление, а этот день запомнился на всю жизнь».

Эту книгу, которой мы без натяжек придаем ранг «судьбоносного случая», сам Ю.А. упоминает мельком, как чуть ли не случайное совпадение событий. Было ли это случайностью? Нам сто́ит внимательнее прочитать его слова об отце Александре Федоровиче, вдуматься в его роль в судьбе сына.

«Мой отец служил в лесном ведомстве». Этим ведомством были Уделы — государевы лесные богатства, немаловажный источник доходов двора по линии Департамента уделов. Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета, но отнюдь не лесовод по образованию, А.Ф. Орлов попал на работу в Уделы, как он писал в досадно краткой автобиографии, «совершенно случайно» в поисках надежного заработка в 1886 г. Правда, есть сведения, что в годы его учения в университете (1876–1880), одним из самых популярных среди студентов был профессор-правовед П.Г. Редкин, и что важно: Редкин — несколько лет ректор Университета — больше 15 лет одновременно служил в Департаменте уделов, а в последние годы был его председателем.

И вот что находим мы в «Формулярном списке о службе А.Ф. Орлова в Уделах» (1915): случайно или нет, но в 1880 г., чуть ли не сразу «по окончании полного курса наук», молодого человека без рода-племени, поступившего в Императорский университет из провинциальной семинарии, приняли на работу в Уделы. Проявленная им ответственность за доверенное ему дело к 1912 г. привела исправного службиста (как он о себе говорил) на высокую должность управляющего лесными богатствами Уделов двух губерний — Архангельской и Вологодской. «Отец управлял лесным хозяйством на Севере, рубкой и сплавом леса в Архангельск, лесопильными заводами, продажей леса за границу, смолокурением, борьбой со страшными лесными пожарами...». Важные нам воспоминания Ю.А. о книге Гетчинсона относятся к годам раньше того: «Когда мне исполнилось десять лет (т.е. с 1903 г. — прим. О.О., Н.З.), отец стал брать меня и братишку в свои летние служебные поездки» — для ревизии дел в «имениях» Вельского округа.

Поездки эти были такой школой знакомства с природой, какую не всякий студент получит в университете. «Нам были показаны с интересными объяснениями сухой, светлый сосновый бор с белым

оленним мхом; влажный, темный еловый лес и смена леса на вырубках; ... заболачивание лесных озер, ... размыв и перенос реками собственных берегов; развитие широких заливных лугов с их плодородной почвой и травой в человеческий рост, образование стариц, ... массовые переселения белок, пливших через реки, — на все обращал наше внимание отец, волгарь по происхождению, знаток северных лесов и рек по работе, географ и историк в часы досуга».

Так случайно ли купил А.Ф. сыну книгу Гетчинсона? В воспоминаниях Ю.А. делает акцент не на том, что нам интересно сейчас: «Отец бывал там и раньше. Ему все подробно показывал и рассказывал сам Амалицкий». Но не пишет, слышал ли он о раскопках Амалицкого до той поездки, как и о своем впечатлении от книги Гетчинсона. Но нам это небезразлично. Отец мог и не рассказывать сыну о раскопках раньше, а купить эту увлекательную книгу и дать ее прочитать сыну перед поездкой, зная о его склонности собирать такого рода предметы на отмелях рек: «И раньше я собирал окаменелые остатки ископаемых животных». Неординарный педагог и внимательный отец, А.Ф. имел основания присматриваться: нет ли в этом увлечении, этой любознательности сына задатков более глубокого интереса? Разные бывают склонности у детей, не каждому дано стать потом ученым. И отец угадал: книга Гетчинсона действительно увлекла сына: он стал собирать свою коллекцию «особенно усердно после этой памятной поездки».

Надо понимать, что для Александра Федоровича, лишившегося дочери и жены, сыновья были той драгоценностью, в которой любой отец на его месте, не только педагог, старался бы подметить дар божий в каждом. Позже он не просто радовался успехам старшего, но и оберегал его от шагов, похожих на свои собственные, в свое студенческое время, когда он увлекся «хождением в народ» из лучших побуждений. Когда началась Первая мировая война, то многие, в том числе студенты, пошли добровольцами в армию, и на вопрос отцу студент Юрий Орлов получил короткий ответ:

— Твое место не там.

Александр Федорович слишком хорошо знал историю, ценность знаний, особенно науки, для страны, и сын, похоже, запомнил это навсегда, как поручение или долг — неважно, но навсегда.

До поступления в университет на естественное отделение физико-математического факультета сам Александр Орлов прошел полный курс общеобразовательных предметов в Симбирской семинарии, где получил прекрасное гуманитарное образование, включая историю

и языки, древние и новые. Мы мало что знаем об уровне преподавания в семинариях и самих учителях, между тем многие из них, не только из мирского сословия, но и из числа поповичей — детей служителей церкви — бывали людьми очень образованными и хорошо ориентированными в общественно-политической жизни.

В доме Александра Федоровича, оставшегося после смерти жены с двумя сыновьями на руках и вложившего в их воспитание и образование все свои знания и умения, не было ни показного гостеприимства, ни следов роскоши. «В доме не водилось ни вина, ни папирос, ни играль-ных карт», — писал Ю.А. «В доме А.Ф. не было ни икон, ни портретов царя», — добавляет Н.П. Орлова в очерке «А.Ф. Орлов — автор книги по топонимике» (Хранитель архангельского леса. 2020). Таким был его ближний круг в детстве и юности.

* * *

Вельск, наша «вторая родина». Уездный город, во времена А.Ф. Орлова расположенный более чем в ста километрах от железной дороги — потому и место ссылки свободно живущих «неблагонадежных», был заметно выше среднего «медвежьего угла» по уровню интеллигентности. Вельский краеведческий музей имеет давнюю историю и богатые коллекции. В 1960-гг. Наталья Павловна, приступая к работе над очерком об Александре Федоровиче, установила и поддерживала контакт с музеем, благодаря чему возник стенд, затем целый раздел постоянной экспозиции, посвященной А.Ф. и Ю.А. Орловым. По сути, она обратила внимание вельчан на место семьи Орловых в культурном наследии их города. Позже, уже по инициативе вельчан, проводились культурные мероприятия городского масштаба, посвященные юбилеям Ю.А. и А.Ф. Орловых, что послужило нам поводом побывать в городе, где помнят и чтят наших предков.

* * *

«Бытие определяет сознание». Бытие семьи Ю.А. Орлова отмечено своеобразием «квартирного вопроса». До войны мы жили в Ленинграде, в квартире Павла Ивановича Преображенского («Геслеровский проспект дом семь квартира восемь», как знал я с детства).

Орловы оказались здесь потому, что в 1924 г. профессора Пермского университета П.И. Преображенский и А.А. Заварзин вернулись в Ленинград (как стал называться когда-то оставленный ими Петроград). Профессор Заварзин был вытребован из Перми на должность заведующего кафедрой гистологии в Военно-медицинскую академию.

В то же время из Перми в Ленинград приехали наши будущие родители — дочь Павла Ивановича Преображенского Наталья, студентка Пермского университета, и Ю.А. Орлов, постоянный помощник Заварзина с 1916 г. во всей их пермской эпопее, ассистент и успешный продолжатель его научной школы.

Воспоминания Ю.А. об Алексее Алексеевиче Заварзине, не раз опубликованные раньше, дают представление о школе жизни, которую Ю.А. прошел с ним в нелегкие годы истории страны, будучи еще привязанным к Пермскому университету: делать все лучшим образом, не откладывая «на потом» и не жаловаться. Отсюда его опыт организатора, который помогал при переезде Института из Ленинграда в Москву, во время войны, в работе директором Института и при формировании кафедры палеонтологии в МГУ. И конечно же, при воплощении мечты Ю.А. о новом Палеонтологическом музее в виде решения о его строительстве за подписями Брежнева и Косыгина.

Н.П. и Ю.А. обвенчались в ноябре 1924 г.

Здесь уместно сказать несколько слов о нашей маме Наталье Павловне. О ее роли в жизни Ю.А. и семьи предельно точно рассказано в книге Светланы Федотовой: «Наталья прожила удивительную жизнь, захватив все перипетии XX века и помотавшись по стране сначала за отцом, потом за мужем» (Федотова С.Л. Геолог удачи: Настоящая жизнь профессора Преображенского. 2021). В 1930 г. Н.П. окончила географический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «почвоведение». Могла бы стать певицей; у нее был сильный голос, меццо-сопрано, стала лауреатом конкурса вокалистов за исполнение романсов Чайковского, а 21 июня 1941 г. сдала заключительный экзамен по классу фортепьяно — и получила приглашение в Ленинградскую филармонию!

В 1924 г. Ю.А. снова стал работать у Заварзина, на этот раз в военной академии в Ленинграде: я (О.О.) помню «шпалы» в воротничке его гимнастерки и колодку, которой снимают кожаные сапоги. По моим понятиям, все мы, четверо Орловых нашего поколения, родились в клинике Военно-медицинской академии.

Итак, о «своеобразии».

С 1935 г., после переезда Академии наук из Ленинграда в Москву, Ю.А. — в Москве, семья — в Ленинграде. Весной 1941 г., еще в Ленинграде, на бумажном плане квартиры, выделенной многодетной семье, родители расставляли выполненные в масштабе рояль и мебель.

С 1941 г. — война: семья в эвакуации, Ю.А. постоянно в экспедициях. В ноябре 1943 г. собрались вшестером все вместе во временном, с 1935 г., московском жилье Ю.А. — комнате 12.5 кв. м. В 1944 г., незадолго до кончины, получил квартиру в Москве Павел Иванович Преображенский — можно «чуть поделиться своей семьей».

Году в 1948 Ю.А., как профессор МГУ, получил-таки собственную квартиру на Новопесчаной улице и, наконец, уже как директор института АН СССР — квартиру в академическом доме по Большой Калужской (Ленинский проспект, 13), и что важно — рядом с работой. Последняя квартира в том же доме почти не в счет по числу прожитых в ней лет, но она была уже его настоящим домом.

На фоне перманентной разобщенности своей семьи особенно значимой для Ю.А. стала дача на Зеленоградской по Ярославской ж.д. После завершения строительства, году в 1950-м, дача стала местом, где можно было наконец собраться вместе всей семьей в так долго желанном Ю.А. и Н.П. собственном доме!

Поначалу выделенный дачный участок размером 12 соток Ю.А. намеревался поделить с К.К. Флеровым. На счастье, кто-то отказался от участка, Флеровым удалось обменять доставшийся им участок на соседний с нами. Ю.А. и К.К. вместе искали подходящие деревенские избы возле Переславля-Залесского, вывозили и строили почти одновременно. Ю.А., бесконечно загруженный работой, не мог заниматься практическим решением многих вопросов. Перевозка разобранных изб на грузовиках, поиск стройматериалов, взаимодействие с прорабами, мужиками и прочие заботы легли, прежде всего, на Наталью Павловну. Во многом помогал К.К., и стройка закончилась сравнительно быстро. Позже не раз случалось видеть К.К. и Ю.А., общающихся по какому-либо поводу повиснув на заборе — достаточно условной границе независимых владений.

И коли зашла речь о дачном вопросе, — пара слов о «дачной компании» сотрудников-родителей из ПИНа в далеком 1940 г. Тогда семьи с детьми объединились и дружно сняли на летний сезон жилье в деревне Степаньково, километрах в трех от станции «Заветы Ильича» Ярославской ж.д. Дорога пешком до деревни шла через сосновый лес. В деревне был клуб и дружеская компания молодежи: мои старшие братья Сева и Рома; сыновья Р.Ф. и Е.Л. Геккерев — солидный Иван и улыбочивый Федя, которого Иван звал Мартыном; девочки — Женя Родендорф (с ней в 1950-м я оказался одновременно на Биофаке МГУ) и красавица-принцесса Наташа Эберзина — позже, насколько знаю, студентка Геологического факультета. И совсем еще маленький тогда Аллан

Ефремов, будущий геологоразведчик в Сирии, которого Елена Дометьевна и Иван Антонович звали Лучик.

Такая вот безоблачная, дружественная атмосфера в обоих поколениях...

* * *

Дела служебные. Ю.А. оберегал покой семьи, Н.П. особенно, от передряг внешнего мира. Никаких служебных разговоров за столом не было. Длившиеся годами периоды, когда институтское и академическое, научное и идеологическое переплеталось в ужасающий клубок, надлежало пережить, как учили нас родители, пусть стиснув зубы. Было видно, чего стоило Ю.А. молчание. Иногда, правда, он все же иронизировал на темы, которых лучше было избегать. Но и темным полосам приходит конец.

Дома не приходилось слышать, чтобы отец как-нибудь подводил итоги и ранжировал свои достижения. В наших глазах величайшей его заслугой стал новый музей Палеонтологического института — один из истинных памятников «эпохи застоя» великой державы! Настоящим праздником было для Ю.А. дожить до решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР за подписями Брежнева и Косыгина о строительстве музея. Что это? Благоприятное стечение обстоятельств? Царственный жест недавно пришедшего Брежнева? Ведь в твоих руках почти ничего, кроме научных аргументов и собственной настойчивости при отстраненно-прохладной поддержке президента Академии наук М.В. Келдыша. Никаких гарантий успеха.

В ряду заслуг Ю.А., конечно же, стоит эпопея с изданием многотомных «Основ палеонтологии», отмеченных Ленинской премией — достойное свидетельство планового благополучия отечественной науки.

Надо полагать, отец высоко ранжировал бы свою активность в области контактов с зарубежными коллегами. Для его поколения и среды было обычным знание иностранных языков, поэтому у Ю.А. не было проблем ни в письменном, ни в личном общении с зарубежными коллегами. В военное время не было никаких контактов, но как только после войны это стало возможным, отец восстановил связи с американскими и европейскими коллегами — обмен отпечатками, получение книг и периодики, в том числе за период войны. В 1946 г. на отмечающийся 220-летний юбилей Академии наук были приглашены американские палеонтологи.

Но это благоденствие было недолгим: начались холодная война и борьба с безродным космополитизмом и преклонением перед Западом.

Свою переписку с иностранцами отец сжег, когда в ноябре 1949 г. в «Правде» появилась статья тбилисского палеонтолога Л.Ш. Давиташвили «Крупные ошибки одного института» про ПИН и Ю.А. Орлова. Рассчитывал ли Давиташвили, что пока товарищ Сталин жив, Орлова снимут и сделают автора статьи директором ПИНа? Однако президент Академии наук Александр Николаевич Несмеянов проявил мужество и спустил дело на тормозах, проведя на президиуме Академии наук открытое обсуждение дел в институте.

Когда зарубежные контакты вновь стали активными, отец «голубем мира» побывал в Индии, Индонезии, Китае, Норвегии, Франции и Германии. Самый радушный и «свой», по его словам, прием он встретил в Германии, в Тюбингене, а добрые знакомства установил почти везде, где побывал. Во Франции он познакомился с Л.А. Майдановичем, самобытным художником и знатоком военных российских костюмов, который после революции юнгой военного корабля оказался за линией фронта; Ю.А. помог ему вернуться в СССР.

В домашнем общении с отцом до поисковой, увлекательной стороны науки дело доходило, увы, очень редко. Исключением была Монгольская экспедиция, которая застала Монголию после искоренения в конце 1930-х гг. буддийских монастырей. Развалины, разбросанные бронзовые статуэтки, иконы на шелке и сакральные тексты на прозрачной рисовой бумаге. Пустыня, «зубы дракона».

Административные обязанности директора института оставляли Ю.А. мало времени для собственных интересов, и последнюю большую научную работу — монографию по дейноцефалам (1958) — он писал в нерабочее время, засиживаясь допоздна в старом здании музея на Ленинском проспекте, 16.

Там отец смог наконец создать себе рабочий кабинет, после того как удалось добиться реконструкции здания музея, встроив второй этаж, благодаря чему над входным помещением появился круглый зал в обрамлении кабинетов, а над залами с экспозицией — коридор с двумя рядами кабинетиков для сотрудников и научной молодежи. В этом строительстве Ю.А. помогал Григорий Гайкович Чахмахчев, могущественный управляющий делами АН СССР, а палки в колеса вставляли старушки из Общества охраны памятников архитектуры: здание манежа с конюшней в Нескучном саду — памятник архитектуры! Предоставленные под музей при переезде Академии наук из Ленинграда в Москву конюшня и каретный сарай, нечищенные с царских времен, Ю.А. с К.К. Флеровым и другими сотрудниками разгребали сами в 1936–1937 гг. Потом половина музейных помещений была снесена

в 1939 г. при расширении Большой Калужской улицы и строительстве жилых домов. Помимо старушек из общества, дело требовало «смазки» еще каких-то бюрократических механизмов...

* * *

Институт и кафедра. Местом душевного уюта и тепла на протяжении многих лет была для отца кафедра палеонтологии на Геологическом факультете МГУ. Знавшие Ю.А. помнят его человеком общительным и доброжелательным, университетская среда была ему по душе. На кафедре Ю.А. смог воплотить огромный опыт педагогической работы при Заварзине в Пермском университете, потом в Военно-медицинской академии в Ленинграде. Кафедра палеонтологии была коллективом единомышленников, если не сказать делом рук Ю.А. — в отличие от Палеонтологического института, директором которого он стал в 1945 г. после кончины Алексея Алексеевича Борисяка.

Ю.А. никогда не состоял в партии. Что значило быть беспартийным директором, он хорошо представлял, и директорство не явилось для него неожиданностью. Несколько облегчало ситуацию то, что решения партбюро, принимаемые не только профессорами, но и уборщицей института, были не полностью обязательны для беспартийного директора...

Разница между кафедрой и Институтом была большой и по очень обычной причине: одно дело руководить тем, что тебе посчастливилось формировать своими руками, и совсем другое — доставшимся тебе сложившимся коллективом с обзозом его людских проблем.

Поэтому к словам Натальи Павловны о кафедре палеонтологии (из очерка о Ю.А. Орлове в книге А.Р. Орловой «Наталья Павловна Орлова рассказывает...») «И очень дорожил этим — студенчество, подрастающее поколение, было самым большим его детищем. А потом уже Палеонтологический музей» — добавили бы: не говоря уж об Институте.

Вдобавок кафедра палеонтологии, «биологическая» среди остальных «геологических» на геофаке МГУ, пользовалась «привилегией экстерриториальности» — была защищена от мракобесия лысенковщины, царившей как на биофаке в МГУ, так, в особенности, и в Отделении биологических наук Академии.

Разгул лысенковщины после августа 1948 г., обязательные коллективные прослушивания выступлений «беспартийного академика Лысенко», транслируемых по сети внутреннего вещания ОБН на Большой Калужской, 33; изъятие из библиотеки ОБН сочинений вейсманистов-морганистов и сожжение их во дворе; обязательная проработка и обсуждение гениальных трудов «отца и учителя всех времен и народов»

по вопросам языкознания и их значения для отечественной палеонтологии; Бошнян, Лепешинская; дело врачей-убийц в белых халатах, регулярные «наезды» со стороны парторганизации института — вот тот фон, на котором протекало директорство отца, и как запомнилась та эпоха мне, школьнику. Нельзя сказать, чтобы эта атмосфера сильно изменилась при Хрущеве. Только с приходом Брежнева и Косыгина президенту Академии наук М.В. Келдышу удалось осадить Лысенко, под чью дудку плясали ответственные за биологию товарищи в Отделе науки ЦК.

Душевным оазисом была кафедра для Ю.А. также на фоне многолетней борьбы за сохранение ПИНа в составе Отделения биологических наук. Постоянная угроза насильственного перевода ПИНа, еще А.А. Борисяком выведенного на просторы биологического подхода к вымершим животным и растениям, обратно в лоно геологии много лет была причиной постоянных слов «тягостно» и «спасите науку от отдела науки ЦК». Эта изматывающая кампания описана М.А. Шишкиным (Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 1), чей очерк помещен в разделе журнала с мрачно звучащим названием «Социальная история отечественной науки и техники».

* * *

Жизнь связала Орловых с Заварзиными не только профессиональными узами. Им обязаны своей фамилией дочь (Н.Ю.) и внучка (Е.Г.) Юрия Александровича: Наталья Юрьевна вышла замуж за сына младшего брата А.А. Заварзина — Г.А. Заварзина.

Творческому мастерству и вкусу младшего брата А.А. Заварзина — архитектора Александра Алексеевича, с которым Ю.А. и Н.П. были знакомы еще с Перми, мы обязаны лаконичным памятником над последним земным пристанищем нашего отца Юрия Александровича Орлова на Новодевичьем кладбище, части нашего общего ближнего круга.

О.Ю. Орлов, Н.Ю. Заварзина

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АЛЕКСЕЕ АЛЕКСЕЕВИЧЕ БОРИСЯКЕ КАК ЧЕЛОВЕКЕ

Ю.А. Орлов

Дать правильную оценку ученому как человеку часто много труднее, чем выяснить его ценность как ученого или общественного деятеля, хотя очень многое зависит именно от этих «человеческих» качеств. В оценке этих последних многое зависит от личных свойств, склонностей, вкусов и взглядов самого ценителя; бóльшая или меньшая субъективность пишущего почти неизбежна, хотя часто и неуловима.

Нижеизложенное не может претендовать на полноту и точность и, вообще, не есть законченный очерк об А.А. Борисяке как о человеке. К тому же автор этих строк знал А.А. Борисяка более или менее близко лишь в последние 15 лет его жизни.

Хотелось бы остановиться на болезни А.А. и особо отметить, что бóльшую часть своей жизни как ученого и организатора науки А.А. Борисяк был тяжело больным человеком. Туберкулез уничтожил у А.А. целиком одно легкое и значительную часть другого, одну почку и разрушил несколько спинных позвонков. Это вынудило А.А. провести бóльшую часть своей жизни в стальном корсете, опиравшемся на подвздошные кости, поверх гипсового корсета, одетого на А.А. профессором Турнером¹. Корсет подпирал А.А. подмышки, дабы создать

¹ Генрих Иванович Турнер (1858–1941) — врач, один из основоположников отечественной ортопедии, организатор и руководитель первой в России кафедры и клиники ортопедии в Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге (1900).



В музее Палеозоологического института: Ю.А. Орлов, А.А. Борисяк и И.Г. Пидопличко. Ленинград, 1933 г.

неподвижность позвоночного столба и уменьшить нагрузку на позвонки. Пострадали от болезни и сами подвздошные кости. Наконец, А.А. перенес из-за туберкулеза тяжелую операцию мочеполовой системы.

Требовалась необычайная сила духа у человека, неоднократно приговоренного врачами к скорой смерти, чтобы, невзирая на мучительную болезнь и наступившую в сравнительно молодые годы инвалидность, не только жить, но и выполнять огромную педагогическую, научно-общественную и организационную работу, которой хватило бы по меньшей мере на троих ученых. Она освещена в нескольких биографических очерках и некрологах, и на ней мы не будем останавливаться. Но при любом присутствии духа и настойчивости — такая степень инвалидности не могла не сказаться на самом больном, на окружающих, прежде всего на жене А.А., Александре Николаевне Борисяк. Молодая, энергичная, темпераментная женщина превратилась на многие годы в сиделку

и медсестру при инвалиде (А.Н. имела незаконченное медицинское образование). А.А. требовал невольно самого пристального ухода и внимания, хорошего питания, что не всегда было выполнимо, особенно в тяжелые годы гражданской войны и разрухи. Сам по себе, один, А.А. был бы беспомощен и, таким образом, находился в сильной, вернее, почти полной зависимости от ухода и того, кто этот уход выполнял. Возможно, что эта обстановка, ставшая с годами еще более тягостной в связи с очень возросшей нервозностью Александры Николаевны (чему автор этих строк был свидетелем), была одной из причин необычайного самообладания А.А. Борисяка и сдержанности, как известно, очень дорого стоящих организму «рефлексов торможения». А.А. очень редко мог быть выведен из себя и, как правило, был корректен и вежлив, невзирая ни на какие резкости споривших с ним, что могли бы засвидетельствовать самые заядлые критики А.А. или его противники в каких-либо организационных вопросах. Многими это принималось как отрицательная черта типа неискренности, упрямства. Действительно, А.А. был очень настойчив, и свидетельство этому, прежде всего, огромный общий объем его работы в науке и ее организации, особенно после революции, в годы пятилеток в Горном институте, Геологическом комитете (ныне ВСЕГЕИ) и Академии наук СССР. Но «тихая» настойчивость А.А. Борисяка, иногда принимавшаяся — внешне — за робость, вероятно имела частично почву в тягостной болезни и тягостной при инвалидности семейной жизни; и быть может, А.А. никогда не описал бы с такой теплотой и симпатией драматическую сторону жизни В.О. и С.В. Ковалевских, если бы сам не испытал так много личного горя.

Последние приблизительно 12 лет жизни А.А. и А.Н. Борисяков сложились тоже тягостно. Но на этот раз все более и более тягостным инвалидом стала Александра Николаевна. «Трясучий паралич» (*Paralysis agitans*) уже в начале 1930-х годов сделал ее инвалидом. А.А. сам стал в известной степени если не сиделкой, то повседневным заботником и печальником. Он с трогательным вниманием ухаживал за А.Н., при наличии некоторого медицинского образования прекрасно сознававшей безысходность своего положения и приближение мучительного конца. Он наступил для нее во Фрунзе во время эвакуации в 1942 году.

А.А., по его словам, «из-за туберкулеза никогда не позволил себе поцеловать свою дочку».

Нужно было иметь большую силу воли, чтобы, находясь практически всю жизнь в тяжелой беде, не пасть духом и сделать для науки и Родины столько, сколько сделал А.А. Борисяк.

ИСТОРИЯ С МАМОНТОМ¹

Ю.А. Орлов

Летом 1937 года я был вместе с Я.М. Эглоном в Закавказье, где мы осматривали некоторые местонахождения ископаемых млекопитающих. В Цители-Цкаро, бывшие Царские колодцы, была поставлена небольшая пробная раскопка на местонахождении гиппарионовой фауны. Однажды Я.М. Эглон показал мне номер газеты, где сообщалось о находке на острове Врангеля мамонта в замороженном состоянии. Целый мамонт. «Ну, — подумал я, — опять начинается, знаем мы этих мамонтов». Мне вспомнились уже бывшие ранее «находки» туш мамонта, когда либо были неполный череп и разрозненные кости, либо в начале 1930-х годов оказались остатки вмерзшего в лед кита. Одного такого мамонта в начале моей работы в Палеонтологическом (тогда Палеозоологическом) институте в Ленинграде я уговорил А.А. Борисяка сплавить Зоологическому институту Академии наук, так как в нашем институте мы не в силах изучать ничего, кроме скелета, а мускулатура, внутренности и прочее — объекты не палеонтологического характера.

Зоологи тогда снарядили экспедицию, которую было поручено возглавить одному археологу и любителю севера. Экспедиция поехала, Зоологический институт ухлопал изрядную сумму, по тем временам очень большую, никакого мамонта не оказалось. Археолог собрал кремешки и черепки, а Зоологический институт получил расходы.

¹ Печатается по авторской машинописной рукописи из архива семьи Орловых. Ранее опубликовано в: PINopticus. Вестник Палеонтологического института Российской академии наук. 2003. № 2. С. 14–16; Природа. 2018. № 7. С. 76–79 (частично).

Когда мы вернулись, кажется в сентябре, в Москву, уже крутилось колесо истории. Была создана комиссия, в которую входило много народа под председательством, кажется, академика А.А. Борисяка. В комиссии был и я, в то время заведующий отделом позвоночных нашего института. На одном из заседаний этой комиссии, помню, присутствовали академики А.А. Борисяк, С.А. Зернов, тогда директор ЗИН, профессор Б.А. Домбровский (Алма-Ата), профессор А.В. Румянцев, профессор Б.С. Виноградов (ЗИН) и многие другие. Обсуждалось, как взять этого мамонта целиком, заморозив его на месте в большом деревянном срубе, доставить такое «эскимо» в Москву, устроить огромный сарай, закрытый льдом сверху, намораживая воду в виде гигантской наледи, и т.д.

К академику А.А. Борисяку не было отбоя от желающих ехать за мамонтом. Помню первые строки одного заявления: «Я работница “Дирижаблестроя”, мне 19 лет, я физкультурница и хочу ехать за мамонтом». Однажды пришла одна красивая молодая дама с золотыми серьгами, произошел следующий диалог: «Вы академик Борисяк?» — «Да, я. Чем могу быть полезен?» — «Мне хотелось бы поехать за мамонтом». — «Простите, Ваша специальность?» — «Я скульптор». — «Но почему Вы стремитесь ехать за мамонтом?» — «Ах, но ведь это так интересно...». Тем временем шум прошел по газетам, пошли какие-то известия из-за границы. Одна не то голландская, не то датская фирма выпустила в продажу гуталин с маркой мамонта и т.д.

Во избежание недоразумений Б.С. Виноградов и я составили длинный вопросник к коменданту о. Врангеля Г.Г. Петрову, сообщившему о мамонте. Б.С. Виноградов после вышеупомянутого недоразумения очень осторожно относился к моему желанию «спихнуть» и на этот раз мамонта на Зоологический институт по мере возможности. В вопроснике требовались сведения: размеры животного, условия его залегания, характер сохранности и т.д. Через Главсевморпуть, в ведении которого находилась территория, вопросник был направлен по радио Петрову. Вскоре пришел ответ. Подробности не помню; там указывалось Петровым, что мамонт длиною шесть метров, что волосы у него такого-то цвета и еще что-то.

Сам я, не чуя ничего доброго от экспедиции, да еще очень громоздкой, отказался ехать, тем более начальником. И за дело взялся Р.Ф. Геккер, когда-то уже ездивший за скелетом мамонта, может быть даже не один раз (скелета полного не оказалось, как почти всегда при таких известиях). Экспедиция организовалась, вернее, была организована трудами Р.Ф. Геккера и оказалась очень многолюдной: в нее вошли мерзловед С.П. Качурин, географ К.К. Марков, зоолог и сравнительный

анатом А.Н. Дружинин, микробиолог А.Е. Крисс, орнитолог Л.А. Портенко (ЗИН), ботаник Б.Н. Городков, ряд других лиц — и научных работников, и подсобных. На одном заседании, где обсуждались вопросы, связанные с извлечением мамонта, мерзлотовед Качурин сделал доклад, в котором высказал предположение о том, что найдена самка мамонта. В таком случае можно было бы, по мнению докладчика, достать из нее яйцевую клетку, имплантировать таковую в матку самки индийского слона и таким образом получить помесь между мамонтом и индийским слоном. Мерзлотоведу, очевидно, не приходило в голову, что даже мороженая говядина мельчайшими кристаллами льда так повреждена, что допущение столь идеальной сохранности яйцевой клетки есть плод тягостного недоразумения. Но, продолжал докладчик, отнюдь не исключено, что где-нибудь поблизости замерз и самец мамонта, так что можно было бы его семенной жидкостью оплодотворить яйцевую клетку мамонта, всаженную в современную слониху и — далее цитирую в точности слова докладчика — «таким образом восстановить породу мамонтов, что могло бы иметь крупное народнохозяйственное значение». Доклад делался в присутствии упомянутых выше зоологов, эмбриологов и гистолога А.В. Румянцева. Сам я, сдерживая смех, чуть не свалился с натуги на пол. Так или иначе, но большая экспедиция уехала летом 1938 года во Владивосток. Оттуда, погрузив большое оборудование, в том числе много лесоматериалов для упаковки мамонта, отчалила в Петропавловск-на-Камчатке, а оттуда проследовала через Берингов пролив на о. Врангеля. По прибытии на о. Врангеля через Главсевморпуть была получена радиограмма. Несколько позднее пришло извещение о выезде к месту находки, после чего, кажется, была радиограмма и о возвращении на базу с места находки. Затем наступило длительное молчание, во всяком случае, ничего не сообщалось насчет мамонта.

Спустя несколько месяцев с момента отъезда из Москвы экспедиция вернулась обратно. Мамонта не оказалось. Выяснилось, что охотовед (фамилия, кажется, Валяйнис), живший на о. Врангеля, пытался предупредить Академию наук о том, что находка никак не может быть мамонтом. Но комендант острова Петров (бывший начальник тройки по спасению челюскинцев) не разрешил посылку радиограммы в Академию наук от охотоведа — ему очень хотелось, чтобы это был мамонт. . . Полусгнивший хвост кита, в котором виднелись тела позвонков, Петров принял за хобот со складками в согнутом состоянии, а мацерированные, посохшие и разлезшиеся мышечные волокна — за шерсть мамонта и т.д.

Благодаря организованности начальника экспедиции Р.Ф. Геккера и его огромной организационной работе и настойчивости экспедиция

собрала большой и очень интересный материал по вопросам оленеводства, охоты, орнитологии, минералогии и т.д., и таким образом работа и огромные затраты не пропали зря². Был снят интересный документальный фильм, изданы позднее труды экспедиции, содержащие ряд интересных статей — но мамонта не оказалось.

Зимой 1938–1939 гг. в довольно суровое время арестов, ссылок и пыток «эпохи культа личности» я получил повестку явиться в прокуратуру СССР на Пушкинской улице Москвы, дом 11. Туда входили, но не все оттуда выходили домой. В назначенное время я пришел, естественно, без особой радости, а внешний вид, выражение лица у многих бывших там посетителей и тем более не порадовали меня. Мне был устроен допрос по поводу экспедиции на о. Врангеля за мамонтом, которого не оказалось. По бокам от меня стояли два красноармейца с винтовками и примкнутыми к ним штыками, я отвечал на все вопросы стоя. Допрос вели три следователя, а кроме того сидело, кажется, семь студентов-юристов МГУ пятого курса, практикантов.

Было совершенно ясно, что неудача экспедиции приписывалась вредительству, надо было найти виновных. Как впоследствии мне сообщали, комендант острова Петров, в сущности, явно виновный в дезинформации и, во всяком случае, в том, что не пропустил предупредительную телеграмму охотоведа, решил все свалить на Академию наук. Он-де человек несведущий, и за науку отвечает Академия наук, в том числе вице-президент Академии О.Ю. Шмидт. Если добавить к этому, что и у Шмидта немецкая фамилия, и Р.Ф. Геккер немец, как значится в его паспорте, то «ход» Петрова был вполне «современный» и созвучный той эпохе.

Мне было указано, что ведь американцы «хотели у нас купить этого мамонта за полмиллиона долларов», что я должен же понимать, какой конфуз получился бы, если бы советское правительство эту торговую сделку осуществило. Подробности не помню этого тягостного дня, но мои доводы в том направлении, что это просто был итог тягостного недоразумения и необразованности Петрова плохо принимались во внимание. После допроса меня отпустили домой. Некоторое время спустя ко мне пришла снова повестка из Прокуратуры СССР. На этот раз, думал я, вероятно, надо взять с собой хотя бы смену белья... Опять Пушкинская 11, опять предъявление паспорта, получение пропуска, множество убитых горем и заплаканных лиц по дороге к следователям, опять красноармейцы, опять все то же самое. На этот раз после

²Подробнее об экспедиции см.: Урмина И.А. Экспедиция за мамонтом на остров Врангеля: правда и вымысел // Природа. 2018. № 7. С. 72–79 (*прим. ред.*).

длительной «беседы» мне было предложено написать — в письменной форме дать свои показания с объяснениями по поводу отсутствия мамонта и т.д. Не помню текста, написанного мною. Несколько лет тому назад копия моего заявления, сохранившаяся в институте, попала мне на глаза, а может быть даже и теперь где-нибудь хранится...

В то время в Палеонтологическом институте я заведовал либо отделом позвоночных, либо, во всяком случае, млекопитающими. Поэтому и мамонты были моими подопечными, я за них «отвечал».

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПОДГОТОВКЕ ПАЛЕОНТОЛОГОВ¹

Ю.А. Орлов

Палеонтология прежде всего есть зоология и ботаника прошлого или, как ее определял один из крупнейших геологов и палеонтологов, профессор Московского университета, академик А.П. Павлов — «зоология и ботаника угасших форм жизни». Вместе с тем палеонтология, естественно, представляет историю Жизни по ее ископаемым остаткам. История этой Жизни была неразрывно связана с историей самой Земли, и как история Земли не может быть правильно понята без знания истории Жизни, так же и история Жизни по ее ископаемым остаткам требует знания истории земной коры, Земли в целом. Но сами по себе объекты, изучаемые палеонтологами — ископаемые животные и растения, точнее говоря, остатки этих организмов прошлого, в первую очередь являются зоологическими объектами или ботаническими, и от степени зоологической и ботанической точности понимания древних моллюсков, рыб, других животных и растений зависит польза палеозоологии или, соответственно, палеоботаники для геолога. Это относится не только к определению геологического возраста осадочных пород, но и к характеристике фаций, а в некоторых случаях степень этой точности важна и для понимания генезиса некоторых полезных ископаемых органогенного происхождения.

¹ В январе 1960 г. Ю.А. Орлов участвовал в 47-м Индийском научном конгрессе в Бомбее. После конгресса Ю.А. Орлов совершил поездку по Индии с посещением, в том числе, Пенджабского университета в Чандигаре, где на геологическом факультете выступил с данным сообщением о подготовке студентов-палеонтологов в Московском университете.



Ю.А. Орлов выступает с докладом перед сотрудниками и студентами геологического факультета Пенджабского университета в Чандигаре. 15 января 1960 г.

Сказанное, вообще говоря, общеизвестно. Но дифференцировка знаний и различных разделов геологии, возникновение новых методов геологической разведки (электроразведка, сейсмометрия, гравиметрия и т.д.), развитие современной тектоники и вообще огромный разносторонний рост геологии привели к относительному уменьшению роли палеонтологии в цикле геологических наук сравнительно, например, с серединой или второй половиной прошлого века. Произошло некоторое падение интереса к палеонтологии среди измеряемой многими десятками тысяч современной армии геологов мира. Это положение знакомо, во всяком случае, самим палеонтологам, несмотря на общий большой рост палеонтологии в мировой науке. Более того, для современных зоологов палеонтология часто кажется «какой-то геологией», а для геологов палеонтология, особенно некоторые ее разделы, вроде палеонтологии позвоночных, представляется «сплошной зоологией». С другой стороны, палеонтологу хорошо было бы совмещать в себе

и зоолога «угасших форм жизни» — или соответственно ботаника — и геолога, правильно ориентирующегося в стратиграфии, характере осадочных отложений, содержащих палеонтологические остатки, в тектонических нарушениях местонахождений ископаемых остатков, в вопросах палеогеографии и так далее. Большое практическое значение палеонтологии для геологии имеет своим итогом воспитание палеонтологов почти исключительно в геологических институтах или на геологических факультетах университетов, то есть в кругу геологов, которые и считают по традиции палеонтологию одной из «геологических» наук. Практически для геологов палеонтология в первую очередь вспомогательная наука, как и физика, начертательная геометрия и другие. Индикаторная роль остатков папоротников, динозавров, иглокожих и так далее интересует геологов или геологию, а не сами по себе пластинки панциря морского ежа или затылочные кости черепа динозавра. И чем дальше дифференцируется геология, специализируются геологи по разным направлениям работы — нефть, каменный уголь, редкие элементы и прочая разведка полезных ископаемых, тем меньше возможностей и времени у значительного большинства геологов интересоваться ископаемыми органическими остатками по существу, то есть смотреть на них и изучать их глазами зоолога или ботаника, что необходимо для полноценного понимания этих объектов. Понятно поэтому, что ряд горных институтов в разных странах перестают или перестали готовить палеонтологов. В Советском Союзе в связи с изложенным выше эта подготовка в основном ведется в университетах, где имеются и геологический, и биологический факультеты одновременно, или где, по крайней мере, имеются не только геологи, но и зоологи, и ботаники.

Несколько слов мне хотелось бы сказать о том, как ведется подготовка палеонтологов на кафедре палеонтологии в Московском университете, где имеется опыт последних двадцати лет.

Палеонтологи готовятся здесь из студентов-геологов, которые по окончании университета имеют в виду вести геологическую съемку и геологическое картирование. Палеонтологи обособляются от геологов после первого года обучения, и дальнейшее обучение палеонтологов осуществляется по особому плану. Естественно они проходят общие с геологами предметы, такие как историческая геология, геология СССР, геоморфология, геотектоника, петрография осадочных пород и другие, но слушают сокращенные курсы по кристаллографии, минералогии, петрографии кристаллических пород.

Особое внимание уделяется пополнению биологического образования, в настоящее время слабого у геологов, а нередко ограничи-

вающегося лишь средней школой. Студентам палеонтологам помимо общего курса палеонтологии в 180 часов, из которых приблизительно 110 идет на беспозвоночных, и примерно по 35 — на ископаемых позвоночных и палеоботанику, читаются: основы эмбриологии и гистологии (60 часов), сравнительная анатомия беспозвоночных (72 часа), сравнительная анатомия позвоночных (60 часов), фауна моря (48 часов), дарвинизм (48 часов). После второго года обучения студенты едут летом на учебную геологическую практику в Крым, где в продолжение полутора месяцев они ведут сборы ископаемой фауны, изучают разрезы, знакомятся с геологической съемкой под руководством опытных преподавателей, которым сдают зачет по этой работе. Оставшуюся часть летнего времени многие проводят в отпуске, спускаясь с гор к Черному морю.

В течение третьего и четвертого курсов палеонтологи проходят «Большой палеонтологический практикум», на котором углубленно прорабатывают почти все группы животного и растительного царств, знакомятся с методикой обработки и изучения этих групп.

Во время третьего года обучения, зимой, студенты выполняют — помимо слушания курсов, указанных выше, — «курсовую работу», которая заключается в описании каких-либо палеонтологических сборов, иногда своих собственных, с учетом основной литературы. Они знакомятся с литературой и, так сказать, «техникой научной работы» в области палеонтологии. Эта учебного характера работа продолжается и на четвертом курсе, где снова пишется курсовая работа, но уже с более высокими требованиями, уже на основе первой «производственной практики»; во время ее студент направляется на летнее время в какую-нибудь геологическую экспедицию, в которой ведет сборы фауны или флоры во время геологической съемки. Нередко удается и после четвертого курса, то есть после четвертого зимнего сезона обучения, направить палеонтолога на последнюю — уже «преддипломную» — практику в тот же район, на те же или аналогичные разрезы, где он был после третьего курса. Тогда эта последняя полевая практика дает студенту дополнительный материал к работе предыдущего года, позволяющий построить на нем и своих полевых наблюдениях дипломную работу, которая защищается перед окончанием университета и задача которой — окончательно «поставить» выпускника университета «на ноги». Поэтому к этой последней работе предъявляются серьезные требования, ей придается большое значение, и в самих работах нередко содержатся данные, носящие характер научной новизны и заслуживающие опубликования.

При защите дипломных работ студенты обязаны излагать все так, как это надлежит делать при подготовке рукописи к печати, что относится и к синонимике, и к списку литературы, и так далее. Собственно палеонтологической части обычно предшествует краткий очерк истории изучения района, его орографии, геологического строения и так далее, после чего идет описание фауны и флоры, а в заключительной главе даются стратиграфические и другие выводы.

Необходимо отметить, что кафедра палеонтологии Московского университета посылает своих питомцев перед первой практикой в геологических экспедициях, то есть в начале лета после третьего года обучения, на две с половиной недели на морскую биологическую станцию, где будущие палеонтологи знакомятся с фауной и флорой современного моря, литоралью и так далее. Это всегда производит на них сильное впечатление и помогает им смотреть на ископаемых ежей, брахиопод и моллюсков глазами биолога, видеть в известняках если не само море с его жизнью, то, во всяком случае, более яркое отражение этой жизни и моря, чем это было бы без поездки на современное море.

В наше время ни один палеонтолог не может знать все одинаково обстоятельно, от простейших до человека. Поэтому кафедра палеонтологии привлекает для различных разделов большого палеонтологического практикума объемом в 400 часов некоторых специалистов по брахиоподам, моллюскам и так далее. Для специализирующихся в палеонтологии позвоночных содействие оказывается Музеем Палеонтологического института.

Студенты, специализировавшиеся по палеонтологии, по окончании университета направляются для работы в учреждениях Министерства геологии, Академии наук СССР в Москве, в Академии наук Украинской, Узбекской и других республик и так далее.

Кроме того, некоторое количество палеонтологов «рождается» из воспитанников биологического факультета. Это относится, в частности, к палеоботанике, палеонтологии позвоночных, палеоэнтомологии. Что касается палеонтологов, оканчивающих геологический факультет, то в Московском университете их бывает ежегодно человек десять, иногда немного более.

О ПОЛОЖЕНИИ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АН СССР В СИСТЕМЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ю.А. Орлов

Палеонтологический институт АН СССР был помещен Академией наук по ходатайству основателя Института академика А.А. Борисяка в Отделение биологических наук по следующим мотивам:

1. Основная задача Института — разработка палеонтологии на биологической основе, как биологической науки об ископаемых организмах в кругу биологических наук. Углубленное биологическое понимание ископаемых организмов, их морфологии, филогении, систематики, в неразрывном единстве с условиями обитания и исторической сменой этих условий — повышает стратиграфическую ценность ископаемых организмов и тем самым силу палеонтологии в ее помощи геологии и народному хозяйству.

2. К изложенным выше положениям А.А. Борисяк пришел на основании 30-летней работы в геологии и палеонтологии (научной и педагогической) и 15-летней работы на посту заведующего палеонтологической секцией бывшего Геологического комитета (ЦНИГРИ, ВСЕГЕИ), созданной и работавшей под руководством А.А. Борисяка для обработки палеонтологических сборов со всего СССР. Этот коллектив к 1930 году имел 30 штатных и 60 внештатных договорных из года в год палеонтологов, не имел себе равного в мире и образовался в связи с гигантским ростом советской геологии, который потребовал увеличения палеонтологической службы.

3. Работа большого коллектива палеонтологов на пользу геологической практике выяснила необходимость введения в круг руководящих ископаемых организмов важных для стратиграфии ряда новых групп (некоторых кишечнополостных, губок, моллюсков и многих мало изученных форм — граптолитов, археоциат и других). Одновременно выяснилось, что систематика и биология некоторых ископаемых групп находятся не на уровне современной биологической науки, неполноценны, часто ошибочны, а для некоторых групп, весьма распространенных на территории СССР, почти не разработаны. Палеонтологическая секция и ее руководитель А.А. Борисяк встали перед необходимостью постановки биологических тем для разрешения ряда вопросов, что было бы крайне затруднительно в обстановке геологических учреждений при современной дифференцировке геологии и всего естествознания вообще. Поэтому А.А. Борисяк пришел к мысли о необходимости создания специального небольшого палеонтологического института в системе Академии наук СССР, в Отделении биологических наук.

4. В этом своем решении А.А. Борисяк был поддержан не только академиками зоологами (А.Н. Северцов, М.А. Мензбир, Н.В. Насонов, С.А. Зернов) и В.Л. Комаровым, но и нашими крупнейшими геологами — академиками А.П. Карпинским, В.И. Вернадским, А.Е. Ферсманом и другими.

5. Таким образом, задача Палеонтологического института прежде всего — развитие палеонтологии как биологической науки об ископаемых организмах, хотя и представленных, на первый взгляд, сухим и безжизненным каменным материалом, об эволюции этих организмов и ее закономерностях на основе учения Дарвина, бессмертного научного наследия основателя эволюционной палеонтологии В.О. Ковалевского и передовых идей творческого мичуринского понимания дарвинизма.

6. Главнейшая задача Палеонтологического института — разработка самой палеонтологии как науки, имеющей первостепенное значение в понимании истории органического мира не только минувших геологических эпох, но и современного, ибо без документальных исторических данных палеонтологии невозможно правильное понимание морфологии, филогении и систематики современных организмов.

7. Выходом в практику для Палеонтологического института является не только изучение ископаемого органического мира и через это помощь «палеонтологической службе», но и выпуск изданий типа «Палеонтологии СССР» (важнейшие ископаемые фауны), определителей ископаемых организмов, создание Палеонтологического музея, научная популяризация, подготовка кадров молодых палеонтологов, в которых

нуждается наша страна. Попутно, при научной обработке материалов, выполняемые определения для ряда геологических организаций часто также существенны, но не могут быть одной из основных задач Института: определительская работа должна выполняться (и выполняется) в системе Министерства по делам геологии (ВСЕГЕИ, районные геологические управления, геологические тресты, научно-исследовательские и промысловые учреждения Министерства нефтяной промышленности и другие). Эта работа при размахе советской геологии требует участия многих сотен специально занятых этим сотрудников и не может входить в круг прямых задач Института.

8. При планировании своей научной работы Институт учитывает запросы практики и поэтому свои крупные темы ставит на материалах ископаемых групп и больших территорий Союза, по возможности имеющих практическое значение. Таковы крупнейшие темы Института в его новом плане после сессии ВАСХНИЛ. Некоторые крупные работы Института (Монгольская палеонтологическая экспедиция, некоторые работы по палеоэнтомологии и другие) поставлены Институтом ввиду их крупного теоретического интереса; однако добываемые при этом научные материалы (динозавры Монголии и другие) имеют и существенное практическое значение в деле расшифровки стратиграфии континентальных отложений.

9. Большой и трудный раздел работы Института — палеонтология позвоночных, в области которой Институт с его первоклассным по своим материалам Музеем, — ведущее учреждение в СССР и одно из крупнейших в мировом масштабе. Работа в области палеонтологии позвоночных, как и созданной в основном советскими учеными палеоэнтомологии, тесно связана с большим циклом вопросов сравнительной анатомии, гистологии скелета, морфологии нервной системы, палеомиологии, биомеханики и с другими вопросами наук биологического цикла. При современном состоянии естествознания «средой» для этого типа палеонтологических работ и разделов палеонтологии должно быть Отделение биологических наук.

10. История жизни на Земле и история самой Земли неразрывны. Об условиях среды мы часто можем умозаключать по характеру осадков, включающих ископаемые организмы. Поэтому ряд палеонтологических работ ставится с участием литологов при детальном изучении осадков; в особенности это относится к ископаемым беспозвоночным, где мы в рассмотрении проблемы организм–среда часто можем идти от среды (осадка) к организму. В области палеонтологии позвоночных, где заключающая скелеты порода редко отражает собою среду

обитания, мы идем чаще от функционально-морфологической трактовки скелета к восстановлению организма, а от него — к среде, умозаключая о ней. «Толчок к изменению организма был даваем всегда внешними условиями» (В.О. Ковалевский, 1873).

11. Не приходится доказывать практическую и теоретическую важность тесной связи палеонтологии со стратиграфией осадочных отложений, палеогеографией, а также другими науками и вопросами цикла геологических наук. Но ведущими для Палеонтологического института в его работе были и должны быть сами ископаемые организмы как организмы. И если подобное значение палеонтологии для геологии велико, то из этого не следует, что наука об ископаемых организмах есть геологическая наука, а не биологическая только потому, что они ископаемые. Для современной гигантской по своему содержанию и по стоящим перед ней задачам геологии первостепенное значение имеют самые разные науки — от физики и химии до палеоантропологии и археологии включительно. Однако из этого не следует, что, например, Институт истории материальной культуры и вся работа по изучению древнего каменного века должна быть передана в Отделение геологических наук. По ходу жизни и единства теории и практики Палеонтологическому институту могут предлагаться к выполнению, помимо его основных задач, для которых он создан, самые разнообразные задания, связанные с нуждами стратиграфии угленосных, нефтеносных и других областей и отложений, но разработка палеонтологии как биологической науки, полноправной с другими биологическими науками и давно выросшей из рамок чисто подсобной дисциплины, должна идти естественно в кругу биологических наук в соответственном отделении Академии наук СССР — ОБН.

Директор
Палеонтологического института АН СССР
профессор

[подпись]
(Ю.А. Орлов)

5 августа 1949 г.

О ПОЛОЖЕНИИ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АН СССР И ЕГО МУЗЕЯ

Ю.А. Орлов

1. Палеонтологический институт АН СССР — наиболее крупное, «головное» палеонтологическое учреждение в Советском Союзе.

2. При переводе из Ленинграда в 1935 году Институт получил в Москве меньшую площадь; много меньшую — Музей, часть научных фондов Института: кусок бывшей конюшни Нескучного двorca.

3. За почти тридцать лет пребывания в Москве во много раз вырос объем научной работы Института, в частности, в связи с правительственными заданиями и большими международными экспедициями (МНР и КНР). Личный состав возрос примерно в пять раз.

4. В послевоенное время научные фонды Института, частью большие «объемно» (динозавры и др.), увеличились во много раз. Вместе с довоенными и дореволюционными это — итог работы многих поколений ученых, огромных денежных затрат, материалы выдающейся научной ценности, во многом по своей уникальности мирового научного значения. Это и «эталон» для ученых мира в их научной работе. Поэтому за последние годы материалы Института и его Музея изучали, помимо советских, ученые Польши, Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии, КНР, МНР, Народной Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики, Федеративной Республики Германии, Норвегии, Англии, Франции, Италии, США, Канады, Австралии, Южно-Африканского Союза. Музей Института посещают ученые и туристы из многих других стран.

5. Музей Института, хранилище его научных материалов, неотделимое от Института — его часть.

6. Палеонтологический институт — единственное в бывшем Отделении биологических наук (ныне в составе Отделения общей биологии) учреждение в Москве, для которого ничего не строилось, у которого, наоборот, неоднократно отнималась площадь для других институтов, вновь возникавших лабораторий, библиотеки ОБН (из-за их роста).

7. В итоге создавшегося за почти тридцать лет положения:

а) невозможна на современном уровне техническая, лабораторная подготовка материалов для научной работы;

б) невозможно должное хранение научных фондов; многие — в свернутом состоянии, в подвалах, недоступны для сравнения, экспозиции Музея;

в) невозможно должным образом организовать научную работу, готовить кадры;

г) невозможно развернуть потенциально богатейший, единственный крупный в Советском Союзе, во многом единственный в мировом масштабе Музей Института;

д) указанное положение Института и его Музея, помимо ущерба для науки и просвещения, крайне тягостно ввиду широкой известности этого палеонтологического учреждения за рубежом, его научных материалов еще с конца прошлого века (хранились в Академии наук, частью в других местах);

е) Музей Палеонтологического института несет «представительство» перед иностранной наукой так же, как Ботанический сад и т.п. (так в каждой столице во всех странах). Современное «состояние» Музея всегда вызывает недоумение у посетителей, особенно иностранных;

ж) при старении немногочисленных кадров в Институте, подходящих для развертывания Палеонтологического музея (по многосторонности требований к такого рода работникам), при несовершенстве существующего хранения многих научных материалов большой научной и материальной ценности — им грозит попросту постепенная гибель. Одни раскопки В.П. Амалицкого и созданная им Северо-Двинская галерея древних ящеров обошлась с 1895 по 1915 год 50 000 рублей золотом — при поденщине тогда 20 копеек в день. Огромны расходы на экспедиции, препаровку, монтировку скелетов, научную обработку — в особенности за советское время;

з) существующее положение дезориентирует и научный персонал Института, и руководство, далеко не способствует энтузиазму в работе, к которому нас зовут и Программа XXII съезда КПСС, общий рост советской науки в теории и практике, советской культуры.

Выходом из положения, достойным советской науки, может быть строительство в Москве очень простого конструктивно здания (по имеющимся техническим заданиям).

Директор
Палеонтологического института АН СССР
Академик

[подпись]
(Ю.А. Орлов)

29 ноября 1963 г.

ПОСЛЕДНИЕ ПОЕЗДКИ ЗА ГРАНИЦУ¹

Д.В. Обручев

В этом году Юрий Александрович совершил две поездки за границу, в которых мне довелось — благодаря его хлопотам — его сопровождать.

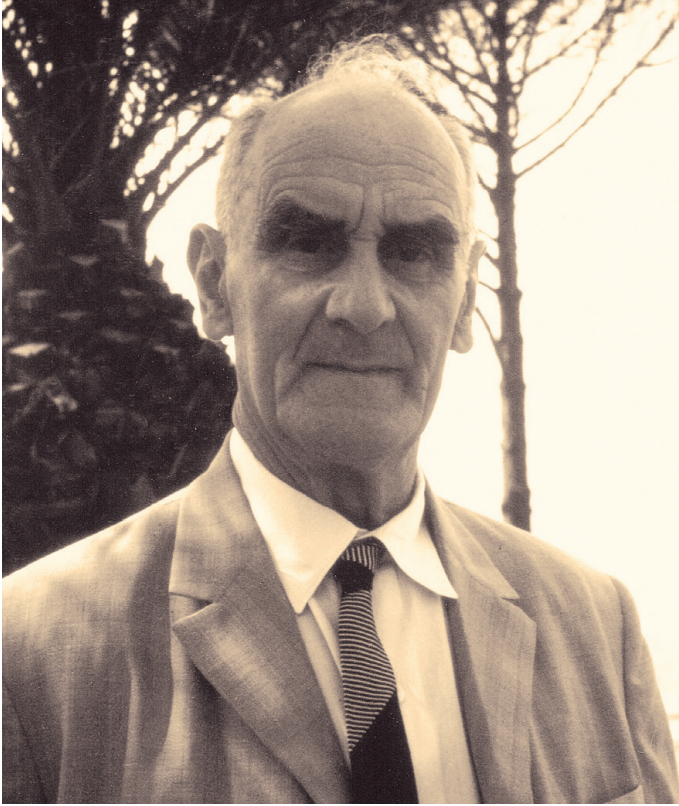
Первая поездка, в Норвегию, состоялась в конце марта — начале апреля 1966 г. и была предпринята по приглашению профессора А.Е. Гейнца для просмотра коллекции, собранной в слоях Кэру Южной Африки. Хотя коллекция в основном состояла из неопределимых фрагментов, Юрию Александровичу все же удалось отобрать ряд черепов дицинодонтов и кое-какой другой материал для отсылки в ПИН с целью препаровки и научной обработки. Одновременно он прочел для студентов Геологического факультета две лекции о результатах наших работ по млекопитающим.



Ю.А. Орлов и Д.В. Обручев.
Москва, март 1966 г.

В Палеонтологическом музее была устроена витрина — выставка подарков, слепков, составлявших значительную часть небольшого багажа Юрия Александровича. Нечего и говорить,

¹ Печатается по авторской машинописной рукописи из архива семьи Орловых.



Ю.А. Орлов в Ницце. Июнь 1966 г.

что Юрий Александрович внимательно знакомился с экспозицией Музея и договорился об изготовлении ряда слепков для нашего Музея, в том числе громадного ракоскорпиона миксоптеруса.

Мы жили в доме Гейнца, в 20 минутах езды от Осло по «электричке», почти в санаторных условиях, с гуляющими под окнами фазанами. Однако погода была неблагоприятная. Необычно суровая и снежная зима кончалась чередующимися снегопадами и оттепелями. Под конец Юрий Александрович простудился и последние дни вынужден был сидеть дома. Еще больным он и улетел в Стокгольм, где должен был провести несколько часов до отлета самолета на Москву — из-за забастовки в финской компании более удобные по времени самолеты из Осло в Стокгольм не летали. Посадка задерживалась, и тут оказалось, что, несмотря на свой большой стаж заграничных поездок, Юрий Александрович очень волновался.

Из-за погоды нам не удалось познакомиться с Норвегией за пределами Осло и его ближайших окрестностей, где живут Гейнц, его сын и дочь. Только в один из редких солнечных дней Наташа Гейнц и ее муж прокатали нас вдоль Осло-фьорда, мимо покрытого снегом знаменитого местонахождения даунтонских рыб.

В июне мы ездили в Париж, на colloquium по эволюции позвоночных, организованный Национальным центром научных исследований. Здесь мы поселились в отеле «Славия», недалеко от Музея остеологии и палеозоологии позвоночных, где происходили заседания.

Юрий Александрович присутствовал на большинстве и сделал доклад о фауне Одесских катакомб на одном из последних заседаний. Обстановка физически была довольно тяжелая — стояли жаркие дни и духота в маленькой старинной аудитории при опущенных темных шторах (доклады шли с демонстрацией диапозитивов) была очень ощутительна. Юрий Александрович выступил с прочувственным словом по-русски и по-французски после доклада З. Киелян-Яворовской, демонстрировавшей кинофильм, снятый Польской экспедицией в Монголии.

Конечно, Юрий Александрович не упускал возможностей установить побольше контактов с учеными из разных стран и договориться о получении экспонатов для своего любимого детища — Музея.

Небольшой отдых был, когда Н.Н. и Е.С. Меньшиковы пригласили нас на свою однокомнатную дачу в Сен-Жермен-де-Буа, и мы провели несколько часов в тени деревьев и тишине деревни.

Три вечера были посвящены обедам — у профессоров Термье и Лемана и на заключительном банкете, устроенном Национальным центром в Музее природы под взглядами тотемов североамериканских индейцев. Здесь на приветствие профессора Пивто от имени всех иностранных участников colloquium отвечал Юрий Александрович



Ю.А. Орлов и Д.В. Обручев
на юге Франции. Июнь 1966 г.

Орлов. В Париже можно было убедиться, как много палеонтологов он лично знает и какой популярностью у них пользуется.

После коллоквиума с частью участников его мы в течение двух дней совершили головокружительную экскурсию по Ривьере, где нам показали пещеры, в которых ведутся раскопки, и по Провансу, где мы осматривали местонахождения яиц динозавров. Конечно, Юрий Александрович всюду лазил и чувствовал себя, хотя несколько усталым, но вполне бодро.

13 июня в Ницце был отмечен день его рождения. Ничто не предвещало, что он был последним. В Экс-ан-Прованс мы осматривали «краеведческий» музей, где Юрий Александрович яростно спорил с французами по поводу природы ископаемых яиц из эоцена, которые они приписывают птицам. Конечно, местные власти устроили и здесь банкет, в результате которого мы чуть не опоздали на самолет в Марселе. Через день мы вылетали в Москву.

Во время наших совместных поездок я смог воочию убедиться, с каким достоинством Юрий Александрович представлял советскую палеонтологию за границей и как много он сделал для ее популяризации среди палеонтологов всего мира.

4 октября 1966 г.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКА¹

Г.А. Невмывака

Мое первое знакомство с Юрием Александровичем состоялось примерно в 1925 году. В качестве студента-кружковца я бывал тогда в институте по изучению мозга, организованном В.М. Бехтеревым, известным невропатологом-психиатром. Институт занимал огромное помещение бывшего дворца Николая Николаевича на Петровской улице, рядом с домиком Петра I. Институт имел очень широкий профиль. В нем были физиологическая, патогистологическая, гистологическая и другие лаборатории, велись исследования по условным (сочетательным) рефлексам, по гипнозу, биофизике и прочие. Был там и отдел развития, возглавлявшийся Н.М. Щеловановым. В этом отделе изучались реакции новорожденных животных, а также детей, для чего было организовано специальное так называемое «младенческое» отделение. В нем постоянно находились дети вместе с матерями, и велось полное обследование развития различных функций: развитие сна и бодрствования, появление первых условных рефлексов и другие. В составе этого отделения было задумано организовать и гистологическую лабораторию, которая специально работала бы над изучением развития мозга — в параллель к исследованию развития функций.

Вот для организации такой лаборатории и был приглашен Юрий Александрович, с детских лет знакомый с Щеловановым. Однако Юрий Александрович взял на себя только организацию материальной части и обучение сотрудников технике, так как его научные интересы лежали в другой плоскости: сам он занимался исследованием вегетативной

¹ Печатается по авторской машинописной рукописи из архива семьи Орловых.

нервной системы у артропод, а здесь надо было исследовать развитие мозга человека и млекопитающих.

На таких условиях он и приступил к работе. Никаких штатных сотрудников и никакого оборудования в этой лаборатории не было, только большая пустая комната на четвертом этаже, перед окнами которой были пустыри с остатками разрушенных зданий, а справа была пожарная часть на бывшей Малой Дворянской, ныне Мичуринской улице. У длинного окна в округленной части комнаты стоял большой стол, а вдоль стены — огромный пустой шкаф во всю длину комнаты.

В качестве помощников к Юрию Александровичу было прикомандировано несколько студентов-кружковцев. Однако скоро большинство из них отошло, один тяжело заболел, и остался только я.

Юрий Александрович в это время был ассистентом на кафедре гистологии в Военно-медицинской академии у А.А. Заварзина. Взять на себя эту, мало для него интересную работу вынудили его материальные обстоятельства. Наша страна переживала тогда очень большие трудности, зарплата был очень низкой, и кажется, зарплата преподавателя Военно-медицинской академии Ю.А. Орлова была ниже, чем стипендия слушателей. Ю.А. приходил в институт из академии два-три раза в неделю во второй половине дня, и здесь мы с ним планировали, что нужно приобрести для лаборатории. Сначала где-то в институте нам был выделен старый микроскоп и выдан один литр спирта. Это был период НЭП, почти все можно было купить — были бы деньги! Небольшие деньги отпускались под отчет Юрию Александровичу, и мы тщательно составляли смету расходов, чтобы приобрести самое необходимое и доступное по цене. В хирургическом магазине Шаплыгина на Литейном были куплены необходимейшие инструменты: ножницы, скальпели, пинцеты, костные щипцы для вскрытия черепа и позвоночника и прочее. Мелкая посуда, скляночки, баночки подбирались у старьевщиков. Предметных стекол не было. По указанию Ю.А. был приобретен алмаз для стекла, а затем удалось закупить у какого-то фотографа архив негативов, которые мы потом отмывали и резали на предметные стекла. Была куплена керосинка и кастрюля, и была налажена перегонка абсолютного спирта.

Все это делал я, следуя подробным указаниям Ю.А. Некоторую посуду и химикаты удалось приобрести в еще сохранившихся крупных специализированных магазинах. Никакого централизованного снабжения тогда не существовало, все приобретали сами. Бумагу — фильтровальную, писчую и пергаментную (для завязывания банок с препаратами) — покупали по требованию института в конторе Бумтреста.

Обучение единственного помощника пришлось начать с импрегнации кусочков мозга серебром по Коппу по той причине, что микроотома не было, а здесь для изготовления срезов достаточно было острого ножа, и резать можно было без заливки. Первая кошка для вскрытия была изловлена мною на улице, возле одной из булочных. В связи с этим Ю.А. рассказал такой эпизод. Кафедре гистологии Военно-медицинской академии была нужна кошка для взятия материала для практических занятий. Слушатели обещали доставить, но обещание не выполнили. Заварзин был очень недоволен. Надо было срочно выходить из положения. По дороге в академию, на рынке, Ю.А. увидел кошку и стал ее заманивать. Высокий военный в шинели и буденовке с большим портфелем на рынке подманивает кошку! Какая-то старушка быстро разгадала, в чем дело, и подняла большой шум. Пришлось Ю.А. быстро и с позором ретироваться.

Из удачно импрегнированных препаратов была подобрана коллекция с клетками Пуркинье в разных проекциях, клетками-зернами, пирамидальными клетками и прочими. К этой коллекции Ю.А. изготовил очень хорошие цветные рисунки.

Примерно через год Институт мозга получил разрешение на выписку оборудования из Германии. Наша лаборатория выписала микроскоп, микротом, термостат, покровные стекла, целлоидин, краски и некоторые реактивы. В заявке была и метиленовая синь, граммов 200. Однако когда все было получено, метиленового синего не оказалось — его захватила соседняя гистологическая лаборатория, которая этой краской не выписывала, но возратить ее не соглашалась, хотя и не знала, что с этой краской делать. Очень негодовал Ю.А., сердился Щелованов, но ничего с упорным и завистливым соседом поделать не могли. Пришлось апеллировать к самому В.М. Бехтереву, после чего краску мы получили, правда, только половину.

Ю.А. познакомил меня и с окраской метиленовым синим. Для этого на бойне я добывал глаза лошади: сетчатка глаза лошади — классический объект для окраски метиленовым синим. Так как термостата у нас еще не было, окраска производилась в чашке Петри, помещенной в кастрюлю с водой, подогреваемой керосинкой. Температура контролировалась термометром.

Когда был получен термостат и микротом, лаборатория стала готовить серии целлоидиновых срезов мозга плодов, главным образом мышей, как по причине небольших размеров объекта, так и потому, что в квартире, где я жил, недостатка в мышах всех возрастов не было. Была

изготовлена также коллекция мозга детей разного возраста, в том числе и утробного. Материал получали в родильном доме имени Снегирёва.

Ю.А., придя в институт, внимательно просматривал изготовленные препараты, давал указания и разъяснения.

Очень ярко помню, как я сидел за столом за микроскопом, поглядывая в окно, ожидая Юрия Александровича. И вот из-за угла по Малой Дворянской появлялась высокая худощавая фигура Ю.А., крупными шагами направляющаяся к подъезду института. На голове буденовка, полы шинели широко развеваются, в руке купленный по пути из академии в ближайшей булочной ломоть хлеба, завернутый в бумажку, от которого он откусывал крупные куски...

Когда я освоил окраску метиленовым синим, Ю.А. предложил мне заняться исследованием иннервации сердца речного рака. Раки приобретались на Горсткинском рынке за свой счет по полтора–два рубля за коробку, в коробке 100–200 штук. Извел я их немало, в результате чего появилась работа, напечатанная в *Zoologischer Anzeiger* в 1928 году. Ю.А. внимательно контролировал мою работу, смотрел препараты, помогал разбираться, научил протоколировать и делать чистовые рисунки. Хотя в это время Ю.А. уже не работал в Институте мозга, он продолжал руководить моей работой. Наши длинные вечерние переговоры по телефону, когда он расспрашивал меня о ходе работы и давал указания, служили у нас в квартире источником дружеских насмешек. К этому времени его научные интересы переместились в палеонтологию, хотя еще до 1929 года он продолжал обработку и публикацию работ по вегетативной нервной системе артропод. В 1930 году вышла его последняя гистологическая работа — по иннервации мантии анодонты.

Кажется, я был одним из первых по времени учеников Юрия Александровича, и по-видимому, единственным гистологом. Дальше пути наши разошлись. Интересы Ю.А. переместились в палеонтологию, а я на несколько лет уехал из Ленинграда и занимался педагогической работой в вузе. Но связь между нами не утратилась. Он часто писал мне, поддерживал, советовал (я пытался продолжать работы по гистологии, но условий для этого не было). Когда мне случалось бывать в Ленинграде, я всегда навещал Ю.А. По его рекомендации я был приглашен А.А. Заварзиным в январе 1935 года в Ленинград на кафедру гистологии Педиатрического института. И вообще, всегда встречал с его стороны самое внимательное и заботливое отношение.

12 октября 1967 г.

О ЮРИИ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ОРЛОВЕ¹

А.Ф. Адамович, О.В. Минервин, А.А. Моссаковский

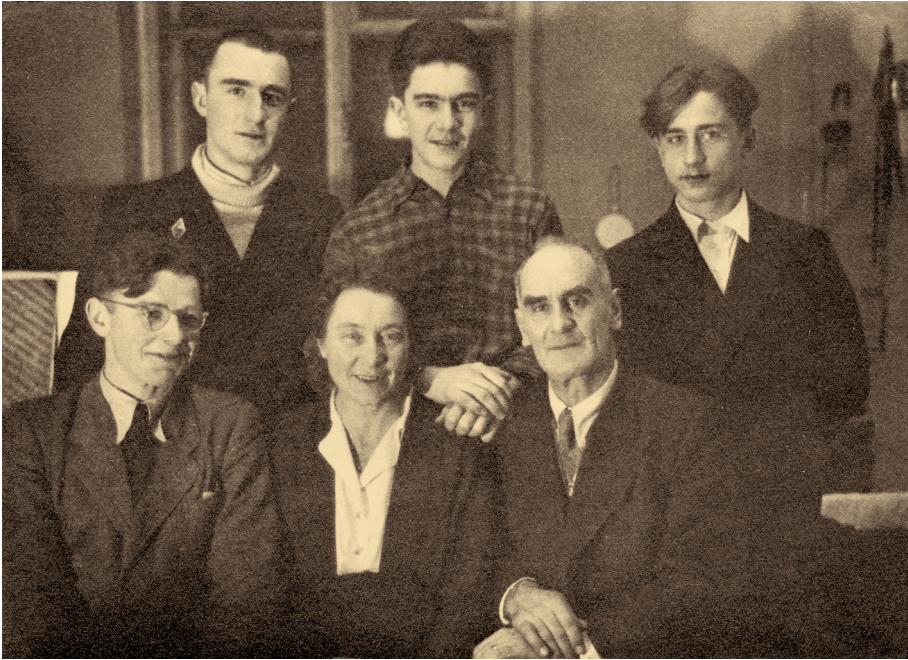
Эти воспоминания о Юрии Александровиче Орлове мы написали по просьбе Натальи Павловны Орловой в год столетия со дня его рождения.

Мы поступили на геологический факультет МГУ осенью 1947 года. На первом курсе геологи всех специальностей прослушали семестровые курсы ботаники и зоологии, которые, как мы потом узнали, были введены для геологов всех специальностей по инициативе Ю.А. Орлова. Самого Ю.А. — профессора, заведующего кафедрой палеонтологии геологического факультета — мы почти не знали и только в коридорах с интересом наблюдали за его быстрыми проходами, отмечая неординарность внешности: высокий, с блестящими темными глазами и каким-то очень доброжелательным выражением лица.

Случилось так, что на первой студенческой геодезической практике летом 1948 года в Красновидове под Можайском мы объединились в бригаду из шести человек, членом которой стал и средний сын Ю.А. — Роман Орлов². Мы очень быстро сдружились на этой практике настолько, что называли себя «коммуной». Когда нас спрашивали: «Почему, собственно, коммуна?», Олег Минервин гордо отвечал: «А потому, что у нас все общее. Вот, например, на мне Лёвины штаны, а на Саше рубашка Андрея». Дружба наша продолжается и по сей день, хотя, увы, на свете уже нет двух членов коммуны.

¹ Печатается по авторской машинописной рукописи из архива семьи Орловых.

² Другими членами бригады были Л.П. Зоненшайн (бригадир), М.С. Марков и авторы этих строк. — *Прим. авт.*



Дома у Орловых на Новопесчаной улице. 1949 г.
Сидят: Игорь (друг Всеволода), Наталья Павловна, Юрий Александрович;
стоят: Всеволод, Олег, Роман.

Должно быть, рассказы Романа о практике и коммуне заинтересовали Н.П. и Ю.А. Орловых. О. Минервин бывал в доме Орловых и раньше, где они с Романом играли в четыре руки на рояле еще пока не запрещенные, но уже ставшие сомнительными буги-вуги. Однако Орловы-старшие, вероятно, захотели посмотреть на всю коммуну целиком и понять, что это за компания, в которую «врос» их сын, и о которой на факультете отзывались по-разному.

И вот, видимо, на день рождения Романа, в конце ноября 1949 года мы были приглашены «к самим Орловым» в дом. Жили они тогда на одной из Песчаных улиц в районе Сокола в трехкомнатной квартире. Мы, кроме Романа, конечно, собрались в метро, обсудили, как себя вести в профессорском доме, и договорились быть поскромнее, чтобы не подвести товарища.

Впрочем, прием у Орловых оказался совсем неофициальным. Встретила нас радушная Наталья Павловна, говоря, что много слышала о нас от сына и рада познакомиться с его друзьями. Выглянул к нам и Ю.А., которого мы уже хорошо знали. Да и он нас мог заметить, ведь все мы слушали его лекции по общей палеонтологии, а поскольку

геологов на курсе было всего человек 40, то и приглядеться к студентам было несложно.

Познакомились мы и с остальными детьми Орловых: старшим братом Севой, студентом-физиком; младшим Олегом, который, кажется, заканчивал школу; с милой младшей и единственной сестрой Наталкой, названной в честь мамы. Наталке было всего лет 11, и ее всерьез мы тогда не воспринимали.

Поразила нас меблировка квартиры. «Предметы роскоши», кроме рояля фирмы Блютнер, полностью отсутствовали (в спальню-кабинет Орловых-старших мы не заходили). В средней комнате стояли накрытые серыми солдатскими одеялами две кровати, на которых спали дети. Угощение было хорошее; было, кажется, вино, но не водка, потребление которой считалось тогда у интеллигентов дурным вкусом, да и нам-то в большинстве было по 19 лет. Тогда впервые отведали мы фирменное блюдо дома Орловых — клюквенный кисель, который подавали — и подают до сих пор — в большой кастрюле и разливали по чашкам суповой ложкой.

После киселя и чая играли на рояле (гитара была еще не в моде), пели студенческие песни, в том числе сочиненные коммунарами и о коммуне. Ю.А. рассказывал что-то смешное из жизни студентов и экзаменаторов. В общем, было очень весело и по-домашнему.

Таково было наше знакомство с семьей Орловых. И хотя Роман не рассказывал нам, какое впечатление мы произвели на Н.П. и Ю.А., затем стало ясно, что честь коммуны мы не посрамили, поскольку вот уже много-много лет, а точнее 45, мы бываем в этом гостеприимном доме.

Ю.А. продолжал читать нам курс палеонтологии лично. Читал он очень интересно, учитывая состав слушателей — без лишних подробностей палеонтологического характера, и в то же время давая широкую панораму развития жизни на Земле, особо останавливаясь на филогенетических связях между отдельными ветвями органического «древа жизни». И хотя его «коньком» были ископаемые позвоночные, Ю.А. не делал крена в их сторону. Часто на лекциях он шутил, приводя примеры удачных и неудачных, а иногда и анекдотических ответов студентов на вопросы экзаменаторов.

За давностью лет многие шутки Ю.А. ушли из памяти, но кое-что еще помнится.

На экзамене по орнитологии профессор К., сомневаясь, выгнать студента или все-таки поставить «тройку», берет чучело какой-то птицы, зажимает ее в руках, так что виден только хвост, и спрашивает: «Это что за птица? Узнайте по хвосту». Студент молча идет к выходу



Ю.А. Орлов со студентами второго курса после сдачи экзамена по палеонтологии. 1949 г.: А. Симон, А. Моссаковский, Г. Логинова, К. Кузнецова, И. Писчикова, Л. Зоненшайн, Ю. Жегалов, А. Ракчеев, И. Долицкая, О. Минервин, А. Адамович, Ю.А. Орлов, Э. Вангенгейм.

из аудитории. Профессор вдогонку кричит: «Как ваша фамилия?» Студент поворачивается спиной и говорит: «Узнайте по хвосту».

Помнится история, которую Ю.А. рассказывал в домашнем кругу. В 1956 году отмечались 80 лет со дня рождения и 10 лет со дня смерти известного хирурга Н.Н. Бурденко. Ю.А. сидел в первом ряду этого собрания, рядом с вдовой Бурденко. Последней из выступавших была О.Б. Лепешинская, которой в то время было уже где-то под 90 лет. Несмотря на почтенный возраст, она в то время страстно пропагандировала свою лжетеорию о зарождении жизни из «бульона», например, растертого желтка. Начав с воспоминаний о Н.Н. Бурденко, с которым они вместе участвовали в студенческих революционных кружках, печатали и раздавали прокламации и прочее, она перешла к изложению основных положений своей теории и говорила так долго, что сама это поняла, но не могла вспомнить с чего начала. В растерянности она обернулась к президиуму и увидела большой портрет Бурденко, висевший на стене. Она вспомнила, о чем говорила сначала, извини-

лась, что заболталась, и обратилась к вдове Бурденко: «А вас, дорогая Анна Ивановна, прошу передать Николаю Ниловичу мой большой, большой привет». Президиум замер, а вдова встала и гордо ответила: «Еще неизвестно, милочка, кто его из нас первым увидит». В зале этого не слышали, но положение членов президиума было очень тяжелым. Все буквально давились от смеха, но все-таки сдержались и только за кулисами дружно расхохотались.

Другая история об академике Н.Ф. Гамалея. На 90-летие Николай Федорович сидел в президиуме, а некто из выступавших говорил о нем в женском роде: «Как показала Гамалея в своих трудах...» и так далее. Н.Ф. встал и сказал: «Правда, я давно уже не мужчина, но все-таки еще и не женщина».

Но шутки шутками, а в весеннюю сессию 1949 года надо было сдавать экзамен за двухсеместровый курс, так как в зимнюю сессию мы сдавали только зачет. В нем Ю.А. участия не принимал и лишь время от времени заходил в аудиторию посмотреть, как нас «мучают» В.В. Друщиц и О.П. Обручева, а спрашивали они нас очень строго. Ну да ведь зачет — это все же не экзамен, а предстоял экзамен, да еще самому Ю.А.: он принимал экзамен только лично.

Тогда мы все старались учиться изо всех сил. Быть отличником считалось почетным, да и стипендия увеличивалась на четверть, а 100 рублей в то время были приличными деньгами. К тому же надо было показать отцу товарища, что мы не рассчитываем ни на какие поблажки.

Наступил день экзамена, который Ю.А. всегда принимал в Музее Палеонтологического института, директором которого он одновременно являлся. Музей занимал половину одного из служебных зданий дворца, построенного Демидовым. В самом дворце во времена нашей учебы располагался президиум АН СССР. Палеонтологический музей размещался в бывшем — по легенде — каретном сарае: длинном полуторазэтажном здании. В его ротонде размещались научные сотрудники, а весь бывший «каретный сарай» занимали витрины с экспонатами. На подиуме стояла многометровая копия громадного пресмыкающегося, которого все почему-то называли «бронтозавром», хотя на этикетке имелось точное определение — *Diplodocus carnegii*. В самом конце зала находился кабинет Ю.А., в котором с трудом размещались три–четыре человека.

Время было теплое, конец мая — начало июня, и наши две группы геологов, человек по 10 каждая, собрались у музея в несколько тревожном ожидании. Появился Ю.А., который, увидев наше состояние,

кинул несколько ободряющих слов и прошел в свой кабинет. Пошли за ним и мы.

— Ну, кто самый храбрый? — спросил Ю.А. — Прошу!

Самыми храбрыми как обычно были И. Михайлова, Л. Зоненшайн и М. Марков. Двое из них скрылись в кабинете. Примерно через полчаса из кабинета вышел Ю.А., ведя за руку И. Михайлову. Подведя ее к ближайшей витрине и мановением руки отогнав нас в сторону, Ю.А. что-то стал спрашивать у Иры. Услышав ответ, Ю.А. улыбнулся и снова увел ее в кабинет, откуда через минуту вышла Ира. Лицо ее было красное от волнения, но улыбка говорила, что все в порядке — «отлично»!

Выходы из кабинета и подходы к витринам повторялись почти с каждым, и почти каждый получал «отлично». Это было бы очень хорошо, если бы мы не знали, что по тогдашним факультетским «традициям» ставить очень много отличных отметок «не полагалось», поэтому шансы конца очереди на «отлично» все понижались. В числе последних пошел и один из авторов этих воспоминаний А. Адамович. «Не помню уже, что там было в билете, но отрапортовал я все, как мне казалось, довольно успешно. Вдруг Ю.А. делает недовольное лицо и говорит: “Пойдем в зал”. Вышли, и он повел меня куда-то в угол зала, и это было плохо, так как, видя, что Ю.А. подводит экзаменуемых к первым от кабинета рядам витрин, мы за время ожидания успели просмотреть и прочитать в них этикетки. Указав пальцем на нечто округлое, не имеющее ни четкой формы, ни ребристости, ни створок и вообще ни на что не похожее, Ю.А. суховато, как мне показалось, спросил: “Ну, молодой человек?” Что-то лезло в голову, что-то подобное показывал, кажется, В.В. Друщиц... Но что это?! “Ясно!” — пронеслось наконец в голове. Но как это называется? Стилобат? Монолит? “Копролит” — гордо сказал я. “Ну конечно, какашка”, — засмеялся Ю.А. и поставил “отлично”».

После экзамена по тогдашнему хорошему обычаю Ю.А. побеседовал со старостами и комсоргами групп, отметил, что давно не ставил столько «пятерок», рад, что нарушил «традицию», и выразил надежду, что хоть кто-то из нас выберет своей основной специальностью палеонтологию³. Мы упростили Ю.А. сфотографироваться с нами у входа в Музей.

³ Из состава этих групп призыву Ю.А. последовали семь человек. На момент написания воспоминаний, по крайней мере, трое из них являются крупными палеонтологами, докторами наук и профессорами. Это Э.А. Вангенгейм, К.И. Кузнецова и И.А. Михайлова. — *Прим. авт.*

В дальнейшем в ходе учебы мы с Ю.А. сталкивались редко, поскольку из коммуны только О. Минервин пошел в палеонтологи. Однако знакомство наше с Ю.А. продолжалось.

В 1953 году Юрий Александрович был избран в члены-корреспонденты АН СССР. Семья переехала в «академический» дом на Ленинском проспекте, 13. Сначала куда-то под крышу, а затем в большую четырехкомнатную квартиру с окнами на проспект. Впервые Ю.А. получил условия для спокойной научной работы дома.

В этот период мы встречались с Орловыми-старшими в основном на семейных торжествах по случаю дней рождения, на «крестинах» Наталкиной дочки Лизы и на свадьбе Романа с Галей Ушатинской — младшей сестрой нашей однокурсницы В. Ушатинской. Свадьбу справляли в мае 1957 года на даче Ю.А. Он был, как всегда, весел и доволен выбором сына, тем более что Галя заканчивала геологический факультет по кафедре исторической геологии, и Ю.А. ее уже хорошо знал.

По старой, еще с первых курсов договоренности, пятому женившемуся из шести членов коммуны подарка не полагалось, а шестому полагалось сделать подарок всем коммунарам, что и было выполнено О. Минервиным, женившимся последним в ноябре 1961 года. В конце 1950-х годов мы получали по тем временам сравнительно приличную зарплату и на свадьбу Романа с Галей принесли все же подарок, к которому имелось и приложение. Буквально за несколько дней до свадьбы Н.С. Хрущёв, находясь в Горьком и «идя навстречу пожеланиям трудящихся» города, «законсервировал» выплату по госзаймам на 30 лет. Облигации у нас всех были, ждатель — да и дождешься ли? — нам было не с руки, и вот все члены коммуны и их жены подарили молодым, а вернее, их детям и внукам, по 100 рублей облигаций, на которых написали: «Внукам Орловых от дедушки Лёвы», «От бабушки Иры» и так далее. Подарок был воспринят «на ура», и Ю.А. и Н.П. много смеялись над столь необычным подношением. Хотя всерьез это никто не принимал, Галя и Роман обещали передать его своим детям.

Как ни странно, это мероприятие имело продолжение. В конце 1980-х годов облигации были все же «расконсервированы», и дочь Гали и Романа — Настя, к которой перешли эти «ценные бумаги», получила от государства сумму нашего подарка. Хотя в 1990 году тысяча рублей была «почти не деньги», Настя и ее муж Лёша Кувшинов пригласили остатки коммуны на «банкет» по этому случаю. На память у них осталась одна сто-рублевая облигация с надписью «Внукам Орловых от дедушки Марика».

Где-то начиная с 1950-х годов Ю.А. стал, как тогда говорили, «выездным» и начал ездить «по заграницам», хотя и был беспартийным.

Его высокий интеллект и научный уровень, широкий кругозор, хорошее знание иностранных языков, даже сама несколько артистическая внешность делали его в глазах «власть предержащих» достойным представителем советской науки за рубежом.

И вот как-то в 1955 году позвонил нам Роман и сказал, что Ю.А. просил нас прийти к нему домой завтра вечером, так как папа давно не видел коммуны и хотел бы что-то показать и рассказать. Естественно, что мы с радостью собрались у Н.П. и Ю.А., и после традиционного киселя Ю.А. поведал, что он только что вернулся из Норвегии (!), где был в одной делегации с К. Симоновым (!), и хочет рассказать нам о поездке и показать слайды, что тогда было в диковинку. Мы с огромным вниманием прослушали большой и интересный «доклад» Ю.А. об этой чудесной стране, о многом расспрашивали, любовались мастерски отснятыми им слайдами. За 30 лет содержание беседы выветрилось из памяти, и сейчас помнятся только прекрасные слайды норвежских фиордов, да то восхищение, с которым Ю.А. говорил о К. Симонове, вплоть до того, что он несколько раз повторил: «Если бы я был женщиной, я бы в него влюбился».

Потом еще не раз Ю.А. приглашал нас после своих поездок за границу на рассказы и слайды.

Хорошо помнится, в частности, его рассказ о поездке в Китай в 1960 году. Нам, воспитанным на песне «Москва–Пекин», хотя в то время «дружба навек» и пошла на убыль, было очень интересно, но и необычно слушать рассказ Ю.А. о том, что политика «большого скачка» провалилась, что строительство домен в китайских коммунах — это напрасная трата сил и средств, не дающая ничего стране и только истощающая силы народа. Особенно запомнилась часть рассказа, касающаяся китайско-индийских отношений. Вопреки всему, что писалось тогда в наших газетах, Ю.А. рассказывал, что территория, которую Китай объявил своей и на которую ввел войска, на самом деле никогда Китаю не принадлежала, и это действие является агрессией.

В другой раз, вернувшись из Индии, Ю.А. при встрече с нами как бы невзначай положил на видное место индийский журнал, на обложке которого было написано: «Я не хочу убивать русских». Мы заинтересовались, и Ю.А. сказал, что это интервью с одним нашим «беглым» майором госбезопасности. Из Парижа Ю.А. привез изданную там на русском языке «Антологию русской поэзии».

В то время у нас было принято ругать всякий формализм и прочие выкрутасы в искусстве. Конечно, в журналах бывали репродукции современных футуристов и прочих, но Ю.А. привез художественные открытки. На одной из них было изображено нечто, среди этого «нечто» угадывался

обломок скрипки или что-то вроде этого. Ю.А. предложил 50 рублей тому, кто отгадает, как называется это произведение. О. Минервин решился и сказал, что оно называется «Песня». И чуть было не «выиграл» 50 рублей — изображение на открытке называлось «Серенада».

Однажды в квартире на Ленинском проспекте Ю.А. дал нам посмотреть специальный выпуск АН СССР с материалами о «летающих блюдцах» и других чудесах. Все там было: от практически невероятного до — как теперь можно полагать — обычного, хотя не менее чудесного. Вместо готовых ответов нам были предложены материалы, заставлявшие думать и критически, и фантастически. Такие рассказы и показы в те времена являлись чем-то совсем необычным и крайне интересным, и наше восхищение Ю.А. все увеличивалось.

Оглядываясь назад, теперь представляется, что Ю.А. перед выходами со своими сообщениями «на большую публику» как бы «проигрывал» на нас свои впечатления. Его интересовали свежие мнения, реакция и вопросы еще молодых — нам тогда было по 30–40 лет, но уже зрелых людей, которым лично он полностью доверял, а доверять в то время можно было не всем.

Вот, пожалуй, и все, что мы вспомнили о Ю.А. Орлове. В нашей памяти он остался большим ученым, замечательным преподавателем и очень хорошим, крайне доброжелательным человеком, относившимся к нам — коммунарам — почти как к своим детям.

* * *

Ю.А. Орлов скоропостижно скончался 2 октября 1966 года. Мы все тогда много работали в поле — четверо были на полевых работах, так что на похоронах были только Роман и М. Марков, а также жены коммунаров, бывшие в Москве.

Ю.А. скончался дома, отпевали его заочно в соседнем Храме Ризоположения, что на Донской улице. Потом была гражданская панихида в МГУ, после чего необычайно длинный траурный кортеж проследовал по Ленинскому проспекту с остановками у Палеонтологического института АН СССР, директором которого был Ю.А., а также у его дома, чтобы с ним могли попрощаться все те, кто не смог попасть на гражданскую панихиду.

Похоронили Ю.А. на Новодевичьем кладбище, и все мы, когда приходится там бывать, несем цветы на его могилу.

1993 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ПИСЕМ

Н.П. Орлова

О ЮРИИ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ОРЛОВЕ

Мне посчастливилось заниматься биографией Александра Федоровича Орлова. Сначала это было в какой-то мере наведение порядка, а потом я стала вникать в его жизнь, интересы и поняла, в какой степени Юрий Александрович обязан своему отцу. Известно, что Юрий Александрович получил домашнее образование и поступил в Петроградский университет, минуя гимназию. Я стала понимать, что именно дало домашнее образование Юрию Александровичу. Он не был в школьном коллективе, его не коснулись никакие политические увлечения, которые были тогда модны не только среди молодежи, но и среди мальчишек и девчонок. Помню, как меня спрашивали: «Ты кто — эсдечка или эсерка?» Ничего такого в доме Орловых не было, там была только постоянная и сосредоточенная учеба.

Юрий Александрович говорил: «Отец учил, никогда не повышая голоса, и это было легко и интересно». И благодаря такой домашней школе вырос человек свободный. Его не тяготили условности, не было стандарта, не было нивелировки, которую дает школа, не было политических увлечений, хотя Вельск — город маленький, и Юрий Александрович в биографии пишет о том, что в нем жило много «политических» самых разных направлений. Но это не повлияло. Он был занят тем, что преподавал отец: естествознанием, географией, историей, литературой. Это был, в сущности, первый курс университета.



Юрий Александрович и Наталья Павловна Орловы. 1925 г.

Юрий Александрович пришел в университет не гимназистом, а человеком, уже умеющим размышлять. Так сложилось, что внутренняя свобода сохранилась и дальше в его жизни. Когда началась война и погиб его приятель Борис Сосунов, Юрий Александрович решил, что он тоже должен идти добровольцем. Не знаю, какие были правила. Так или иначе, Юрий Александрович порывался идти в армию, но Александр Федорович его убедил, что это совершенно не то, что он должен сделать в своей жизни, его предназначение — наука. Младший брат Борис был призван, не успев окончить университет, и дальше его жизнь была особенно трудной.

Юрий Александрович всегда помнил, что у него есть определенные обязанности по отношению к окружающим. И признательность

ко многим людям он сохранил до самого конца. Ко всем, кто воевал, голодал, перенес те испытания, от которых он сам был избавлен.

Юрий Александрович достаточно рано понял, что материальное благополучие у них в семье было выше среднего. Он помнил о своем месте среди других и никогда не высовывался вперед, не выбивался из очереди. И это, конечно, шло из дома Александра Федоровича. У них в доме не водилось ни вина, ни папирос, ни карт. Не было и пересудов. Такая постоянная сосредоточенность выработала у сыновей будущее отношение к работе и к своим товарищам.

Юрию Александровичу посчастливилось — еще не окончив Петроградский университет, он попал в Пермь ассистентом на кафедру гистологии. И юношей стал учить студентов, почти ровесников. Пермский университет открылся в 1916 г., и в крае это был первый университет, которого очень долго дожидались. Среди пермских студентов оказались и такие, кто давно получил среднее образование — зрелые сознательные люди. Юрий Александрович чувствовал себя среди них ровесником. Они были его товарищами. Его особенная любовь к студентам берет свое начало, конечно, в Пермском университете.

Заведующий кафедрой, на которой Юрий Александрович работал ассистентом — профессор Алексей Алексеевич Заварзин¹ — незаурядный руководитель, в высшей степени требовательный по отношению к себе, к преподаванию. Он воспитал у своих коллег настоящий университетский дух, и Юрий Александрович нес его до конца жизни.

¹ Алексей Алексеевич Заварзин (1886–1945) — основатель эволюционной гистологии, разработал теорию параллелизма гистологических структур, профессор, академик АН СССР, академик АМН СССР, генерал-майор медицинской службы. В 1913 г. Заварзин защитил диссертацию на степень магистра зоологии и сравнительной анатомии, получил должность приват-доцента Петербургского университета. В 1916 г. Заварзин организовал кафедру гистологии в Пермском отделении Петроградского университета (с 1917 г. — Пермский университет). Ассистентом Заварзин пригласил Юрия Александровича Орлова, студента восьмого семестра Петроградского университета. В декабре 1918 г. Пермь заняла армия Колчака. Белые мобилизовали часть студентов, но преподавателей университета удалось уберечь. Кафедра гистологии продолжала интенсивно работать. Летом 1919 г. колчаковские войска отступили на восток. Личный состав университета эвакуировали в Томск. В декабре 1919 г. Томск заняла Красная армия. Реэвакуация университета в Пермь была очень трудной, возвращение состоялось в феврале 1920 г. В 1921 г. при университете был организован Биологический научно-исследовательский институт, его директором назначили А.А. Заварзина. В 1922 г. А.А. Заварзин принял предложение кафедры гистологии и эмбриологии Военно-медицинской академии и вернулся в Ленинград.

У Заварзина с самого начала работы в Перми были близкие отношения с Николаем Васильевичем Мешковым², миллионером и меценатом, который много сделал для открытия Университета. Особо почтительное отношение к Мешкову — человеку, преданному своему делу и просветительству, — передалось многим молодым преподавателям. Такое же особое отношение Юрия Александровича к отцу, к Заварзину, к Мешкову всегда помогало ему в жизни. А любовь к педагогике и студентам была смыслом его работы и обязанностей. Юрий Александрович всю жизнь глубоко почитал Мешкова и на 50-летие университета собирался поехать в Пермь, чтобы рассказать о Мешкове и поднять забытое имя. Тогда оно замалчивалось. В те годы о миллионере и пароходчике было не принято говорить. Но накануне поездки Юрий Александрович скоропостижно скончался.

Владимир Васильевич Меннер³ как-то сказал: «Самое большое, что Юрий Александрович сделал, это представление русской науки за рубежом». Это действительно так. Потому что Юрий Александрович приезжал в зарубежные университеты не только как специалист-палеонтолог, а как педагог, искренне интересующийся всем, что и как там делается, и делился, чем мог поделиться. Первый раз, выехав за границу, он оказался в Индии, и, побывав в студенческом городке, подружился со студентами. Потом, когда проездом был в Париже, посетил Сорбонну. И всегда Юрий Александрович пользовался успехом именно у студентов. И очень дорожил этим — студенчество, подрастающее поколение, было самым большим его детищем. А потом уже Палеонтологический музей.

² Николай Васильевич Мешков (1851–1933) — крупный российский предприниматель, меценат, общественный деятель. В 1891 г. обеспечил закупку более 400 тыс. пудов семенного зерна для охваченной голодом Пермской губернии. Получив от губернской управы «под честное слово» почти 1.5 млн рублей, Мешков полностью выполнил обязательства, не преследуя коммерческих целей. Заготовка хлеба сделала Мешкова известным: он был избран в земское собрание, Пермскую городскую думу, губернский училищный совет. В 1912 г. на собственные средства построил ночлежный дом и передал его в дар городу. В знак благодарности Мешков был избран Почетным гражданином города Перми. Во многом благодаря связям и благотворительности Мешкова в 1916 г. было открыто Пермское отделение Петроградского университета, переименованное год спустя в Пермский университет, положивший начало высшему образованию на Урале.

³ Владимир Васильевич Меннер (1905–1989) — выдающийся геолог, палеонтолог и биостратиграф, талантливый педагог, доктор геолого-минералогических наук, академик АН СССР. В 1934–1937 гг. научный сотрудник, ученый секретарь Палеозоологического (Палеонтологического) института АН СССР. После кончины Ю.А. Орлова возглавлял кафедру палеонтологии геологического факультета МГУ в 1966–1989 гг.



Наталья Павловна Орлова (Преображенская)

О ЖИЗНИ В ТОМСКЕ. 1919 г.

Томск показался нам тихим мирным уголком. Очень зеленым, очень деловым. Когда мы приехали в Томск, там было все в порядке. Мы снимали комнату в многоэтажном доме столичного типа. Прекрасный город. Белые здания Технологического института. Прекрасный вузовский городок. В одно из этих зданий я ходила на лекции. Там в это время был Пермский университет в эвакуации, и часть лекций обеспечивалась томскими профессорами, а часть пермскими. Меня представили

Андрею Александровичу Рихтеру⁴ — ботанику пермскому, петербургскому. Мы оказались среди своих. Жили в одной квартире с Эдельштейнами⁵ и встречались с В.К. Котульским⁶.

Вера Александровна Эдельштейн посоветовала мне, чтобы я не тереяла времени и начала заниматься английским с одним ее знакомым, мистером Чансом, бывшим членом ирландского парламента. Он каким-то образом оказался в Сибири и давал уроки. Ходила и я на уроки. Я страшно была стеснительная и пугалась всех. Кого-то там встречала, заканчивала заниматься, уходила, одевалась, кто-то приходил, я здоровалась. Мистер Чанс — очень милый старик. Даже не представляю, что я могла усвоить за немногие недели, что к нему ходила. Я этого не помню, а Юрий Александрович говорил, что он у Чанса меня в первый раз встретил. Мы могли еще встретиться на лекции профессора В.Д. Кожанчикова. Он читал в большой амфитеатром аудитории университета о своих наблюдениях над вшами. Тема была очень актуальная. Говорил, на какой среде он их пасет, и что они больше любят. Мне запомнилось, что они больше всего любят грязное белье.

Так как в Оренбурге я собиралась в Пермском университете учиться, а здесь четыре декана встретились, то всем, что касалось Томского университета, я очень интересовалась. Завела знакомую из Томского университета — Клавдию. И мы с ней начали ходить в госпиталь. Лазаретом это тогда называлось. Я спала и видела, чтобы участвовать как-то в этих военных действиях. И вот мы сговорились и ходили в госпиталь

⁴ Андрей Александрович Рихтер (1871–1947) — физиолог растений, академик АН СССР и ВАСХНИЛ. Создатель кафедры анатомии и физиологии растений (1917), декан физико-математического (1918) и агрономического (1920) факультетов, ректор Пермского университета (1921–1923). Внес большой вклад в развитие исследований по анатомии и физиологии растений в Саратовском и Московском университетах, в Академии наук СССР.

⁵ Яков Самойлович Эдельштейн (1869–1952) — геолог, геоморфолог и географ, профессор ЛГУ, заслуженный деятель науки РСФСР. Один из организаторов Высших географических курсов в Петрограде в 1916 г., впоследствии ставших Географическим институтом. Главный редактор «Большого советского атласа мира». В 1949 г. награжден орденом Ленина, в том же году арестован по «Делу геологов» и в 1950 г. осужден на 25 лет. Скончался в тюремной больнице в Ленинграде. Реабилитирован в 1954 г.

⁶ Владимир Климентьевич Котульский (1879–1951) — геолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Преподавал в Горном институте с 1908 г. В 1915 г. избран геологом Геологического комитета. В 1918 г. избран вице-директором Временного геологического комитета при правительстве Колчака. После Томска возвратился в Петроград в 1920 г. Арестовывался в 1930, 1932 и 1949 гг. Полностью реабилитирован в 1989 г.

волонтерками. Руководила нами молодая еще, но она казалась очень солидной, Ольга Ивановна Коршунова, медсестра, учила, как надо делать перевязки, массаж, и даже на операции нас брала. Я ходила в лазарет с Клавдией долго, вероятно, с месяц, судя по тому, как успела переvidать всякое. К великому моему огорчению, мама воспротивилась, и с работой в лазарете было кончено.

Потом еще какое-то время мы жили в Томске, и я продолжала ходить в университет. Тогда же ближе познакомилась с Рихтером. В силу каких-то дружеских побуждений Андрей Александрович пригласил меня на ботанические экскурсии. Мы отправлялись с ним за город и собирали материалы для микроскопирования. Мне было очень интересно, потому что раньше я никогда не обращала внимания на такие мелочи как какие-нибудь лишайники или водоросли, или еще что-то такое, ничем не блестящее и растущее на земле. Рихтер же пригласил меня в университет и в лаборатории, учил пользоваться микроскопом. Я ходила на его лекции.

С конца сентября начались всякие беспокойства. Иногда я ходила в город из той части, что прилегает к Технологическому институту, к Ушайке. Есть что-то похожее во всех городах — там вывешивали сводки информбюро. День ото дня они становились все хуже и хуже. Происходила эвакуация на восток, ее мы своими глазами видели, все откатывалось от Челябинска. Папа Павел Иванович в это время оставался в Омске. Там заметно распространялся сыпной тиф. В последних числах ноября было получено распоряжение от папы ехать в Иркутск.

О ЖИЗНИ В ИРКУТСКЕ. ОСЕНЬ–ЗИМА 1919–1920 гг.

Наступили холода, когда мы с мамой и братом отправились в Иркутск. Садись в вагон в темноте и холоде. С нами ехал профессор Юлий Сигизмундович Залькинд⁷, органик из Пермского университета.

⁷ Юлий Сигизмундович Залькинд (1875–1948) — российский химик-органик, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. В декабре 1917 г. Залькинд был избран профессором по кафедре органической химии в недавно созданном Пермском университете. В 1919 г. был в эвакуации в Томске и Иркутске. Вернувшись в Пермь в 1920 г., Залькинд восстановил работу кафедры. В 1921 г. избран профессором Петроградского политехнического института и оставил Пермский университет.

Только здесь я познакомилась с Татьяной Борисовной Поленовой⁸; она была со своей маленькой Лялей, ей было года два, не больше. Был там Николай Осипович Палечек⁹ с сыном Алешей.

Николай Осипович Палечек при нескольких министрах был директором департамента, ведавшего финансами высших учебных заведений. Через него, начиная с царского времени, проходили ректоры и профессора многих-многих вузов России. Он был знаком с Н.В. Мешковым. Мешков приходил к Палечеку и говорил, что в Пермь нужно эвакуировать Юрьевский университет¹⁰. А Николай Осипович убедил его, что нужно добиться, чтобы Петербургский университет открыл свой филиал в Перми. Организация Пермского университета в значительной степени шла через руки Мешкова и Палечека. После того как министерства существовать перестали, университет пригласил Палечека в качестве управделами. Когда Пермский университет эвакуировался, Николай Осипович уехал вместе с ним.

Дорога мне запомнились разговорами Юлия Сигизмундовича с другими спутниками о теории Фрейда, о том, что сны являются отражением подноготной человека, его оттесненных вглубь желаний и побуждений.

⁸ Татьяна Борисовна Поленова (1890 г.р.) — выпускница химического отделения, ассистент кафедры неорганической и аналитической химии Пермского университета. Младшая дочь Б.К. Поленова, декана физико-математического факультета Пермского университета, заведующего кафедрой геологии и минералогии, основателя музея палеонтологии и исторической геологии ПГУ. Сорагница П.И. Преображенского.

⁹ Николай Осипович Палечек (1878–1937) — вице-директор департамента народного просвещения в одноименном министерстве. Сыграл важную роль в создании Пермского отделения Петроградского университета в 1916 г. После революции стал в 1918 г. управляющим финансами Пермского университета. В правительстве Колчака товарищ министра народного просвещения П.И. Преображенского. В 1920 г. осужден на 10 лет лишения свободы. После амнистии в конце 1920-х гг. заведовал административно-финансовым отделом Геологического комитета. Крестный отец внуков П.И. Преображенского Романа (1929) и Олега (1932) Орловых. В 1929 г. Н.О. Палечек был арестован по «делу Геолкома», но освобожден за недоказанностью обвинения. В 1937 г. арестован и расстрелян за «антисоветскую агитацию». Реабилитирован посмертно.

¹⁰ Летом 1915 г. в связи с приближением фронта Первой мировой войны встал вопрос об эвакуации Юрьевского университета. В числе возможных городов назначения рассматривалась Пермь. Против перевода в Пермь выступила большая группа профессоров. В начале 1916 г. часть имущества университета в Пермь все-таки отправили. В 1918 г. в связи с оккупацией Эстонии германскими войсками значительную часть преподавателей и студентов эвакуировали в Воронеж, где был открыт Воронежский государственный университет.

Не помню, как мы высаживались в Иркутске, и кто нас встречал. Так или иначе, в бывшем Женском институте¹¹, который к этому времени был эвакуирован или пустовал, нам предоставили квартиру административного лица, не директорского, а рангом пониже. Отдельный домик, совершенно благоустроенный, стоявший на территории института. Институт представлял собой очень большое здание, типа столичных, с великолепными банно-прачечными заведениями. Умывальные комнаты большие со всякими душевыми устройствами и прачечная, в которой я стирала наше белье.

В качестве прислуги нам дали пленного немца — толстомордого колбасника, очень противного. Потом нам достался некий Рихард, австриец, который проникся к нам необыкновенной симпатией. Очень старательно все делал. Совершенно не похожий на толстого колбасника Рихард, подвижный и тощий, был так к нам расположен, что когда мы уезжали, я дала ему свой адрес, и он мне даже писал в Пермь о своем житье-бытье.

Николай Осипович отправил Алешу из Иркутска на Дальний Восток. Предполагаю, что Екатерина Васильевна Пермякова¹² устроила отъезд Алешы с сестрой Алексея Алексеевича Заварзина Елизаветой, которая тоже уезжала на Дальний Восток. Думаю, что Алешу тогда отправили, потому что Елизавета Алексеевна с госпиталем ехала дальше, в Соединенные Штаты. С тех пор ее Заварзины видели уже после войны.

В один прекрасный вечер, 23 или 24 декабря по старому стилю, появился папа¹³. К этому времени нам было известно, что правительство Колчака уехало на Дальний Восток. Шли последние колчаковские эшелоны — не войск, а администрации.

Чешские военные власти Колчаку и находившемуся при нем В.Н. Пепеляеву не дали уехать. Колчак сидел в Иркутске, и, как местные власти предполагали, его хотели отправить в Москву, чтобы там был гласный суд и все прочее. И так как не предполагали заниматься судопроизводством сами, то с него снимали предварительный допрос, он был застенографирован. Я в свое время читала его. Библиотекарь Нина Максимовна на геологическом факультете это устроила. Я искала

¹¹ Девичий институт Восточной Сибири основан в 1845 г. Каменное здание института построено в 1861 г. В 1896 г. в честь 50-летия образования переименован в Иркутский институт Николая I.

¹² Е.В. Пермякова — сотрудница кафедры региональной геологии Пермского университета, ближайший помощник Б.К. Поленова.

¹³ Павел Иванович Преображенский.

газеты того времени. Она мне в фундаментальной библиотеке МГУ помогла кое-какие газеты просмотреть. Мне удалось тогда просмотреть напечатанную, по инициативе ревкома, стенограмму допроса Колчака. Новые власти не торопились, допрос велся очень обстоятельно, очень медленно. Колчак рассказывал про себя, начиная с молодых лет, как участвовал в экспедициях в Заполярье, об участии в Русско-Японской войне, о том, как вместе с другими ранеными и больными попал в плен. Японцы предложили: кто хочет — остается в Японии, кто хочет — возвращается. Он, естественно, вернулся.

ИРКУТСК. АРЕСТ ОТЦА. 1920 г.

Я была дома одна, мамы не было, брата тоже. Кто-то пришел. Открываю дверь. Какой-то мужчина в меховой шапке задает вопрос: «Кто здесь живет?» Отвечаю, что это квартира министра Преображенского. Разговор на этом закончился. Папа приехал в тот же день вечером. Разговор был взволнованный — все рушится, все бегут, дальше уходить некуда... Но разговор какой-то нерешительный. А может, и было решено остаться. Разговоры шли у мамы с папой, я в них не участвовала.

Среди ночи пришли, и папу арестовали. Я была совершенно явным наводчиком. Думаю, они бы сами не догадались так быстро. А может, и знали все. Очень хорошо помню: морозно, на улице холодно, яркая-яркая луна, скрипучий снег под ногами, и его уводят из дома. Но все без ругани, без хамства. Арестовали и арестовали.

На другой же день мама пошла хлопотать. И папу отпустили на поруки, потому что в городе всем заведовал тот, кто допрашивал Колчака. Он маме сказал, что они знают Преображенского, и к нему лично претензий нет, но он виноват в том, что авторитетом своим поддерживал правительство Колчака.

После того, как папу отпустили на поруки, мы сравнительно мирно существовали. Жили на каких-то частных квартирах. Папа, мама и Юра поселились в одном месте, а я жила в другом. Комната с ширмочкой, я за ширмочкой, а перед ширмочкой какая-то пара. Старшие ждали решения судьбы извне. Папу обязали не уезжать из Иркутска, а в остальном он пользовался полной свободой.

Я продолжала учиться в университете, ходила на лекции по анатомии. Был там профессор анатомии Бушмакин¹⁴, профессор

¹⁴ Николай Дмитриевич Бушмакин (1875–1936) — доктор медицинских наук, профессор Варшавского, Ростовского, Казанского университетов. Профессор (1919), ректор (1920–1929) Иркутского государственного университета. Заслуженный деятель науки РСФСР.

Дорогостайский¹⁵, зоолог и краевед, — он про население лесов, тайги говорил. На лекции Залькинда ходила.

В той квартире, где мы жили до папиного ареста, стоял рояль. Мы с Юлием Сигизмундовичем играли в четыре руки симфонии Гайдна. Они каким-то образом у меня оказались с собой, и мы их так мило в четыре руки разыгрывали.

Город я помню мало. Запомнилась мне Ангара, ее берег. Бывший Женский институт был расположен на берегу Ангары, и университет тоже около набережной. Громадная река, а железная дорога по ту сторону находилась, и были какие-то невзрачные каменные строения. Однажды я оказалась на мосту, стояла где-то посередине, и меня поразило, что вода текла под мостом абсолютно прозрачная. Камешки видны были на дне, а вода голубоватого цвета.

Мы с папой ходили вместе гулять. Запомнилась одна прогулка. Это было под вечер. Мы с ним шли вдоль Ангары от университета. Папа говорил, что не знает, что его ждет в будущем, но очень беспокоится за нашу судьбу. Сам он прожил интересную жизнь, и что бы ни случилось, он ни о чем не жалеет. Тогда, как и впоследствии бывало в подобных случаях, он просил заботиться о маме, зная мой ершистый характер.

Мы с папой как-то особенно любили друг друга. Но это выразилось не словами, а доверительной с его стороны беседой и добрыми наставлениями. Я-то с ним своим ничем особенно не делилась, мне нечего было рассказывать. Или стеснялась его. Но он догадывался, что могло меня интересовать, что мне могло быть ближе.

В первых числах марта прибыло начальство из Москвы, после которого последовало заключение папы в тюрьму. Мы с мамой ходили с передачей, далеко от центра, в тюрьму на берегу речки Ушаковки. Это впечатление — тюремные решетки, передачи — связано с тем периодом.

Но все-таки еще мы как-то жили. В первых числах апреля я была на лекции Бушмакина. Среди лекции в дверь входит Екатерина

¹⁵ Виталий Чеславович Дорогостайский (1879–1938) — выпускник Московского университета, ученик М.А. Мензбира, доктор биологических наук. Сотрудник Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, участник многочисленных экспедиций, член комиссии Академии наук по изучению Байкала. Активный участник создания в 1916 г. в урочище Большие Коты Байкальской гидробиологической станции и строительства первого научно-исследовательского судна — парусно-моторного катера «Чайка». Управляющий отделом рыболовства и охоты Министерства земледелия Временного Сибирского правительства в 1918 г. С 1919 г. профессор Иркутского университета. Арестован в августе 1937 г., в сентябре 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.



Павел Иванович Преображенский

Васильевна Пермякова, меня вызывает и говорит, что папу отправляют с арестантским вагоном в Омск, и семья поедет вместе с ним, семье разрешено сопровождать.

ПО ДОРОГЕ ИЗ ИРКУТСКА В ОМСК. 1920 г.

Выехали мы из Иркутска в первых числах апреля. Состав был длинный. Паровоз, потом почтовый вагон, еще какой-то... Потом вагон классного типа с решетками на окнах, в котором ехали члены бывшего колчаковского правительства, какие только остались в пределах досягаемости, и причастные к его администрации. За арестантским вагоном

один или два товарных и две теплушки, в которых ехали семьи арестантов. Опять нары, опять железная печурка и какая-то еда с собой.

На станциях можно было выйти, подойти к арестантскому вагону, арестованные выходили. Но стояла стража, и передавать им ничего не разрешалось, и разговоры не поощрялись. Только можно было видеть, что они выходят, и коротко словами обмолвиться.

По всей железной дороге от Иркутска до Омска вдоль полотна лежало очень много перевернутых вагонов с торчащими кверху колесами, кое-где локомотивы, сожженные станционные здания. И многочисленные реки.

Через реки переправлялись так. Паровоз отцепляли, и локомотив толкал сзади весь состав к реке, на настланные по льду рельсы. Состав шел, разделялся на отдельные вагоны. Как нам объясняли, локомотив слишком тяжелый, а вагон лед выдерживал. Вагон шел, пока не доходил до противоположного берега, а там его опять подцеплял локомотив и вытаскивал на другой берег.

Таким способом мы переезжали целый ряд рек. Лед не хрустел, не было страшно. Кроме Нижнеудинска. Там мы не по льду ехали, а по мосту. Высоченный мост, где-то внизу снегом покрытая река, и весь мост в лесах. И в один момент вдруг что-то затрещало, загрохотало. Отчетливо помню это мгновение, которое длилось несколько минут, десятилетий, когда я думала, что сейчас мы будем внизу, и все кончится. Оказалось, что у жилой теплушки, которая шла перед нами, труба от печурки была выведена наверх, она задела леса, и какие-то плахи упали на товарный вагон, который между двумя жилыми теплушками был. Этот вагон разбило, а все остались невредимы. Конечно, потом страшно боялись через мосты ехать.

СУДИЛИЩЕ. ОМСК. ВЕСНА 1920 г.

В Омск мы приехали 18 апреля под вечер. Не в город, а в железнодорожное депо. Железная дорога идет дальше, а к городу отходит ветка.

Нас выгрузили. Все арестанты по глубокой луже прошлепали под конвоем куда-то вперед.

Когда мы после Иркутска вновь в Омске оказались, с жильем у нас было плохо, но работой я была обеспечена: стала секретарем свиного подотдела молочного отдела. Это было какое-то трехэтажное наименование. Я работала в свином подотделе и должна была регистрировать входящие и исходящие бумажки.

В конце мая началось судилище¹⁶. Назначили место — железнодорожное депо. Оно выглядело как амфитеатр, с помостом для суда и судимых. Я, конечно, ходила на все заседания. Они продолжались, вероятно, неделю. Выступал от лица Москвы государственный обвинитель Гойхбарг¹⁷. Судили человек 10–15. Самыми старшими по положению были товарищ министра внутренних дел Червен-Водали¹⁸, товарищ министра путей сообщения Ларионов¹⁹, какой-то главный по рабочим вопросам²⁰ и некий Клафтон²¹, ответственный по делам печати, бывший кадет. По чину самым главным был министр просвещения — папа. Николай Осипович Палечек там, конечно, тоже был, в одном вагоне ехал с папой.

На суде разбиралась общая вина всех, потом персонально каждого. В первых числах июня — заключительное заседание, на котором приговор выносили. Тех четверых назвали, и им высшую меру назначили. После них папу назвали, и сказано было тоже — высшая мера, но приговор заменялся принудительными работами по специальности до окончания гражданской войны.

Червен-Водали отдал папе письмо и часы свои. Папа их сохранил. Потом мама передала их, вероятно, дальше. Червен-Водали был недавно на этом посту. Интеллигент, повинный в том, что не разделял точку

¹⁶ Чрезвычайный революционный трибунал при Сибирском революционном комитете «По делу самозванного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей». Омск, 20–30 мая 1920 г.

¹⁷ Александр Григорьевич Гойхбарг (1883–1962) — юрист, социал-демократ, большевик. С 1918 г. в Наркомюсте. В 1919–1920 гг. член Сибревкома и заведующий его юридическим отделом. Обвинитель на процессе против членов Российского правительства при Верховном правителе А.А. Колчаке.

¹⁸ Александр Александрович Червен-Водали (1871–1920) — русский политический деятель, нотариус. Член Конституционно-демократической партии с 1905 г. С конца ноября 1919 г. — товарищ министра внутренних дел Российского правительства. В конце декабря 1919 г. в Иркутске вошел в состав «троектории» — оперативного органа государственного управления, который вел переговоры с захватившими город эсерами.

¹⁹ Алексей Михайлович Ларионов (1872–1920) — русский инженер-путеец. В 1919–1920 гг. временно управлял министерством путей сообщения в Российском правительстве. Был членом «троектории».

²⁰ Леонид Иванович Шумиловский (1876–1920) — педагог, журналист, политический деятель. Министр труда в Российском правительстве.

²¹ Александр Константинович Клафтон (1871–1920) — российский общественный и политический деятель, журналист. С июня 1919 г. директор-распорядитель Русского бюро печати, осуществлявшего информационное обеспечение правительства Колчака.

зрения марксистов. Судя по тому, что папа к нему хорошо отнесся, думаю, он был вполне порядочный человек.

По документальным данным, которые в нашем архиве, есть решение Ленина о замене папе высшей меры принудительными работами. К Ленину обратился Горький, а к Горькому ходатайство было от Академии наук и, в частности, от Анатолия Николаевича Рябинина²², у него какие-то связи были с партийными кругами. Карпинский²³ и Рябинин из ближайших известных мне геологов могли активно в дело включиться. А дальше все шло к Горькому, а Горький — к Ленину.

Это очень мягкое определение — «до окончания гражданской войны и по специальности». До суда они под конвоем сидели в подвале пожарной части в каком-то районе Омска. Оттуда их возили на суд в Омское депо. Некоторое время, вероятно, и на работы возили. Папа в сопровождении охранников ходил в геологическое управление.

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ ЛЕНИНГРАДА. ЛЕТО 1941 г.

Юрий Александрович приезжал в Ленинград читать лекции в конце апреля, а после этого уехал в Голодную степь, взяв с собой Севу. Разрешение директора школы на его отъезд раньше окончания учебного года было дано, и они с отцом уехали. Детей бабушка Мария Ростиславовна увезла в начале мая на дачу, в первый раз на Сиверскую — это было совсем новое место. А я осталась заниматься, кончать музыкальные курсы, которые посещала в течение двух лет. Дедушка Павел Иванович оставался в городе. Мысли, конечно, у меня были направлены

²² Анатолий Николаевич Рябинин (1874–1942) — геолог, палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук. За участие в революционной деятельности был дважды арестован, отбывал ссылку в 1897–1905 гг. Профессор, заведующий кафедрой Горного института (1921–1942). Директор Геологического комитета (1921–1923). Член-учредитель Русского палеонтологического общества (1916) и его председатель (1940–1942). Умер от голода в блокадном Ленинграде.

²³ Александр Петрович Карпинский (1846–1936) — выдающийся геолог, петрограф, горный инженер и палеонтолог, профессор, тайный советник (1898), академик (1896). Первый выборный президент Российской академии наук (1917), переизбирался дважды. Директор Геологического комитета (1885–1903, почетный директор 1903–1929). Президент Российского минералогического общества (с 1899), первый почетный член Русского палеонтологического общества (с 1916).

на занятия музыкой и дачные дела. Но какие-то отклики доходили о передвижении войск на железной дороге. Это было тревожно, но этого никто не объяснял тогда.

Я кончала курсы, сдавала последние экзамены. Курсы музыкального образования для взрослых, типа музыкальной школы. Сдавала по вокальному отделению и по фортепианному. Двадцать первого июня был один экзамен, и на другой день предстоял последний, по роялю. После экзамена я возвращалась пешком до трамвая. Вышла на берег Невы. Был мрачный закат, неприятное освещение. Думала о своих делах, а об окружающем как-то не думалось. Мои мысли шли в том направлении, что дети на даче, и я могу спокойно заниматься. Только сейчас до меня дошло, как и что нужно делать, как заниматься. Мы с дедушкой Павлом Ивановичем были дома одни. На другой день я уехала на курсы, играла перед комиссией большую программу. Крамера, потом Баха, потом Клементи, потом Грига и какую-то советского композитора вещь. Это был последний экзамен. Когда я возвращалась домой, было в городе какое-то ощущение беды. И тогда я узнала — война... Но мы ничего не предпринимали: дети на даче, у меня лично было какое-то состояние растерянности. Что же делать дальше?

На следующий день дедушка сказал, что пускай дети сидят на даче, потому что такое распоряжение пришло. Сначала детей из города эвакуировали, а родителям их забирать из детских учреждений не разрешалось. Именно такое дали распоряжение: дети самостоятельно со своими организациями уезжают, а родители в этом принимать участия не должны. Вот это один из эпизодов войны, который очень болезненно отозвался, потому что детей отправили из Ленинграда в юго-западном направлении, как раз навстречу врагу. И это совпало с решением дедушки детей ни в коем случае в город не привозить. А через несколько дней это распоряжение, что дети самостоятельно будут эвакуироваться, сняли и разрешили родителям уезжать с детьми, куда они сумеют. И началась паника, очень трудно стало попадать на поезда — люди стремились уехать кто куда.

Дедушка Павел Иванович начал хлопотать, чтобы своих сотрудников по Институту галургии²⁴ отправить в Соликамск. Так как служащие уезжали организованно, то дедушка меня присоединил к своим

²⁴ В 1931 г. в Ленинграде была создана Соляная лаборатория АН СССР, преобразованная в 1935 г. во ВНИИ галургии (ВИГ) Наркомтяжпрома. П.И. Преображенский перешел на работу в ВИГ главным геологом в 1937 г., в годы войны был назначен директором института.



Наталья Павловна с детьми: стоят Сева и Олег, сидят Наталочка и Рома.
Ленинград, 1940 г.

сотрудникам. Меня и троих ребят — Романа, Олега и Наталочку. Сева был в экспедиции, а мы уезжали в Соликамск. Не помню, успел ли телеграфировать как-нибудь Юрий Александрович, что он возвращается

в Москву, а Сева остается временно с Яном Эглоном²⁵ и другими в Голодной степи. Папа ли списался с Эглоном, или мы просили — не помню, от кого исходила просьба принять Севу к себе, чтобы он не в Ленинград возвращался, а ехал дальше, в Среднюю Азию.

Юрий Александрович вернулся в Москву и был занят институтскими делами по эвакуации. А нас эвакуировали с дедушкиным институтом. Так мы оказались в составе группы, которая на барже уезжала из Ленинграда водным путем в Соликамск. Я долго собиралась, складывала фотографии и ноты. Воображала, что смогу свое музыкальное образование там использовать. Дедушка как-то воскликнул: «Господи, когда ж ты... С реальностью посчитайся!» И вышел. Он собрал нас самостоятельно — все наши зимние вещи, обувь, все это в переметные экспедиционные сумы упаковал, уложил.

Бабушка Мария Ростиславовна тем временем с детьми сидела на даче, так как ее известили, что в город привозить детей не надо. Она была там с домработницей. Они ждали — две женщины и трое ребят.

Уезжали мы 8 июля. Перед этим за день или два я звонила Алексею Евграфовичу²⁶ попрощаться, и оказалось, что он едет с этой баржей тоже. Он направлялся в Ростов-на-Дону, а мы — в Соликамск. Он сказал, что в Соликамск не поедет, в Ростове останется у сестры, а там будет видно. Сусанна Александровна²⁷ пришла к нам, проводила нас из дома до трамвая на Зеленина. Вещи как-то были отправлены, очевидно, дедушкой, и он позаботился о доставке их на пристань в районе Смольного. Пристань, где баржи стояли, чтобы плыть вверх по Неве.

Я с ребятами и Зинаида Ивановна²⁸ с нами. Посадила нас Сусанна Александровна на трамвай, мы попрощались, доехали с пересадками

²⁵ Ян Мартынович Эглон (1888–1971) — скульптор, реставратор, создатель палеонтологических реконструкций. В Палеонтологическом (Палеозоологическом) институте АН СССР с его образования в 1930 г. Участник многих экспедиций ПИНа, в которых вел раскопочные работы.

²⁶ Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945) — химик-органик, академик АН СССР. Один из инициаторов создания и первый директор (1934–1939) Института органической химии АН СССР. А.Е. Фаворский и его ученики разработали теоретические основы промышленного синтеза каучука в СССР.

²⁷ Сусанна Александровна Рейнке (1893–1977) — педагог, декан факультета 1 Ленинградского медицинского института им. академика И.П. Павлова, блокадница, участник защиты города, награждена медалью «За оборону Ленинграда» (1943). Близкий друг семьи П.И. и М.Р. Преображенских.

²⁸ Поселившись в Вельске в 1899 г., А.Ф. Орлов нанял присматривать за сыновьями Георгием и Борисом молодую воспитательницу Зинаиду Ивановну Александрийскую (в замужестве Филатову).



Наталочка, Олег, Рома, Сева и Павел Иванович Преображенский.
Ленинград, 1940 г.

до района Смольного. Когда сошли с трамвая, то около моста Петра Великого встретили Алексея Евграфовича. Мы вместе дошли до пристани, там дедушка с бабушкой нас дожидались. Зинаида Ивановна с ребятами и я прошли на баржу. Небольшая, чистенькая, новая и с совершенно новыми нарами и новыми перекрытиями из светлых досок. Нары подряд настланы, как в вагоне третьего класса, не купированном, проходы

небольшие между нарами по обе стороны. Мы заняли места. Рядом, через отсек, Алексей Евграфович устроился. Также мы встретили семью Эдельштейнов, бабушку Морачевскую с внуками, тоже уезжавшую в Соликамск. Морачевский²⁹ работал в Институте галургии и отправлял своих сотрудников.

Зинаида Ивановна с детьми осталась на барже, там же остался Алексей Евграфович, а я вышла на пристань, где сидели дедушка и бабушка. Солнце село, но было совсем светло. Мы долго сидели. Дедушка говорил о том, что они не собираются никуда эвакуироваться, сказал: «Что будет, то будет». Неважно, наверное, себя чувствовал. И они с бабушкой решили, что остаются. А мы уезжаем. Наконец баржа тронулась, и мы долго ехали под прикрытием аэростатов, которые могли бы нас защитить.

Нас тащил маленький буксирчик. Белые ночи. Трудно даже сказать, какое это было время. Мы тащились очень долго по Неве, очень долго над нами аэростаты висели. Ленинград тянется вверх по Неве очень далеко. Потом мы пошли не по Ладожскому озеру, а параллельно ему по каналу, который там с петровских времен. Узенький канал, заросший ивняком, почти смыкавшимся над нами. Комарья невероятное количество. Было жарко и временами просто невыносимо внизу, под крышами над нарами. Я с ребятами выбиралась на лестницу и пыталась лечь сверху, но крыша-то покатая. И вот лежишь, отмахиваешь комаров от Наталки, которая рядом со мной, и все время ползешь вниз. Потом опять взбираешься. В памяти об этой части пути — невероятно комариное место. Ползли мы со скоростью такой, что комары могли лететь рядом.

Из канала мы выбрались к Ладожскому озеру. Дальше должны были по Свири плыть до Онежского озера. Открытое пространство — комары кончились. Запомнилось очень быстрое течение Свири. Проезжали мимо «Свирьстроя». Здание электростанции было все раскрашено пятнами, закамуфлировано. Помню на Свири лунную ночь... Вода, очень быстро пробегавшая мимо медленно ползущей баржи. Удивительно красиво!

Продовольствие мы взяли с собой, а люди на стоянках бежали что-то купить, и нигде ничего не было. Публика, которая бегала на добычу,

²⁹ Юрий Витальевич Морачевский (1894–1961) — химик-аналитик, специалист в области геохимии, профессор, заведующий кафедрой аналитической химии химического факультета Ленинградского университета. Профессор кафедры общей химии Горного института. До 1935 г. руководил Геохимическим сектором ЦНИГРИ (ВСЕГЕИ). Один из основателей Института химии силикатов АН СССР (1948).

возвращалась очень обеспокоенная положением. И так в течение всей дороги. Иногда все-таки удавалось что-то съедобное достать. С детьми оставались Зинаида Ивановна и Алексей Евграфович, который пас Наталку, выходил с ней прогуливаться. Он всегда ходил с палочкой, сильно хромал. Наталке почти четыре исполнилось. Подходящие ходоки.

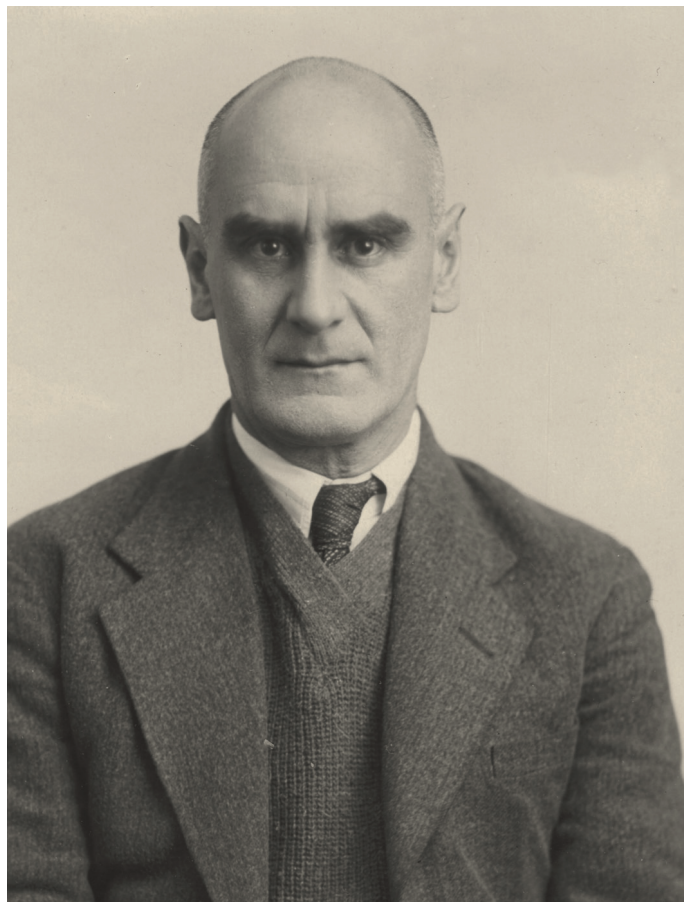
После Свири мы вошли в полосу шлюзов на реке Шексне. Эта часть пути очень интересная, потому что шлюзы были деревянные, походили на ворота какой-нибудь деревни, где мужики или бабы эти шлюзы открывали и отходили в стороны. Потом их закрывали, мы медленно опускались, подымались, смотря по необходимости.

Ехали на барже с нами ребята лет четырнадцати, которые, когда мы в шлюзах стояли, выскакивали на берег, а потом бежали параллельно барже. Баржа тянулась, а они бежали и не отставали от нас.

Пока мы через шлюзы плыли, в одном месте поравнялись с Вытегрой и увидели вдалеке Вытегорский погост. Был вечер. На фоне заката — силуэт церкви, совершенно подобный Кижам: пирамидка с множеством-множеством маковок. Она выглядела черным силуэтом на расстоянии. Церковь достояла до начала 1960-х гг. Юрию Александровичу рассказывал его знакомый из Палеонтологического института, что они с женой были на этом месте незадолго до гибели церкви. Заглянули в окна, обратили внимание на то, что внутри церкви валяются какие-то бумаги или книги разорванные. После этого они сходили в сельсовет и сказали, что надо за этой церковью присматривать, что это архитектурный памятник. И так горько об этом сожалели, потому что не это ли напоминание, что надо церковь сохранить, послужило к тому, что она попросту сгорела вскоре после их посещения.

Мы плыли-плыли и так доплыли до Череповца. В Череповце была большая остановка. Мы со всеми вещами перетащились на пристань, и нас пересадили на другую баржу. Вместо маленькой чистенькой дали большущую, которая, как я поняла, даже по Каспийскому морю способна ходить. Всех погрузили в громадный трюм, похожий на сарай, никаких там ни нар не было, ни перегородок — ничего. Все сидели на вещах. Вероятно, Алексей Евграфович, пошел хлопотать за нас, и капитан разрешил мне с Наталкой разместиться на ночь в его рубке.

Берега выглядели совсем по-другому. Они сильно раздвинулись. Потом началось Рыбинское море. Широченное, местами берегов не видно. Это совсем не то тихое плавание на маленькой барже. Маленькая баржа — это совершенная идиллия. Если забыть про комаров, то дальше замечательно интересно, замечательно красиво, замечательная погода, замечательное общество Алексея Евграфовича.



Юрий Александрович Орлов. 1941 г.

Во второй половине дня, под вечер, мы добрались до Рыбинска. Там нас пересаживали на пароход. Пароход был деревянный, четвертый класс или третий. Не каюты, а общая большая зала, перегороденная полками.

Когда мы уезжали из Ленинграда, дедушка Павел Иванович дал мне два письма. Одно к бывшему его ученику Василию Николаевичу Прокошеву³⁰, агроному, окончившему Пермский университет. Другое письмо старикам Безукладниковым, чья дочь была женой сотрудника дедушки по Соликамскому прииску. Старики жили в маленьком доме

³⁰ Василий Николаевич Прокошев (1903–1977) — биолог, агроном, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Пермского сельскохозяйственного института, заслуженный деятель науки РСФСР.

в самом Соликамске. Очень приветливо к нам отнеслись. Когда дедушка давал эти письма, он сказал, что Соликамск — голодное место: туда приходилось посылать продовольственные посылки задолго до войны. Но там есть люди, которые, в случае чего, помогут. Это было дедушкино напутствие нам в Ленинграде.

Когда мы оказались на Волге, я все больше и больше склонялась к мысли отстать от соликамской группы и вылезти где-нибудь поближе, чтобы не так далеко от дома уезжать. Но об этом надо было сговориться, это не было условлено с Павлом Ивановичем, и тем более с Юрием Александровичем, который находился в Москве, и мы никак не могли с ним общаться. Нижний Новгород мне запомнился тем, что я безуспешно пыталась пробиться к телефону позвонить в Москву, но так ничего и не вышло. А в Москве как раз был первый налет. В общем, с моим планом «отстать» ничего не вышло, и мы должны были двигаться дальше и дальше, как запланировано. Алексей Евграфович в Нижнем Новгороде пошел к своим друзьям, а наш пароход переместили на другую пристань, на другую сторону Волги. Когда он пришел на старое место, то оказалось, что мы далеко, и Алексей Евграфович от нашей группы отстал. А мы двинулись на том же пароходе дальше, до Камского Устья. Там все, направлявшиеся в Соликамск, вышли на берег, а пароход ушел вниз.

В Камском Устье мы сидели очень долго, просто на пригорке. Не помню, чем мы кормились. Только осталось ощущение полной пустоты и бесполезности походов за продовольствием. И очень мало надежды на то, что удастся попасть на нужный пароход.

Проклятых вещей везли гору. Пять или шесть выюков каждый объемом с полную походную суму, и передвигаться было невероятно трудно. Так или иначе, на пароход, идущий в сторону Перми, мы все-таки попали. И как-то немножко вздохнули, потому что оказалось, что попали в купированную каюту. В памяти такой единственный эпизод: я моюсь, и зеркало есть, и чисто.

Пароход шел только до Перми, а нам нужно было до Соликамска добираться. Так что мы снова вытаскивали свой груз, опять его перекладывали на какой-то маленький пароходик. И я не помню, до Соликамска мы на одном или, может быть, даже на двух пароходиках добирались. Основное, что в памяти осталось, — это груз, груз, груз — вещи, которые мы за собой волокли.

В СОЛИКАМСКЕ

Мы приехали в Соликамск. Хмурая погода. Как-то дотащились до места, где должны были поселиться. Дедушке Павлу Ивановичу выделили маленькую трехкомнатную квартиру на втором этаже, поскольку он был одним из ведущих работников Соликамского прииска. И мы в ней расположились, в пустых совершенно комнатах. Но под крышей, и это было наше.

Началась наша соликамская жизнь. Если стоять спиной к Каме, то направо — белый городок Соликамского комбината, а налево — овраг и старый город. А мы — как раз на границе. Первое впечатление: соседние деревянные строения — черные бревенчатые бараки. Именно черные. Несколько таких стояло около нас, а наш дом белый, вероятно, оштукатуренный.

Мы уехали из Ленинграда по жаре, а здесь шел снежок, хотя мы приехали 30 июля. Соликамск нас встретил такой вот погодой. Впечатление удручающее совершенно, хуже придумать нельзя.

Первые дни нашего пребывания еще какой-то маленький базарчик мы застали. При нас же он иссяк. Надо было топить. Мы купили забор у хозяев и разбирали его, чтобы топить плиту. Плита была устроена очень остроумно: с котлом и змеевиком, который отапливал ванную, так что мы оказались с горячей водой, с ванной, с печкой, с крышей. Мы были в тепле, и это сберегло здоровье и, вероятно, жизнь в течение всей зимы. И нам, и дедушке с бабушкой, Павлу Ивановичу и Марии Ростиславовне, которые потом приехали. С едой было совсем плохо. Нам выдавали иждивенческие карточки и детские, рабочей карточки у нас не было сначала. Только когда приехал дедушка, тогда появилась первая рабочая карточка.

Мы приехали 30 июля. Весь август никаких известий. Ничего. Я ходила в город, пыталась позвонить. Пришел к нам Прокошев Василий Николаевич, и стали мы говорить о возможности моей работы. Он заговорил о преподавании в школе, я на это ответила, что никогда не учила, и что за это не берусь. Насчет музыкального преподавания спросила — никому это тоже не нужно. Дошла я до того, что в ГУЛАГ зашла узнать, не надо ли что-нибудь там. Мне, явно усмехаясь, сказали, что «вашей музыки нам не надо». Но шла я туда скрепя сердце, потому что среди всей этой нашей явной нищеты это был дворец. Постройка на другие средства и другими силами возведенная. И персонал там... Только с одним человеком разговаривала и очень радовалась, что ничего не вышло.



Семья Орловых после возвращения из эвакуации. Москва, 1943 г.

Василий Николаевич, вероятно, постеснялся сразу мне предложить место рабочей на опорном пункте агрономической станции, которой заведовал. Туда я потом зимой и поступила именно как рабочая. Ходила торфяные горшочки делать для теплиц.

Василий Николаевич нас опекал, приносил какое-то продовольствие. Но это все позже, а первоначально мы были ориентированы на казенное питание.

Словом, весь август прошел, мы были сами по себе. На бугор, который разделяет часть старого города, мы ходили докапывать картошку, которую выкопали к тому времени. Потом собирали капусту — купили какой-то капустный участок. Холод, моросит, сыпется мелкий снег, земля голая, кочерыжки капустные торчат, и кочерыжки мы срезаем...

Пока мы жили одни, раза два ходили к дедушкиной знакомой — старушке, у которой он столовался и даже жил в свои прежние приезды в Соликамск. Такая злобедная тетка, которая нас кормила, и явно показывала, что делает это неохотно. А мы — я, по крайней мере, — переступив отвращение, к ней все-таки ходили.

Сведения из Москвы и Ленинграда не поступали. С Ленинградом связь оборвалась, начиная с сентября. Неожиданно приехал Юрий Александрович. Приехал и сказал, что скоро будут дедушка с бабушкой. Дедушка с бабушкой приехал парохомом. По рассказам бабушки

Марии Ростиславовны, они должны были выехать 16–17 октября, когда паника началась в Москве, а приехали в последних числах октября. И в это же время появился папа. Дальше папа должен был направляться в Алма-Ату, куда эвакуировали Палеонтологический институт. Сначала в Алма-Ату, потом во Фрунзе вывозили сотрудников. Борисяк уехал и оказался во Фрунзе, а большинство сотрудников — в Алма-Ате.

Незадолго перед Новым годом приехал Роман Федорович³¹. Они с Юрием Александровичем посещали рудник, видели калийные копи. Говорят, они необыкновенно красивы. У Романа Федоровича и Юрия Александровича было задание, командировка. Надо было выяснить места возможного хранения для эвакуации производств. Подземные хранилища искали. Для этого пещеры и старые рудники могли быть использованы. Попутно мы с Романом Федоровичем — Новый год приближался — ходили в лес за елкой. Это было замечательное путешествие, Роман Федорович его долго вспоминал.

Лес около Соликамска — вот тоже одно из впечатлений — черные бараки и, насколько видно оттуда с нашего пригорка, мертвый коричневый хвойный лес, все мертвое, все газом сожжено. Так что за живыми деревьями мы ходили довольно далеко. Там были елки, были и пихты чудесные. Мы привезли по елке, по пихте. Елку поставили в дедушкину комнату. Дедушка и бабушка помещались в комнате, которая побольше, а мы жили в комнате, которая поменьше, и там стояла у нас пихточка.

Когда мы плыли на барже, обнаружилось, что Эдельштейны собрались очень легкомысленно и ничего теплого не взяли. Они везли скатерти и такие вещи, которые могли бы им понадобиться в обиходе, но они совершенно не рассчитывали оставаться в Соликамске в холодное время, думая, что скоро вернутся в Ленинград. В таком положении были очень многие. Дедушка Павел Иванович оказался гораздо более предусмотрительным и дальновидным. В сентябре или в августе Эдельштейны попросили их пустить, потому что они мыкались, по приезду у них ничего не было. Они поселились в нашей квартире: Яков Самуилович, Вера Александровна, две их внучки. Когда стало известно, что дедушка с бабушкой приедут, пришлось просить их комнату освободить.

³¹ Роман Федорович Геккер (1900–1991) — геолог, палеонтолог, палеоэколог, доктор биологических наук, профессор кафедры палеонтологии геологического факультета МГУ. В Палеонтологическом (Палеозоологическом) институте АН СССР с его образования в 1930 г.

Мы существовали сравнительно сносно первую зиму, потому что нам было тепло. Когда кончились заборы, мы брали опилки, за ними ходили на лесопилку, недалеко, и все время этими опилками обогревались.

В январе 1942 г. Роман Федорович и Юрий Александрович уехали. Февраль мы как-то прожили, а в начале марта Наталочка заболела. К нам пришел врач — старик, эвакуированный. Отнесся очень внимательно и установил у Наталки скарлатину. И предупредил, что учитывая ее предыдущий двусторонний отит и прокалывание, когда ей еще года не было, почти гарантировано осложнение на ухо. С этим заключением Наталочку приняли в больницу, в детское инфекционное отделение, где врачом была эвакуированная из Одессы женщина. Эвакуированные всегда в те времена друг другу старались помочь. И она взяла меня в больницу вместе с Наталкой. Наталочку уложили на крошечную детскую кровать. Такую же кровать получила и я.

Больница — это барак, стоящий прямо на земле, с инеем по плинтусу. Больницу построили так, что когда приходил дедушка навещать, мы разговаривали просто через окно. Он у окна стоял, и мы у окна. В верхней части комнаты было сравнительно тепло, но, конечно, не жарко. Больных в этой палате лежало человек двадцать ребят. Кто спал, кто прыгал, кто скакал. По холодному полу скакали и почти все зарабатывали осложнения. А благодаря тому, что с Наталочкой была я, удалось ее уберечь. Не спускала ее на пол, и все благополучно сошло.

И так мы просуществовали в этом бараке весь март и только в середине апреля вернулись домой. К этому времени было готово решение: мы едем в Алма-Ату с Наталкой, Олегом и Ромой. Зинаида Ивановна возвращается в Вельск. А дедушка с бабушкой остаются в Соликамске.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ³² Н.П. ОРЛОВОЙ И А.И. ЖАМОЙДЫ ³³

Н.П. Орлова — А.И. Жамойде

Москва, 29 декабря 1982 г.

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Очень бы хотелось пожелание Вам и Ирине Николаевне счастливого 1983 года поздравлением и завершить. Но взываю SOS!

Дело касается нового Палеонтологического музея.

Позволяю себе это, так как он должен носить имя Юрия Александровича³⁴, и это обязывает.

Я долго колебалась, не будет ли мое обращение к геологической общественности предательством в отношении Юрия Александровича, твердо стоявшего на позиции, что палеонтология — наука биологическая и должна быть представлена в Биоотделении Академии наук. Следовательно, и поддержка в создании первоклассного, как он мыслился, Музея, должна быть со стороны биологов. К сожалению, неувязки, которые при этом создании возникают, не привлекают особого внимания вышестоящих инстанций.

Близится Международный геологический конгресс. К конгрессу должно быть приурочено открытие первой очереди Музея. А в середине 1985 года должна быть готова вся экспозиция, и тогда же, в 1985 г. кончится финансирование.

Между тем планы все меняются, бесконечно меняется руководство, а старые музейские кадры тают.

Каково то «лицо», каким перед компетентными зарубежными специалистами этот Музей имени Орлова предстанет? И какова его дальнейшая судьба?

Грандиозные возможности частично осуществляются, но по ходу дела и теряется много из того, что большой коллектив старался

³² Печатается по машинописным копиям из архива семьи Орловых.

³³ Александр Иванович Жамойда (1921–2021) — геолог, палеонтолог, специалист в области региональной геологии, биостратиграфии, геологической картографии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент РАН (1987). Директор ВСЕГЕИ (1970–1987), вице-президент Палеонтологического общества (с 1966), председатель Межведомственного стратиграфического комитета России (1988–2021).

³⁴ Имя Юрия Александровича Орлова присвоено Музею Палеонтологического института АН СССР в 1967 г.

воплотить на высшем уровне. Этот коллектив состоял, в основном, из младших по возрасту сотрудников и учеников Юрия Александровича.

Возможно, мало кто помнит, что возглавляя кафедру палеонтологии МГУ, Ю.А. не менее горячо, чем к идее Музея, относился к созданию кадров палеонтологов. Бережное отношение к уже существующим было, порой в ущерб собственной науке, одной из главных черт его работы, как в университете, так и в институте.

Обратиться к Вам меня подтолкнуло то, что недавно в журнале «Знание — сила» (№ 11, 1982) вышла статья Ю. Лексина, посетившего Музей в прошлом году и написавшего со слов сотрудников его — Шиманского, Пономаренко (тогда заведующего Музеем) и Жегалло.

Сейчас статья вызвала неудовольствие дирекции ПИН'а, так как за год многое переменялось.

Пономаренко и Жегалло в Музее уже нет. Отстранены и некоторые другие, имевшие непосредственное отношение к экспозиции — Шишкин, Шер, Григорьева. В частности, увольнение последней провело, несмотря на возражения Б.С. Соколова, по сугубо формальному признаку. Эти и другие квалифицированные сотрудники заменяются новичками уровня лаборанта и не уложившейся в срок аспирантки.

Планы экспозиции сокращены, меняется тематико-экспозиционный план, сильно сокращается количество разделов, уменьшен их объем.

Совет Музея давно не созывался, тогда как в предыдущие годы все вопросы экспозиции обсуждались сообща. Научный руководитель одного из отделов в текущую работу не посвящается, распоряжения идут через его голову.

Отношение руководства к хранению материалов в кабинете монографических коллекций и вообще в институте не на высоте.

Я сторонний наблюдатель, но в курсе положения людей, которые с пониманием заветов Ю.А. и с полной отдачей работали для нового Музея.

Если в обычае Ю.А. были максимальные усилия для ПРИВЛЕЧЕНИЯ людей к работе, сплочения их, стремление убрать объективные помехи, абсолютная этическая принципиальность, то сейчас, при системе раздувания конфронтаций имеет место этически и организационно недопустимое.

В итоге — потеря Музеем деятельных квалифицированных сотрудников.

Отсутствие согласованных действий между дирекцией и части сотрудников среднего, по возрасту, состава ощущалось давно, а два года

назад вспыхнуло попыткой убрать из ПИН'а одного из молодых докторов наук, якобы не справившегося с заведыванием Музеем. Если это могло истолковываться как частный случай, то потом превратилось в систему. Пошла чехарда в смене заведующих, едва ли не с неизбежной деградацией научной и организационной компетенции.

Хорошо помню, какое внимание Ю.А. уделял постановке музейного дела в разных странах, сам музеи посещал и знакомил с принципами организации других. Теперь музейведческая зрелость собственных сотрудников дирекцию не беспокоит, хотя для специальной командировки времени было достаточно, а опыт организации выставок не есть опыт музейев.

Между тем постоянные перестановки кадров отстраняют от дела и тех, кто уже самостоятельно необходимые знания приобрел.

При том, сколько сил взяла у Ю.А. идея создания единственного в СССР современного музея, чего она ему лично стоила, и что значит получить решение Правительства для осуществления этого проекта, я не могу безучастно относиться к разбазариванию — иначе не могу назвать — человеческих усилий, воодушевления, всего, что составляет творческую энергию кадров, к амортизации небывалых средств.

В Музее допустимой, даже желательной, стала позиция не только не исходящая из мобилизации всех возможных сил института, а наоборот — самоуверенного — «справимся сами».

Действительно, институту Музей не нужен. Для его дирекции создание Музея никогда не было главной задачей данного периода существования института. Музей рассматривался, как средство поднять престиж института и обеспечить его помещениями.

Лично мое мнение — полноценный Музей, даже часть его, к конгрессу представлена быть не может, и комкать экспозицию ради сохранения «лица» дирекции неправомерно. А строить его дальше надо. Кому это делать?

Вот какие вредные мысли я Вам высказываю. Может быть, геологи не так равнодушны к вульгаризации идеи, как это имеет место здесь. Простите меня, но для многих это тоже SOS.

Мне известно, что бывшая заведующая кабинетом хранения коллекций А.Д. Григорьева подготовила письмо к академику А.Л. Яншину, где просит создать комиссию, которая ознакомилась бы с положением сохранности коллекций в ПИН'е.

С искренним уважением к Вам,

Н.П. Орлова

А.И. Жамойда — Н.П. Орловой

Ленинград, 22 января 1983 г.

Глубокоуважаемая Наталья Павловна!

Получил Ваше письмо от 29.12.82 г. Большое спасибо за поздравление с Новым годом!

Не мог раньше ответить, так как только на днях вернулся из Парижа.

Палеонтологию считаю наукой столь же биологической, сколь и геологической. Поэтому был бы рад оказать всяческую поддержку скорейшей реализации планов Юрия Александровича по завершению работ в Палеонтологическом музее, тем более в преддверии Геологического конгресса.

Однако, как я могу помочь в этом деле — мне не очень ясно. Конечно, при встрече с министром (он же председатель Оргкомитета конгресса) информирую его о положении дел; но скорее всего — он сошлется на Академию наук. Академики, с которыми говорил, соглашаются с ненормальным состоянием работ в Музее; но, по-моему, никто не хочет иметь дело с администрацией ПИН'а. У меня тоже почему-то сложились отношения с Леонидом Петровичем.

Поэтому я, конечно, буду иметь в виду сообщенное Вами, однако, пока что мало могу быть полезен — тем более из Ленинграда.

Ирина Николаевна начала тему, посвященную истории открытия крупных месторождений. Поэтому материалы, которые Вы мне переслали, в ближайшее время понадобятся. Думаю, что Вы не будете возражать, если они пока полежат в моем сейфе.

Шлем Вам самые добрые пожелания.

С глубоким уважением,

А.И. Жамойда

АКАДЕМИК Ю.А. ОРЛОВ
И НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ
ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН¹

М.А. Шишкин

Неопубликованные документы из личного архива академика Ю.А. Орлова позволяют проследить перипетии многолетней борьбы Палеонтологического института АН СССР за право оставаться в ряду биологических учреждений союзной Академии наук — вопреки попыткам перевести его административным путем в состав Отделения геолого-географических наук. Этот шаг означал бы пересмотр исследовательской программы института в пользу прикладных задач и разрушение наиболее фундаментальных направлений его деятельности, связанных с развитием теоретической и эволюционной биологии в нашей стране. Необходимость отвести эту опасность, впервые возникшую для института в военные годы, встала со всей остротой уже перед его первым директором академиком А.А. Борисьяком и вскоре легла на плечи сменившего его на этом посту Орлова. Последний был вынужден противостоять угрозе фактической переориентации института вплоть до 1960 г., когда вопрос наконец был снят с повестки дня. Таким образом, Орлову пришлось непрерывно заниматься этой проблемой на протяжении большей части своего директорского срока.

¹ Печатается по: Шишкин М.А. Академик Ю.А. Орлов и некоторые страницы из истории Палеонтологического института РАН // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 1. С. 120–132.



Юрий Александрович Орлов. 1949 г.

История Академии наук СССР в первые послевоенные десятилетия еще ждет своего исследователя. Ее важнейшую часть составляют, конечно, движение научной мысли того времени и появление новых направлений и открытий. Но этим ее содержание далеко не исчерпывается. Сам характер проблем, возникавших в жизни Академии, и механизмы принятия организационных решений часто дают наглядное представление об условиях, в которых тогда работало и вело исследования главное научное учреждение страны.

Руководство Академии и ее подразделений, включая директоров институтов, будучи тесно связанным с партийно-государственными инстанциями, неизбежно должно было чутко реагировать на все,

исходящее «сверху». Это могли быть и сигналы к разносным идеологическим кампаниям, вроде той, что вылилась в уничтожение морганистской генетики в нашей стране в середине 40-х гг. Но часто и более обыденные, но не слишком компетентные «руководящие рекомендации» могли таить в себе угрозу для нормального функционирования Академии, нарушая естественное распределение задач внутри нее. Одновременно они открывали простор для чьих-то личных или групповых амбиций — благо появлялась возможность выдать последние за заботу о государственных интересах. Неудивительно, что такие веяния с вышестоящих этажей власти нередко инициировались заинтересованными руководителями в самой же Академии. Такое положение дел было предметом постоянных тревог для многих директоров академических институтов, озабоченных тем, чтобы вовремя разглядеть подводные камни и уберечь от бессмысленных потрясений руководимые ими научные коллективы.

В этом плане, если говорить о естественных науках, вполне типична и история Палеонтологического института (ПИН) АН СССР в 40–60-е гг., — т.е. в период, когда им руководил Юрий Александрович Орлов. Громкие события в отечественной биологии того времени не оставили этот институт в стороне, и его директору, как и многим тогда, также пришлось оправдываться перед обвинениями в вейсманистско-морганистской «ереси». Это, однако, сюжет для отдельного повествования. Мы же хотим рассказать о другом — о борьбе за само существование отечественной палеонтологии в составе биологических наук, которую Ю.А. Орлову пришлось вести почти на всем протяжении его директорства. На первый взгляд, речь шла о чисто организационном вопросе — месте Палеонтологического института в структуре Академии. Но от его решения зависело, сохранится ли в нашей стране наука об истории жизни на Земле как фундаментальная дисциплина или же для нее останется лишь подсобная роль.

Исторически палеонтология, как и все другие области познания геологического прошлого, берет свое начало в геологии. Непосредственный предмет ее изучения — окаменелости — на первых порах почти не отделял ее от минералогии, о чем и сегодня напоминают нам экспозиции большинства геологических музеев, в основе своей состоящие как раз из этих двух разделов. Прогресс знаний об истории Земли сделал науку об ископаемых организмах важнейшим инструментом расшифровки геологической летописи в самых разных ее аспектах, будь то определение возраста осадочных пород, последовательность их накопления (стратиграфия), геологическое картирование, фациальный анализ, палеогеографические реконструкции и т.д.

Но в то же время объекты палеонтологии — это остатки некогда живых организмов, историческая смена которых подчинялась общим законам биологической эволюции. Уже одно это делает палеонтологию биологической наукой. Выдающийся русский палеонтолог А.П. Павлов называл ее «зоологией и ботаникой угасших форм жизни», но это определение все же далеко не полно. Трудно перечислить все те биологические проблемы, в исследовании которых палеонтологии принадлежит ныне одна из ведущих ролей, например — закономерности эволюции, видообразование или историческая зоогеография. И кроме того, как давно уже стало очевидным, именно от прогресса палеонтологии как фундаментальной биологической дисциплины зависит успех ее использования в геологических исследованиях.

Понимание этого и привело в свое время академика А.А. Борисьяка к идее создания Палеонтологического института в составе Отделения биологических наук (ОБН) АН СССР на основе существовавшей тогда палеонтологической секции Геологического комитета. Этот замысел, осуществленный в 1930 г., был поддержан наиболее выдающимися нашими естествоиспытателями, далеко видевшими перспективы развития науки, — причем не только зоологами и ботаниками (А.Н. Северцов, М.А. Мензбир, В.Л. Комаров), но и геологами такого масштаба, как А.П. Карпинский, В.И. Вернадский и А.Е. Ферсман. Последующая история деятельности Палеонтологического института, его вклад в отечественное и мировое естествознание под руководством А.А. Борисьяка, а затем Ю.А. Орлова, лишь подтвердили дальновидность этого решения. Однако события в истории организации нашей науки, и в частности такого учреждения, как Академия наук СССР, мягко говоря, далеко не всегда определялись логикой научных требований.

О том, как это происходило, дает представление «тематическая» папка с документами, подобранными Ю.А. Орловым, — свидетельство его многолетних попыток предотвратить передачу руководимого им института в Отделение геолого-географических наук (ОГГН). Это несомненно привело бы к разрушению института, ибо важнейшая (эволюционно-биологическая) часть его исследовательской программы, относительно менее связанная с геологической практикой, была бы в таком случае либо упразднена, либо передана (вместе со специалистами) в другие учреждения. Подборка документов, о которой мы говорим, далеко не полна; многие события упомянуты в ней лишь косвенно. Но и того, что сохранилось, достаточно, чтобы представить, чего стоила Юрию Александровичу эта борьба. И сколь нелепой была сама ситуация, когда из года в год приходилось доказывать самоочевидное,

не имея уверенности, что точка в этом вопросе будет вообще когда-либо поставлена.

Вот первый сигнал тревоги. Это написанное от руки письмо первого директора института А.А. Борисяка выдающемуся геологу Владимиру Афанасьевичу Обручеву, посланное из эвакуации в марте 1943 г. Поблагодарив адресата за поздравления в связи с высокой наградой (речь шла, очевидно, о Сталинской премии), Борисяк далее пишет: «Тем более тяжело мне было узнать из письма Ю.А. Орлова, что опять (*подчеркнуто мною — М.Ш.*) поднимается вопрос о переводе моего института в Геологическое отделение. Вся суть моего института в том, что в нем палеонтология строится как биологическая наука [...] Этим советская палеонтология поднята на большую теоретическую высоту — становится самостоятельной наукой и, таким образом, может не только гораздо лучше обслуживать стратиграфию (что уже доказано нашими работами), но и вносить свою лепту в разработку биологических проблем, т.е. давать максимум того, что может дать наша наука [...] В создании у нас палеонтологии как биологической науки, по-моему, моя главная заслуга; в этом — задача моей жизни [...] Неужели же надо все поворачивать назад? Во всяком случае, я не приму в этом участия. Вы всегда помогали нам в сохранении нашего лица. Надеюсь, и теперь Вы поддержите нас»².

События нескольких последующих лет не отражены в архиве Ю.А. Орлова. Но дальше становится ясно, что вместе с постом директора Палеонтологического института он унаследовал и главную тревогу его основателя. В конце лета 1949 г. вопрос о переводе института снова приобрел актуальность, и обеспокоенный Ю.А. Орлов просит поддержки у своих коллег — биологов и геологов.

Сохранилась копия одного из таких писем члену бюро ОБН академику Н.Н. Аничкову. Юрий Александрович сообщает ему о настоящих требованиях «некоторых геологов отделения геологических наук» о переводе туда Палеонтологического института и добавляет: «При современном состоянии естествознания это означало бы скачок назад примерно на полстолетия [...] Переход [...] неизбежно означает быструю деградацию палеонтологии позвоночных и всей многообразной связанной с ней тематики, палеознотомологии [...] и других разделов, развитие которых обеспечивалось именно пребыванием [института] в Отделении

²Здесь и далее цитируются ранее не публиковавшиеся документы из личного архива академика Ю.А. Орлова. Материалы были предоставлены автору статьи Н.П. Орловой, вдовой Ю.А. Орлова, в конце 1980-х гг. — *Прим. М.Ш.*

биологических наук». Н.Н. Аничков обещал свою поддержку. Коллеги Ю.А. Орлова из Зоологического института АН — его директор академик Е.К. Павловский и академик Л.С. Берг — направили письма в бюро ОБН в защиту позиции директора ПИН. Основные их доводы потом будут в числе других еще много раз повторяться в этой истории. Прежде всего, подчеркивалось, что только в рамках биологии палеонтология является самостоятельной дисциплиной, способной к саморазвитию, тогда как для геологии она играет подсобную роль, такую же, как, скажем, математика для физики. Что же касается усиления палеонтологических исследований в системе Геолого-географического отделения, то для этой проблемы следует искать другое решение, нежели предлагаемый перевод института.

Откликнулись на обращение Юрия Александровича и видные геологи. Генеральный директор Геологической службы, член-корр. АН СССР Н.Н. Яковлев в своем ответном письме указал, что перевод Палеонтологического института в другое отделение, скорее всего, будет иметь пагубные последствия для его судьбы и для выполнения им той главной роли, ради которой он был создан — разработки вопросов эволюционной биологии. Параллельное существование палеонтологии в рамках геологической службы и независимых палеонтологических учреждений — это обычная практика в зарубежных странах, и такое положение дел совершенно естественно. Письмо заканчивается словами: «Геологический институт Академии наук СССР имеет в своем составе палеонтологов-стратиграфов и может увеличить их число, не зарясь на персонал других учреждений».

Откликнулся и академик Д.В. Наливкин. Он прямо предостерегал: «Что касается Палеонтологического института, то главная опасность — это если будет решение нового секретариата Академии и ЦК». Но в целом позиция академика была скорее оптимистической. По его мнению, во-первых, без согласия ОБН перевод не состоится; а во-вторых, в бюро Геолого-географического отделения вряд ли есть очень активные энтузиасты такого шага, да и М.И. Варенцов (тогдашний директор Геологического института АН) достаточно равнодушен к палеонтологии. Поэтому, заключал автор письма, «надеюсь, что и на этот раз, как говорят, “не в первый и не в последний”, все кончится благополучно. Сейчас как будто острота вопроса затихает».

Действительно, на какое-то время опасность отдалилась. Но насколько серьезно она воспринималась Юрием Александровичем, видно еще из двух документов того же 1949 г. Один из них — составленная Орловым памятка из 12 пунктов «О положении Палеонтологического

института в системе Академии наук СССР»; по-видимому, она была разослана тогда же авторитетным коллегам по Академии вместе с обращениями о поддержке. В ней кратко обрисовывались история и побудительные причины создания Палеонтологического института в системе ОБН, подчеркивалось, что его главная задача — развитие палеонтологии как биологической науки и что только такой подход смог обеспечить ее эффективное использование для целей стратиграфии. Перечислялись важнейшие направления работы института и основные аспекты их практического приложения. Два последних пункта памятки — отчетливо полемические. Их суть такова: как ни велико стратиграфическое значение палеонтологии, это не значит, что она должна быть поглощена стратиграфическим учреждением. Геология использует сегодня данные самых разных наук — от химии и физики до археологии, но это еще не повод включать их все в ОГГН, ибо есть разница между их фундаментальными задачами и прикладным использованием.

Другой документ остался лишь в стадии проекта. Это — письмо научного коллектива ПИН тогдашнему президенту АН СССР академику С.И. Вавилову. Главная мысль в нем все та же: передача института в другое отделение — это путь к неизбежной деградации и гибели нашей палеонтологии как самостоятельной науки.

Передышка была недолгой. Где-то к началу 1952 г. вопрос о передаче Палеонтологического института в ОГГН снова встал на повестку дня. 15 января ученый совет института принимает резолюцию по этому поводу. В ней снова говорится о вредности такого шага и о том, что путь к успешному практическому внедрению достижений палеонтологии лежит только через ее развитие как самостоятельной биологической дисциплины. «Передача института», говорится в резолюции, приведет к подмене главных задач палеонтологии «узкохозяйственным развитием стратиграфических исследований и определительской работой».

Но, видимо, все это имело мало успеха. Уже в конце того же года Ю.А. Орлов вынужден был обратиться с письмом к заместителю академика-секретаря ОБН академику В.Н. Сукачеву, где сообщал, что извещен ученым секретарем Президиума АН СССР К.А. Власовым о предполагаемом переводе Палеонтологического института в ОГГН. Юрий Александрович просит, в случае рассмотрения этого вопроса в Президиуме АН или на одном из двух заинтересованных отделений, принять во внимание его возражения против такого шага. (Те из них, что обосновывают биологический статус палеонтологии как фундаментальной науки, читателю уже знакомы из сказанного выше). Что касается связи с геологической практикой, то Орлов признает необходимость



Наталья Павловна и Юрий Александрович Орловы. Сентябрь 1966 г.

усиления палеонтологических исследований в ОГГН, а также в Министерстве геологии, но указывает, что для этого требуется совсем другое. Он напоминает, что еще до войны академики А.А. Борисьяк и А.Д. Архангельский разработали проект создания палеонтологического сектора в Геолого-географическом отделении Академии. Для обеспечения нужд геологической практики надо идти именно этим путем, а не изымать палеонтологию из системы ОБН. С другой стороны, Палеонтологический институт осуществляет помощь народному хозяйству по многим направлениям, в основном по правительственным заданиям, таким, как палеонтологическое изучение Сибири, Туркменского канала и экспедиция в Монголии. Черновик письма заканчивался словами: «Очень прошу Вас не дать разрушиться в Отделении биологических наук полезному делу, на создание которого было положено столько трудов за 25 лет».

Но события развиваются, и уже в январе следующего, 1953 г. Орлов вынужден обратиться с письмами о поддержке к академику-секретарю своего отделения А.И. Опарину и его заместителю чл.-корр. А.Л. Курсанову. Подобные же письма были направлены и ряду членов бюро ОБН. Эти обращения почти одинаковы по содержанию, и в них уже чувствуется печать усталости от безнадежной борьбы с бессмыслицей. В них мы читаем: «В последнее время Отделение геолого-географических наук, и в частности Институт геологии [...] снова, повторно, не знаю,

в который раз ставят вопрос о переводе Палеонтологического института...» А далее Ю.А. Орлову — тоже в который раз — приходится повторять все те же доводы, что уже приводились ранее в письме В.Н. Сукачеву. И снова напоминать, что крупнейшие достижения в руководимой им области науки — создание у нас в стране палеонтологии позвоночных, палеоэнтомологии и палеоэкологии (науки об условиях жизни древних организмов) — были бы невозможны вне рамок ОБН. Что только здесь возможно исследование на ископаемом материале важнейших для биологии фундаментальных проблем, таких, как связь индивидуального и исторического развития организмов, функциональная морфология, палеобиология и т.д. Для любого профессионального палеонтолога это, казалось бы, очевидные вещи. Вот что пишет Орлов в этой связи: «Очень характерно, что наши научные друзья из ГИНа — В.И. Громов, В.В. Меннер, М.Ф. Нейбург, Д.М. Раузер-Черноусова (авторитетные палеонтологи. — *М.Ш.*), когда-то приглашавшие нас перейти в ОГГН, в настоящее время советуют ни в коем случае этого не делать, а остаться, в интересах палеонтологии, в Отделении биологических наук». В этих письмах Орлова нет уже какой-то конкретной просьбы к руководству ОБН, а просто говорится: «Так как для Вас многое ясно, то позволю себе отметить лишь следующее». И далее объясняется то, что уже столько раз объяснялось.

Несмотря на все эти усилия, 1953 год не принес ясности. Наоборот, тучи определенно сгущались. Об этом говорит факт обращения Ю.А. Орлова в ноябре уже к президенту Академии, академику А.Н. Несмеянову. Вот начало этого пространного письма:

«Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Не прекращающиеся со стороны дирекции Геологического института Академии наук СССР через Отделение геолого-географических наук требования о переводе Палеонтологического института АН СССР из Отделения биологических наук в Геолого-географическое побуждают меня просить Вас отнестись с величайшим вниманием и осторожностью к этому вопросу. Позволю себе указать на полную научно-организационную и методологическую неправильность такой «переброски» палеонтологии целиком в цикл геологических наук, ибо при современном состоянии естествознания недопустимо изучение науки о Жизни прошлого, об истории Жизни, по документам исторического характера — только при науках геологического цикла».

Ю.А. Орлов подробно объясняет в этом письме, как исторически сложилось отставание палеонтологии в геологических учреждениях

страны. Он признает, что это положение нужно исправлять. Но не ценой изъятия палеонтологии из ОБН, так как только там она может заниматься своими непосредственными задачами. Если же определять положение институтов в системе Академии на основе «примата практики», то можно зайти очень далеко. Тогда Зоологический и Ботанический институты тоже следовало бы передать в ОГГН, ибо и в этом отделении есть зоология и ботаника, например в институтах географии и океанологии. И не следует ли тогда передать Институт математики в Отделение технических наук или же просто в машиностроительную промышленность? А если, например, Институт микробиологии АН решает вопросы, важные для медицины и сельского хозяйства, то значит ли это, что и его нужно куда-то переводить?

Эти вопросы к адресату и сам неровный стиль письма, с повторениями отдельных мыслей и выражений, выдают эмоциональное состояние, в котором писал Юрий Александрович. И под конец он позволяет себе такое признание: «Институт палеонтологии, несомненно, имеет много недостатков в работе, на которых и на причинах которых не останавливаюсь, ибо не в этом сейчас дело. Но один недостаток позволю себе отметить: главная вина института заключается в том, что он нашел себе [...] благоприятную почву в системе Отделения биологических наук и из маленькой [...] лаборатории [...] развился в институт, сделавший очень много для познания ископаемого органического мира СССР...» (Далее перечисляются главные научные разработки и результаты института). Иными словами — пусть оппоненты в вопросе о переводе не прикрываются нуждами геологии; и так все понятно.

Ответ президента АН, пришедший в начале декабря, был благожелателен: «Могу Вам обещать, если такой вопрос возникнет, отнестись к нему со всей осторожностью и, разумеется, помимо Вас его не решать. Лично я склонен согласиться с Вашей точкой зрения». Тогда же, в декабре, Юрий Александрович направляет письмо и академику-секретарю ОГГН Д.И. Щербакову. По содержанию оно в основном повторяет письмо президенту, но составлено в более сдержанных «протокольных» выражениях. Ответ на него в бумагах Ю.А. Орлова не сохранился.

В том же году вопрос о судьбе Палеонтологического института рассматривался на заседании бюро ОБН с участием представителя ОГГН А.В. Пейве (в то время заместитель директора Геологического института). Итоговая формулировка решения, судя по ее изложению в одном из позднейших официальных писем Ю.А. Орлова, была пока что довольно осторожной. Бюро не нашло возможным решить вопрос о переводе ПИН в ОГГН на основе соображений, представленных этим

отделением, и пришло к выводу о необходимости совместного рассмотрения вопроса, в случае его дальнейшего возникновения, при участии двух бюро, а не односторонне (т.е. только в ОГГН). Для Палеонтологического института это была определенная передышка, но не более того.

Это вскоре подтвердил новый, 1954 год. Ю.А. Орлову снова нужна поддержка среди членов Академии. В январе он получил ее от академика Д.В. Наливкина в виде обращения к Всесоюзному палеонтологическому совещанию, собравшемуся в это время. Но уже в мае Юрию Александровичу снова приходится бить тревогу и апеллировать одновременно к ОБН, его секретарю и членам бюро. Причина такого шага указана в этих обращениях. Вот она:

«Мне стало известно, что, в связи с решением вышестоящих органов об оказании Академией наук содействия советской геологии по определенным разделам, из Президиума АН СССР в Отделение геолого-географических наук направлен проект решения Президиума, предусматривающий, между прочим, и перевод Палеонтологического института в Отделение геолого-географических наук».

Таким оказался итог всех предыдущих усилий. Все надо было начинать сначала. На сей раз директор Палеонтологического института не пробует подробно аргументировать свою позицию (адресаты и так ее знают) и лишь считает своим долгом напомнить, что механический перенос биологической дисциплины в «разряд» геологических наук глубоко ошибочен и будет иметь вполне предсказуемые последствия. И, пожалуй, стало чуть меньше сдержанности по отношению к противоположной стороне в этом конфликте. По словам Ю.А. Орлова, он представляет себе трудность положения с палеонтологией в ОГГН, «запустившем у себя эту науку по разным стечениям обстоятельств». Но то, что предлагается — это не выход.

Развитие событий в 1955 г. отражено в архиве Орлова лишь одним красноречивым документом — проектом постановления Президиума Академии наук от 1 апреля. В нем на основании доклада академика-секретаря ОГГН Д.И. Щербакова критически оценивается работа бюро этого отделения и отмечается отставание ряда направлений, в частности исследований по стратиграфии, в которых нет «общей принципиальной направленности». «Между тем стратиграфические задачи решаются несколькими институтами (Институт геологических наук, Палеонтологический институт, Институт нефти и др.), входящими в состав трех отделений...» А в постановляющей части проекта, включающей много

организационных изменений, пункт 4-й гласит: «Перевести Палеонтологический институт АН СССР из состава Отделения биологических наук в состав Отделения геолого-географических наук».

Этот проект не был реализован; но уже в следующем году все повторилось сначала. Как мы узнаем из очередного письма Ю.А. Орлова президенту А.Н. Несмеянову, 5 мая 1956 г. актив ОГГН снова принял проект постановления Президиума АН о переводе Палеонтологического института в ОГГН, — хотя ряд ведущих геологов, включая академиков Н.М. Страхова и А.Г. Григорьева, высказались против. Одна из мотивировок в пользу перевода, высказанная при обсуждении заместителем академика-секретаря ОГГН проф. Г.В. Богомолвым, состояла в том, что при существующем положении «ОГГН не имеет возможности влиять на работу (! — *М.Ш.*) Палеонтологического института». На протестующем письме Орлова президент наложил резолюцию: «Я придерживаюсь, как Вам неоднократно говорил, той же точки зрения, что и Вы».

Еще один протест директора ПИН был направлен академику-секретарю ОБН В.А. Энгельгардту. Он заканчивался словами: «Прошу ОБН и Вас лично о предотвращении механической переброски Палеонтологического института в ОГГН, где давным-давно было бы пора самому ОГГН озаботиться о развитии необходимых для ОГГН работ и кадров в области палеонтологии».

В итоге обошлось и на этот раз. Следующий и последний при жизни Ю.А. Орлова этап активного противостояния начался в 1959 г. Идея включения Палеонтологического института в состав ОГГН обсуждается вновь. Об этом Орлов сообщает в письме директору Института ГЕОХИ им. В.И. Вернадского академику А.П. Виноградову. Суть его просьбы следующая: «...Пишу Вам об этом в надежде, что в случае обсуждения вопроса в Вашем присутствии Вы найдете возможным сказать несколько слов за “не выкорчевывание” палеонтологии из цикла биологических наук». Ибо палеонтология, пишет далее Орлов, давно уже перестала быть только «служанкой геологии» и во всех передовых странах существует как в биологических, так и геологических учреждениях, но с разной направленностью. Автор письма приводит наглядную аналогию: «Никому не приходит в голову “вернуть” сравнительную эмбриологию, сравнительную анатомию, общую физиологию и т.п. в анатомию человека XVIII века, из которой развились эти науки».

И опять приходится обращаться к президенту А.Н. Несмеянову — на этот раз уже с подробным меморандумом на 9 страницах машинописи: «К вопросу о положении Палеонтологического института в системе

АН СССР» — хотя, казалось бы, все уже столько раз было объяснено! Директор ПИН снова напоминает: что исторические корни палеонтологии и ее сегодняшние задачи — это не одно и то же; что от биологической разработанности этой дисциплины зависит успех ее прикладного использования; что многие крупнейшие отечественные ученые уже возражали против изъятия палеонтологии из круга биологических наук в Академии: что ряд наиболее успешных направлений в работе ПИН, составляющих его гордость, — палеонтология позвоночных, палеоэнтмология и палеоэкология, — не смогут сохраниться вне Биологического отделения. Здесь Орлов предлагает необходимые меры по дальнейшему развитию палеонтологии в СССР: создание Номенклатурного комитета и постоянной комиссии по терминологии, палеонтологического сектора в Геологическом институте или при ОГГН, и, наконец, создание современного Палеонтологического музея, всесторонне освещающего историю жизни минувших эпох.

Понятно, что Ю.А. Орлову не было нужды снова убеждать А.Н. Несмеянова в своей правоте. Ведь тот и так соглашался с ним. Стиль этого меморандума, отличный от предыдущих, более доверительных, писем к президенту АН, говорит о том, что это скорее был документ для высоких инстанций. Ведь президент Академии был не всесилен. Об этом сразу же напоминает нам адрес другого письма Юрия Александровича, составленного в том же году: Москва, ЦК КПСС, В.А. Кириллину (тогдашнему заведомому науки ЦК). Это письмо — в основном сокращенная версия предыдущего документа. Начало его очень существенно для понимания того, каким был в то время на практике механизм принятия ключевых организационных решений по Академии. Ю.А. Орлов пишет:

«В связи с обращением к Вам нескольких геологов-академиков с представителями Министерства геологии и охраны недр по вопросу о передаче Палеонтологического института в ОГГН для создания Института палеонтологии и стратиграфии, считаю необходимым сообщить...»

К письму, вместе с другими документами, прилагалась и записка «О положении стратиграфических работ в ОГГН АН СССР», составленная Ю.А. Орловым вместе с проф. В.В. Меннером (Геологический институт АН СССР) в 1959 г. по поручению комиссии Президиума АН, обследовавшей ОГГН. В записке суммировались нужды отделения в кадрах и оборудовании, обуславливающие отставание стратиграфических и палеонтологических исследований. Одновременно подчеркивалось, что для эффективной работы в стране «палеонтологической службы»

было бы неправильно концентрировать всех палеонтологов Академии наук только в одном учреждении или отделении.

В конце года ученый совет ПИН единогласно принял очередное решение по поводу попыток перевода института в ОГГН, указав, что такой шаг был бы «неправильным и вредным для дальнейшего развития советской палеонтологии».

Но и в начале следующего, 1960 г. положение все еще оставалось неопределенным. Идея объединения всех связанных с геологией наук, в том числе и палеонтологии, в рамках одного отделения Академии по-прежнему пользовалась большой поддержкой. Это нашло отражение на февральском Общем собрании Академии, где президент АН Казахской ССР академик К.И. Сатпаев назвал рассредоточение институтов такого профиля по разным отделениям «организационной неразберихой».

Полемика продолжалась. В нее включился ряд старейших и наиболее авторитетных ученых Палеонтологического института, в том числе основатель отечественной палеоэкологии проф. Р.Ф. Геккер, который обратился с письмом к президенту А.Н. Несмеянову. В тезисной форме суть письма сводилась к следующему. Палеонтология — это биология геологического прошлого, и потому организация палеонтологических исследований в СССР на биологической основе, проведенная А.А. Борисяком, была объективной необходимостью. Этот подход к пониманию задач палеонтологии, высказывавшийся передовыми учеными и много ранее, был воспринят самим Борисяком через идеи выдающегося отечественного палеонтолога XIX в. В.О. Ковалевского. Создание Палеонтологического института в ОБН, как и предвидел его основатель, привело не к отходу от геологии, а, наоборот, к увеличению возможностей прикладного использования наших знаний об ископаемых организмах. Пример тому — постановка впервые в нашей стране широких исследований по ископаемым позвоночным и насекомым, что позволило поставить эти группы на службу биостратиграфии континентальных отложений. Кроме того, детальные таксономические, филогенетические и палеоэкологические исследования, выполняемые на биологической основе, сами по себе приводят к выводам геологического характера, прежде всего касающимся стратиграфии и условий древней седиментации. Стремиться к сосредоточению всей биостратиграфии в СССР в рамках Геологического института АН совершенно нереально — ни сейчас, ни в будущем. Эта работа всегда будет вестись в стране армией специалистов из множества ведомств, и согласование ее результатов осуществляется Межведомственным стратиграфическим комитетом. От ГИНа же как академического учреждения требуется

прежде всего разработка теории и методологии стратиграфических исследований. Общая тенденция в науке заключается в дифференцировании и организационном разделении дисциплин, некогда вышедших из общего источника. Поэтому нет оснований и для объединения в одном учреждении Академии наук всех палеонтологов, работающих в русле разных исследовательских задач. Перевод Палеонтологического института в ОГГН был бы шагом назад и нанес бы большой ущерб. Если же решение какой-то проблемы требует объединенной работы ряда институтов, то ее координация вполне возможна и без их сосредоточения в одном отделении Академии.

С письмом к А.Н. Несмеянову обратился и проф. И.А. Ефремов, основатель науки о законах захоронения древних организмов (тафономии), крупнейший специалист по ископаемым низшим четвероногим, один из первых в нашей стране использовавший данные по позвоночным для стратификации древних континентальных отложений. Его видение будущих перспектив Палеонтологического института было неординарным. Те, кто знал Ивана Антоновича, помнят о качественном разделении им палеонтологии позвоночных и беспозвоночных животных и о весьма скептическом его отношении к возможностям второго из этих направлений для проведения фундаментальных исследований. По его убеждению, именно изучение позвоночных (а также насекомых) как сложных организмов с наиболее информативными ископаемыми остатками составляет основу для развития палеонтологии как самостоятельной науки; остальные же животные группы — это «преимущественно индикаторы геологического возраста и условий отложения осадков», и соответственно они «в гораздо меньшей степени могут служить объектами биологического исследования высокого класса». Иными словами, их изучение имеет в основном лишь прикладное значение. По мере развития палеонтологии как биологической науки это несоответствие задач двух направлений будет, по мнению И.А. Ефремова, все более выявляться. Поэтому необходимо разделение Палеонтологического института. Биологическое направление его исследований, имеющее своей базой Палеонтологический музей, должно остаться в ОБН в качестве самостоятельного института. Его нельзя передать ни в ОГГН (там оно погибнет, «несмотря ни на какие заверения»), ни в какой-либо из биологических институтов (там нет ни материальной, ни методологической базы для таких исследований). Палеонтологию же беспозвоночных, т.е. «геологическое направление», следует передать в ОГГН, где на базе Геологического института можно было бы создать Институт геологии, палеонтологии и стратиграфии.

Реакцией на это письмо со стороны президента АН СССР было направление его копий трем должностным лицам Академии — директору ПИН Ю.А. Орлову, академику-секретарю ОГГН Д.И. Щербакову и и.о. академика-секретаря ОБН Н.М. Сисакяну с резолюцией: «Прошу рассмотреть с привлечением специалистов-палеонтологов и дать предложения».

Ответ Орлова был довольно краток. Полемики с Ефремовым в нем практически нет. Он лишь отводит упреки, что стремление сохранить структуру института объясняется консерватизмом его директора. В остальном же Юрий Александрович, наоборот, подчеркивает то, в чем он согласен с оппонентом: убеждение в неправильности изъятия палеонтологии из сферы деятельности ОБН и в том, что за пределами этого отделения исследования по палеонтологии позвоночных и другой биологизированной проблематике не смогут существовать. Что касается необходимости усиления стратиграфически ориентированных исследований по палеонтологии в ОГГН, то с этим давно все согласны, и он как директор не будет возражать в случае желания со стороны сотрудников Палеонтологического института перейти туда на работу. Но все это должно происходить «без закрытия организационных основ палеозоологии в Отделении биологических наук».

Со своей стороны, чл.-корр. Н.М. Сисакян возложил полученное им от президента задание на члена бюро ОБН, выдающегося ботаника, специалиста по биоценологии растительных сообществ академика В.Н. Сукачева. Как мы узнаем из письма Орлова, ему «поручалось рассмотреть в небольшой коллегии палеонтологов, с привлечением Д.И. Щербакова и И.А. Ефремова, некоторые вопросы, связанные с Палеонтологическим институтом и его положением в Академии Наук». Выбор специалистов-палеонтологов для комиссии был предоставлен Орлову, который предложил своих сотрудников проф. К.К. Флерова (заведующего музеем), проф. Т.Г. Сарычеву, д-ра биол. наук В.Н. Шиманского и сотрудника Геологического института проф. В.В. Меннера.

Комиссия под председательством В.Н. Сукачева собралась 11 марта 1960 г. Как видно из ее отчета, направленного Сисакяну, Д.И. Щербаков и И.А. Ефремов (находившийся на инвалидности) не участвовали в ее заседании. Комиссия пришла к единодушным выводам. Она констатировала, что основной задачей палеонтологии является разработка биологических проблем и что именно это обеспечивает возможность ее полноценного использования в геологии. Этим же определяется и естественное место Палеонтологического института в системе Отделения биологических наук АН СССР. Отмечалось, что в работах института

находит отражение как биологическая, так и геологическая проблематика и что необходимо усиление научных контактов ПИН с учреждениями ОБН и ОГГН, включая постановку совместных исследований. В заключение говорилось о необходимости дальнейшего развития института и в первую очередь создания при нем большого Палеонтологического музея.

На этих документах заканчивается содержание папки из архива Ю.А. Орлова, отражающей основные вехи его борьбы за сохранение Палеонтологического института в том качестве, в каком он был задуман его основателем. Кампания по переводу института постепенно затихла, и в последние пять лет жизни его директор смог наконец освободиться от постоянной необходимости отводить нависшую опасность. Легко понять, как много душевных и физических сил было затрачено на эту борьбу.

Две вещи бросаются в глаза при чтении этих документов. Об одной из них уже выше упоминалось — это какая-то невероятная абсурдность происходящего. Директор института возражает против ошибочного организационного решения и раз за разом приводит самые очевидные и бесспорные доводы против этого. Его поддерживают ведущие авторитеты в отечественной палеонтологии. Вышестоящие лица в Академии, вплоть до ее президента, будучи достаточно разумными администраторами и крупными учеными, также с ним соглашались. Казалось бы, остается лишь отказаться от предлагаемого бессмысленного шага раз и навсегда. Но, вопреки всему, он снова и снова выдвигается на повестку дня с кошмарной неотвратимостью, заставляющей вспомнить «Процесс» Франца Кафки.

И второе, что надо отметить, — язык этих документов, в большинстве своем представляющих письма ученых друг к другу, пусть даже вполне официальные и написанные людьми, занимающими в Академии высокие должностные посты. Поражает отсутствие в нем примет времени, столь характерных для языка официальной науки тех лет, более всего памятного нам по периодической печати. Если где и промелькнет здесь изредка «мичуринская биология» или «материалистическое мировоззрение», то скорее в коллективных постановлениях ПИН (где обойтись без этого было просто невозможно), но не в личных посланиях. По своей лексике эти письма могли бы быть написаны сегодня. И в этом еще одна характерная черта той недавней действительности — ее раздвоенность, необходимость для любого человека существовать одновременно в двух измерениях, каждое из которых требовало в повседневной жизни своего языка.

Вспоминая обо всем этом, трудно отделаться от мысли, что в своей нынешней организационной жизни Российская академия наук пока еще не слишком далеко ушла от своей общесоюзной предшественницы. Независимость ученого, возможность демократического принятия важных решений и подлинного участия в них всех заинтересованных сторон — все это нередко еще остается скорее в области желаемого. Между тем такие перемены важны не только для рядовых научных работников. Ведь возможности административного произвола часто непредсказуемы. Описанная нами история борьбы директора Палеонтологического института с иррациональным бюрократическим фантомом, готовым бессмысленно поглотить жизнеспособную научную структуру, — наглядное тому подтверждение.

ПАМЯТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ОРЛОВА¹

П.Г. Светлов

В ночь на 2 октября 1966 г. неожиданно скончался один из крупнейших отечественных морфологов — академик Юрий Александрович Орлов. Он отличался редким здоровьем: никогда не лечился, отпуска проводил в неустанной и разнообразной деятельности. Еще в день смерти был полон сил, усердно работал, общался с людьми, был весел, и буквально за минуты до необратимой остановки сердца ни у него самого, ни у окружающих не было и мысли о том, что смерть так близка.

Юрий Александрович Орлов родился 12 июня 1893 г. в семье лесничего, работавшего тогда в Симбирской губ. (ныне Новоспасский р-н Куйбышевской обл.). Мать потерял рано (шести лет). Отец — глубоко образованный и разносторонне одаренный человек, краевед, в молодости — народоволец. Первые 6 лет своей жизни Юрий Александрович прожил среди боровых лесов Симбирской губ., а потом, до поступления в университет, жил тоже в лесном краю, в маленьком городке Архангельской губ. — Вельске, находившемся в те времена в 150 км от железной дороги. Он много путешествовал по лесам и рекам северного края, участвуя в служебных поездках отца, что давало ему огромное количество самых разнообразных впечатлений о природе, населении и истории этого края, а кроме того, серьезную физическую закалку. Очень много значил для него его отец. Свою книгу об ископаемых животных (1961) Юрий Александрович посвятил отцу; на первых ее страницах он очень

¹ Печатается по: Светлов П.Г. Памяти Юрия Александровича Орлова (12/VI 1893–2/X 1966) // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1967. Т. 52. № 5. С. 119–125.



Юрий Александрович Орлов. Пекин, 1958 г.

живо изложил воспоминания детства, в которых главную роль играл отец: каждый абзац первых страниц начинается словами «мой отец». Александр Федорович Орлов был, несомненно, человек замечательный; помимо выполнения довольно сложных служебных обязанностей, он деятельно занимался этнографией, историей и фольклором местного края. Потеряв жену, он много сил стал посвящать детям; он поднимал их сам с очень ранних лет и, что особенно удивительно, не отдавал в школу, а обучал их сам, подготавливая к экзаменам для поступления в вузы. Кроме того, дети обучались музыке.

Сдав экзамен на аттестат зрелости, Юрий Александрович в 1911 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Любопытно, что сначала он поступил на математический

разряд и только через год перешел в студенты разряда естественных наук по группе биологии (т.е., по современной номенклатуре, на био-фак). Уже из этого видно, сколь неясно выражены были его устремления при поступлении в университет. Еще в детстве у него пробудился интерес к ископаемым животным и вообще к скелетам. Но к моменту поступления в университет этот интерес либо еще недостаточно осознавался, либо был чем-то заслонен; во всяком случае, он явно не сыграл никакой роли в выборе факультета.

Перейдя в 1912 г. к изучению биологических наук, Юрий Александрович избрал для себя специальность в этой области тоже далеко не сразу. Летом 1913 г. он поехал работать на Саратовскую биологическую станцию, где, как видно из отчета заведующего станцией за этот год (А.Л. Бенинга), Юрий Александрович занимался ознакомлением с «общим ходом гидробиологических работ и наблюдал развитие... икры селедки», т.е. вопросами, весьма далекими от специальности, избранной им впоследствии.

Лишь с осени 1914 г. он начал специализироваться по гистологии в лаборатории проф. А.С. Догеля; непосредственным его руководителем был А.А. Заварзин (тогда ассистент А.С. Догеля), вскоре ставший для Юрия Александровича очень близким человеком, которого он до конца жизни считал своим главным учителем и как бы вторым отцом. Но параллельно с этим он стал работать этажом выше, в лаборатории молодого В.А. Догеля, где наравне со специализирующимися у него студентами проходил большой практикум по зоологии беспозвоночных. Но и этого ему было мало: одновременно он проходил практикум по анатомии человека, не входивший в план преподавания, у проф. Д.И. Дейнеки, который сумел найти возможность доставлять интересующимся студентам университета части трупов и обучал их приемам препаровки и инъекции сосудов. Занятия по анатомии человека совпали с его работой добровольцем-санитаром в военном госпитале; шла война с немцами, в Петроград поступало множество раненых с фронта, и студентами всех вузов тогда оказывалась весьма существенная помощь штатному персоналу госпиталей, спешно организованных в большом количестве во всех частях города. Все это вместе взятое толкнуло Юрия Александровича к мысли сделаться врачом, и, по свидетельству близких к нему людей, на III–IV курсе университета у него был момент, когда он чуть не осуществил этого намерения.

Как бы то ни было, основным руслом его занятий на старших курсах была все-таки гистология, работа же в зоотомическом и анатомическом кабинетах велась им в порядке дополнительного расширения знаний. Но и в анатомо-гистологическом кабинете он не брал темы, в результате

чего к концу 8-го семестра, летом 1916 г., он еще не приступал к дипломной работе. Летом того же года он получил приглашение занять должность ассистента кафедры гистологии во вновь открывшемся тогда Пермском отделении Петроградского университета. Юрий Александрович было отказался, считая, что ему, как недоучившемуся студенту, совершенно неуместно (по его понятиям) занять столь высокую должность, но потом А.А. Заварзин, занявший должность заведующего кафедрой гистологии в Перми, уговорил его согласиться.

Начались годы работы в Пермском университете (1916–1924). Нужно было организовать заново лабораторию в провинциальном городе и одновременно ставить преподавание гистологии для медиков и естественников. О дипломной работе нечего было и думать, но весной 1917 г. удалось выкроить время для подготовки к государственным экзаменам и сдать их в Петрограде. Однако благодаря отсутствию дипломной работы Юрий Александрович получил лишь право на диплом II степени. Трудности, конечно, продолжались и дальше. В годы, проведенные им в Перми, произошли две революции, гражданская война (дважды через Пермь проходил ее фронт), эвакуация университета в Томск, реэвакуация в Пермь в труднейших условиях, эпидемии, голод и т.д. Подчас такие обыденные дела, как снабжение лаборатории спиртом, превращались в предприятия, выполнение которых было связано с риском для жизни. Неудивительно поэтому, что пермские годы оставили глубокий след во всей последующей жизни Юрия Александровича. Недаром он писал в 1949 г.: «Прошло много лет с тех пор; но и теперь, когда приходится стоять перед разнообразными трудностями жизни, науки и ее организации, всегда вспоминаешь Пермь и Заварзина». До последних лет он не терял связи со старыми работниками Пермского университета, внимательно следил за судьбой многих учившихся у него студентов и в 1964–1965 гг. усиленно хлопотал в Москве об организации 50-летнего юбилея Пермского университета, на котором он должен был быть. Этот юбилей состоялся 16–19/XI 1966 г., но на нем вместо предполагаемой речи Юрия Александровича — его учеником, проф. Г.А. Невмывакой было произнесено слово его памяти.

Только в первые полтора года существования гистологической лаборатории Пермского университета условия в ней были таковы, что о научной работе не приходилось думать. Но уже с весны 1918 г. она шла полным ходом, и за последовавшие затем 6 лет до переезда в Ленинград Юрий Александрович проделал поистине громадную работу по исследованию вегетативной нервной системы членистоногих. А.А. Заварзинным ему было поручено изучение иннервации и нейрональных связей

в кишечнике насекомых. Объектом для своей работы он избрал личинок пластинчатоусых жуков, причем главными из них сделались личинки очень крупного жука-носорога (*Oryctes nasicornis*), которых он научился добывать в огромных количествах. Ни к чьей помощи он никогда для этого не прибегал, и летом его нередко можно было найти в окрестностях Камской биостанции в Н. Курье в выкопанных им глубоких траншеях среди тонн компоста и садовой земли. Конечно, для успеха в таких делах, кроме научного энтузиазма и трудолюбия, нужно было обладать изрядной физической силой. Впоследствии Юрий Александрович вел свои исследования на длиннопалых раках (*Astacus leptodactylus*).

Серия работ Юрия Александровича 1922–1929 гг. явилась основой научных знаний о тонком строении вегетативной нервной системы беспозвоночных. Все его нейрологические работы были сделаны методом метиленовой сини; они сразу получили очень высокую оценку научной общественности и до сих пор остаются непревзойденными по точности и глубине анализа нейрональных взаимоотношений.

Первая из этих работ (1922) устанавливает наличие чувствительных нейронов с периферическими отростками, оканчивающимися эпилеммально на волокнах кишечной мускулатуры личинки жука-носорога. Значение этого факта выходит за пределы проблемы изучения вегетативной нервной системы: этим было впервые доказано, что мышечные волокна беспозвоночных могут иметь двойную иннервацию (двигательную и чувствительную), что было известно ранее только для позвоночных. Эта статья послужила предварительным сообщением к большой работе (1925а), в которой подробно разобраны типы чувствительных нейронов в мышцах разных отделов кишечника личинок жука-носорога и отчасти майского хруща. Особенно поражает изощренная пластичность формы чувствительных нервных окончаний на мышечных волокнах; все они художественно изображены и классифицированы.

Следующая работа (1925б) и предварительное сообщение к ней (1924) являются основным вкладом Юрия Александровича в морфологию нервной системы. В ней с исчерпывающей полнотой идентифицированы все нейроны пищеварительного и фронтального ганглиев рото-желудочной системы личинки жука-носорога и майского хруща и с полной достоверностью прослежен весь путь трехчленной дуги рефлекса — от афферентного ее звена, локализованного вне вегетативной нервной системы, через ассоциативный эффекторный нейрон фронтального ганглия, к двигательной нервной клетке пищеводного ганглия. Это дало возможность ему сделать важный вывод о применимости к насекомым схемы Ленгли о взаимоотношении составных частей вегетативной

нервной системы, принятой всеми для позвоночных. Как известно, указанное выше наличие рецептора вне симпатической нервной системы и однократный синаптический перерыв пути рефлекса в вегетативном ганглии и составляют основное содержание схемы Ленгли. Таким образом, взаимоотношения нейронов вегетативной нервной системы у позвоночных и личинок жуков оказались в основном тождественными. А поскольку общими предками членистоногих и позвоночных являются низшие Metazoa с диффузной нервной системой, т.е. заведомо лишенные не только обособленных вегетативных ганглиев, но и каких бы то ни было нервных центров, то независимое возникновение у тех и других столь сложных аппаратов, в принципе сходных друг с другом, необходимо отнести к эффективным примерам параллелизма в эволюции органов.

Исключительно трудоемкие работы по морфологическому изучению нейрональных связей Юрий Александрович проводил с большим увлечением и нередко просиживал в лаборатории до утра, мысленно распутывая сложные переплетения отростков на метиленовых препаратах. Это он называл «всенощными бдениями»; в этом стиле работы сказывался пафос молодого исследователя, готового на любые жертвы для науки. А объект изучения оказался очень трудным. Он пишет в своей главной гистологической работе (1925): «К сожалению, мне пришлось столкнуться с почти непреодолимыми трудностями» (стр. 64). Однако этого хронического переутомления порою не выдерживало его железное здоровье, о чем он писал в своих воспоминаниях.

Впоследствии, как упоминалось, Юрий Александрович перешел к изучению нервной системы кишечника длиннопалого рака (1926, 1927, 1929а). Эти обширные исследования, проведенные в той же классической манере, как и прочие его работы, подкрепили и углубили сделанные им ранее обобщения, а кроме того, дали сведения о новых вариантах форм элементов вегетативной нервной системы и их сочетаниях друг с другом. Работы эти в основном были сделаны еще в Перми, но с переходом Юрия Александровича в 1924 г. в Военно-медицинскую академию многое доделывалось уже в Ленинграде.

Целиком в Ленинграде были выполнены: 1) небольшая работа об иннервации глотки у членистоногих (1929), посвященная описанию имеющихся в мускулатуре глотки своеобразных чувствительных клеток, обеспечивающих четкость выполнения сложных глотательных движений, и 2) работа об иннервации мантии беззубки (1930), в которой описаны нервные клетки, являющиеся, вероятно, элементами, регулирующими сокращения ее мускулатуры. Это — две последние гистологические работы, которые не получили дальнейшего развития, так как ко времени

их написания его интересы уже целиком переключились в область палеонтологии.

Этот совершенно уникальный уход выдающегося гистолога в палеонтологию заслуживает того, чтобы на нем несколько остановиться. Впрочем, парадоксальность этого факта — кажущаяся, и в этом нетрудно убедиться, внимательно присматриваясь к ряду событий в его жизни и к особенностям его характера. Юрий Александрович пишет в своей книге 1961 г. о сильном впечатлении в детстве от подаренной ему книжки Гетчинсона «Вымершие чудовища», о последовавшей вскоре затем «незабываемой» (по его выражению) поездке к месту раскопок пермской фауны гигантских рептилий, ведшихся В.П. Амалицким на С. Двине, о том, как он «усердно собирал окаменелые остатки ископаемых животных», как «вместе с товарищем ходил за 60 верст на место находки скелета мамонта». Уже это — довольно многозначительно.

Далее в своей рукописи «А.А. Заварзин в Перми», рассказывая о том, как он летом 1916 г., находясь на каникулах в отчем доме и неожиданно получив открытку с приглашением ехать ассистентом в Пермский университет, Юрий Александрович пишет характернейшую фразу: «Я в это время был занят изготовлением каких-то черепов...» и т.д. Вот оказывается, чем был занят на каникулах студент, избравший своей специальностью гистологию! Какие это были черепа, ископаемые или рецентные, — остается неизвестным, но, как будет видно из дальнейшего, в своем увлечении «костями» он не ограничивался ископаемыми позвоночными. Как уже говорилось, его активный интерес к анатомии человека пробудился еще в студенческие годы. В Перми осенью 1917 г., вспоминает Юрий Александрович, он «для пополнения образования» решил, что «надо хоть медицинский факультет кончить одновременно», и засел ни за что другое, как за анатомию: «... накопил анатомических атласов» и «для начала засел в анатомическом театре над трупом. Работал я много, прошел труп...» и т.д. А.А. Заварзин насильно вернул его к гистологии.

Позднее, осенью 1922 г., Юрий Александрович получил поручение организовать кабинет домашних животных и читать лекции по этому предмету. Деканом сельскохозяйственного факультета был тогда известный геолог П.И. Преображенский, который и организовал это дело; возможно, что ему была известна склонность Юрия Александровича к занятиям анатомией, а может быть, никто из других преподавателей университета не соглашался взять на себя эту работу. Так или иначе, он взялся с жаром за это дело и стал собирать материал по анатомии домашних животных, преимущественно по скелету. Делал он это буквально своими руками, так как никаких сотрудников ему не дали,

а о лаборантах тогда и слуху не было. Ему дали только совершенно пустую комнату в главном здании университета и, вероятно, некоторые денежные средства; возможно, ему помогал кто-нибудь из служителей лаборатории гистологии. Но приобрести в Перми какие-нибудь анатомические препараты за деньги тогда нечего было и думать. Единственным источником материала была бойня, в то время находившаяся почти рядом с университетом на Заимке. Организуемый им кабинет быстро стал наполняться превосходно отработанными костями домашних животных, при этом он нисколько не тяготился этим поручением, а наоборот, увлекался им; он особенно много и охотно рассказывал о своих успехах по устройству анатомического музея, хотя в это же время у него шла горячая гистологическая работа по личинкам жуков. При этом помимо заботы о создании демонстративного материала для студентов, им руководил в работе чисто научный интерес. Помню, как-то, показывая мне приготовленные для музея черепа свиньи, он восхищался целеустремленной приспособленностью каждого элемента этого черепа к нуждам роющего животного. Весь этот ход мыслей как бы предсказывал его позднейшие крупные работы по биомеханике черепа ископаемых животных. Он говорил также о том, как чутко скелет позвоночных отражает всю организацию животного, характер его связей с внешним миром и как совершенна коррелятивная взаимозависимость всех его частей. Вспомнил, конечно, о Кювье, определявшем сумчатых из отложений Монмартра по одному позвонку, и т.д. Говорил, что скелеты беспозвоночных ничего не стоят по сравнению с таковыми позвоночных². Одним словом, это была речь энтузиаста остеолога. Любопытно отметить, что уже после отъезда из Перми в феврале 1924 г., как я знаю из достоверного источника, весной того же года он вернулся в Пермь и там продолжал добывать через бойню кости для кабинета анатомии домашних животных.

После этого Юрий Александрович занимался вплотную гистологией только год (за этот год им и были оформлены и сданы в печать основные нейрологические работы по личинкам жуков и речному раку). Далее, весной 1925 г. состоялся его разговор с П.И. Преображенским, о котором он пишет в своей книге 1961 г. как о событии, решившем его дальнейшую судьбу. Он рассказывал тогда П.И. Преображенскому (занимавшему крупный пост в Геологическом комитете) о своих детских

² Впоследствии эта мысль в развернутой форме была изложена им в записке «Об общих перспективах работ отделения сравнительной анатомии отдела морфологии ВИЭМ» (1933). — *Прим. авт.*

увлечениях палеонтологией и любви к полевой работе, а тот решился пойти навстречу устремлениям своего молодого приятеля и устроил его в геологическую экспедицию, направляющуюся в Западную Сибирь и Северный Казахстан с поручением произвести там поиски третичной фауны, тогда еще вовсе там неизвестной, но о возможности существования которой можно было догадываться. Вероятно, П.И. Преображенский решился сделать это предложение гистологу только хорошо зная, что за человек перед ним; он уже знал его как глубоко эрудированного остеолога и зоолога-палеонтолога в душе. И действительно, вскоре после прибытия экспедиции на место Юрий Александрович почти сразу же сделал крупное открытие, найдя в слоях долины реки Ишим, считавшихся «немыми», третичную фауну млекопитающих. При этом, вытащив из породы какой-то маленький обломок, он сразу же на месте определил, что это зуб жирафы. Интересно, кто, кроме него, мог бы это тогда сделать? Эта экспедиция (в которой, кстати сказать, официально он состоял «рабочим») окончательно определила все дальнейшее направление его работ: он стал профессиональным палеонтологом.

Для участия в экспедиции 1925 г. Юрий Александрович использовал свой летний отпуск как ассистент Военно-медицинской академии. В дальнейшем, до своего переезда в Москву в 1935 г., он по совместительству работал в ряде других учреждений: в Ин-те мозга им. Бехтерева, где он приобретает ученика и продолжателя своих нейрологических работ в лице Г.А. Невмываки, в Геологическом комитете, в Палеонтологическом ин-те АН СССР (с 1929 г. и не расстаётся с ним до конца жизни), читает лекции в Горном ин-те и университете (чтение курса палеонтологии позвоночных в ЛГУ он продолжал довольно долгое время и после переезда в Москву). Не касаясь всей многосторонней деятельности Юрия Александровича этого периода, я остановлюсь лишь на его работе в ВИЭМ на посту зав. отделением сравнительной анатомии отдела общей морфологии, руководимого А.А. Заварзиным. Это отделение просуществовало всего 2 года (1933–1935), так как после отъезда Юрия Александровича в Москву поручить его вообще было решительно некому. Но в этот короткий промежуток времени была намечена и отчасти выполнена очень интересная программа деятельности, о чем уже было упомянуто выше, а самим им выполнено любопытное исследование (1934, 1935) по морфологии скелета I пальца конечности позвоночных. Не лишним будет сказать здесь несколько слов об этой работе, так как она почему-то осталась вне поля зрения, как анатомов, так и палеонтологов. Особенность скелета I луча пятипалой конечности наземных позвоночных (большого пальца человека) заключается в том, что весь

он (включая metacarpus) состоит из трех костей, тогда как в лучах II–V за метакарпальной костью следуют 3 или более фаланг (очень редко в V пальце бывает 2 фаланги, напр. у *Ambystoma*); при этом у человека проксимальная кость скелета большого пальца по ряду признаков имеет большее сходство с фалангой, чем с метакарпальной костью. Поэтому, начиная со времен древней Эллады, эта кость считалась гомологом то фаланги, то пястной кости. Большинство современных анатомов придерживается второго толкования, однако высказывается и противоположное мнение, которое нельзя считать немотивированным, так как сходство базальной кости большого пальца с фалангой действительно очень велико. Гомология же этой кости с метакарпальной, принимаемая обычно в учебниках анатомии, покоится больше на традиции, восходящей к Аристотелю, чем на разумной аргументации. Совершенно ясно, что для правильного решения этого вопроса необходим был углубленный сравнительно-анатомический анализ. Таковым и явились работы Юрия Александровича 1934–1935 гг. Они доказали, что спорную кость необходимо считать метакарпальной. Таким образом, эти работы впервые дали разумное обоснование мнению Аристотеля, которое сначала без достаточных оснований отвергалось, а потом без надлежащей проверки было принято. Этот изящный морфологический этюд занимает скромное место среди прочих трудов Юрия Александровича, но мне хотелось его отметить, так как он хорошо характеризует его остеологическую увлеченность, о которой шла речь выше.

Палеонтологические работы Юрия Александровича еще в Ленинграде стали быстро и успешно развиваться. За ишимской экспедицией последовала павлодарская, открывшая на Иртыше изумительную гиппарионовую фауну, а в Москве палеонтологическая его работа приобретает поистине богатырский размах. Он организует одну за другой экспедиции (в том числе международные), создает кафедру палеонтологии в МГУ, создает палеонтологический журнал, организует и редактирует 15-томное руководство «Основы палеонтологии», редактирует труды Палеозоологического ин-та АН СССР, руководит работами по монтажу новых экспонатов музея, с 1945 г. становится директором Палеонтологического ин-та, реорганизует помещение музея, организует палеонтологические ячейки в разных пунктах СССР, исходпатывает постановление о строительстве нового здания музея, а одновременно публикует одну за другой собственные палеонтологические и общеморфологические работы. Все это составляет наиболее ценную часть наследия Юрия Александровича, но я лишь бегло касаюсь этих материалов, так как о них писалось, пишется и будет писаться палеонтологами.

Естественно, я остановился в этом очерке главным образом на работах Юрия Александровича по гистологии и сравнительной анатомии. Не могу лишь не упомянуть об его книге «В мире древних животных» (сейчас готовится 2-е издание этой книги, которое он успел сам подготовить; в 1962 г. она была издана в Париже на французском языке). Это сочинение — одновременно и научный трактат, поскольку оно содержит серьезную сводку собственных исследований автора, и талантливо написанная популярная книга, потому что она может быть горячо рекомендована каждому интересующемуся живой природой. При этом она написана очень живым и своеобразным языком; стиль изложения гораздо более напоминает устную разговорную речь (и при этом отражает индивидуальные особенности простой и выразительной речи автора), чем язык научного трактата.

Но, кроме изложения фактов, эта книга очерчивает современную проблематику того направления палеонтологии, которое воспринято им от его непосредственного предшественника — А.А. Борисяка. Палеонтология для Юрия Александровича была биологической наукой, он считал главной ее целью всестороннее познание строения и жизни вымерших животных, что стирало границу между нею и другими отраслями биологии. Нечего и говорить, как пригодились для палеонтологических работ его высококачественная подготовка и его солидный исследовательский стаж в области биологии. Не случайно он в своих исследованиях увлекся «палеонейрологией» — изучением головного мозга вымерших животных по их отливам, изготовленным путем заполнения черепа особой затвердевающей массой. Кому же, как не ему, прошедшему 10 лет в упорной работе по изучению цитоархитектоники мозга, дано было почувствовать живую ткань мозга, прилежавшую к стенке черепа ископаемых животных. Таким образом, палеонтологи не имеют оснований сетовать на то, что Юрий Александрович отдал значительный период своей жизни гистологии. Но столь же мало оснований имеют гистологи для того, чтобы сетовать на уход его от них в другую область. Характер его дарования и научных вкусов неудержимо влек его в палеонтологию. И вряд ли может быть сомнение в том, что, — останься он гистологом, — его работы никогда не достигли бы того размаха и мощи, которые осуществились в его палеонтологических трудах.

Говоря о Юрии Александровиче как о человеке, нельзя не отметить широту и разностороннее развитие его богато одаренной натуры. С детства он тянулся к искусству, особенно к музыке и художественной литературе. Интерес к музыке у него был настолько силен, что, поступив в университет, он параллельно стал заниматься по классу рояля

на курсах Рапгофа — в учреждении, дававшем музыкальную подготовку почти консерваторского уровня, и окончил эти курсы. У него сохранился и потом активный интерес к музыке, которую он тонко понимал и хорошо знал. О его вкусе в области художественной литературы и пристрастии к редкостным ее образцам красноречиво говорят эпиграфы к каждой главе его книги 1961 г., а в самом тексте этой книги, как уже говорилось, он показал себя незаурядным мастером стиля. Кстати нужно сказать, что и другие его работы в отношении языка могут считаться образцовыми.

Всем знавшим Юрия Александровича хорошо знакомо свойственное ему простодушие и бескорыстие решительно во всех делах. Никогда и ни в чем он не заботился о себе, и неизменно все его помыслы были направлены куда-то вонне самого себя и своих личных нужд. У него были, кажется, все мыслимые для ученого знаки признания заслуг и почета: д-р биологических и геологических наук без защиты диссертаций (1934), директор Палеонтологического института АН (1945), заслуженный деятель науки РСФСР (1946), чл.-корр. АН СССР (1953), действ. чл. АН СССР (1960), орден Ленина, 2 ордена Трудового Красного Знамени, медали, дипломы действительного и почетного члена наших и зарубежных научных обществ, Золотая медаль Палеонтологического общества Индии и др. Но не было случая, чтобы он когда-либо проявил хоть какую-нибудь заботу о приобретении для себя чего-либо из всего этого. Наоборот, при каждом выдвижении его куда-либо он самым искренним образом считал, что в этом заключается какая-то ошибка, что нужно было выделить или наградить совсем не его, а кого-то другого, и т.д. И, несмотря на это (а вернее, именно благодаря этому), жизнь Юрия Александровича, проведенная им в предельно интенсивных трудах и так неожиданно оборвавшаяся, оказалась исключительно богатой содержанием и преисполненной всевозможных успехов.

С этой чертой характера Юрия Александровича была неразрывно связана и другая: глубокий активный интерес ко всем людям, с которыми он так или иначе вступал в соприкосновение, соединенный с импульсивным стремлением сделать для них что-нибудь хорошее. Это проявлялось в высшей мере в педагогической деятельности, которую он вел непрерывно, начиная с 1916 г., и которую всегда очень любил. При этом редкой особенностью его как педагога была активная и деятельная любовь к ученикам. Юрий Александрович отнюдь не относился к профессорам, которые читают лекции как бы в пустой аудитории, не замечая слушателей. Главный интерес в педагогической работе любого рода составляли для него студенты, как живые люди. В этом отношении

очень показательное его высказывание в воспоминаниях об анат.-гистол. кабинете Петроградского ун-та (1963): «Помню, как по окончании курса общей гистологии А.С. Догель, желая нам всего хорошего, простился с нами с кафедры с влажными от слез глазами. Нас тогда это очень поразило; а жалость и тоска расставания с учениками и слушателями стала понятна по-настоящему лишь в зрелом возрасте». Эта фраза очень точно характеризует его отношение к учащимся; имеются и другие аналогичные его высказывания о студентах и студенчестве. Он неизменно любил студентов, что и определяло его любовь к педагогической деятельности; нечего и говорить, что студенты отвечали ему тем же.

Великим даром любви к Человеку обладал Юрий Александрович; не к абстрактному человечеству, в котором, по словам Сент-Экзюпери, отдельные люди являются только кирпичами, а к реальным людям, с которыми он входил в соприкосновение и в которых он умел увидеть Человека. Этот дар распространялся, конечно, не только на студентов. У него было очень много друзей, причем число их все время возрастало; в частности, их число увеличивалось с каждой из его многочисленных заграничных поездок. Переписка Юрия Александровича с заграничными учеными и его популярность в ряде стран Европы, Азии и Америки были огромными. Но его сердечная внимательность к людям распространялась далеко за пределы круга друзей, ученых и учащихся. Помню, недавно в Москве он повез меня в своей машине показывать новые экспонаты в Палеонтологическом музее; по дороге мы остановились недалеко от здания Президиума АН СССР, где у него было какое-то дело. Выйдя из машины, я мог наблюдать встречи его с самыми разнообразными людьми: там были и академики, и научные работники всех рангов, и служащие, и служители, и няня с чьими-то детьми. С каждым из них он держался как с равным, каждому задавал дружеские вопросы, и у каждого после встречи с ним лицо светлело. А шофер машины, на которой мы приехали, тут же сказал: «Вот если бы все люди были такие, как Юрий Александрович, то к коммунизму мы пришли бы очень скоро». Таков о нем был «голос народа».

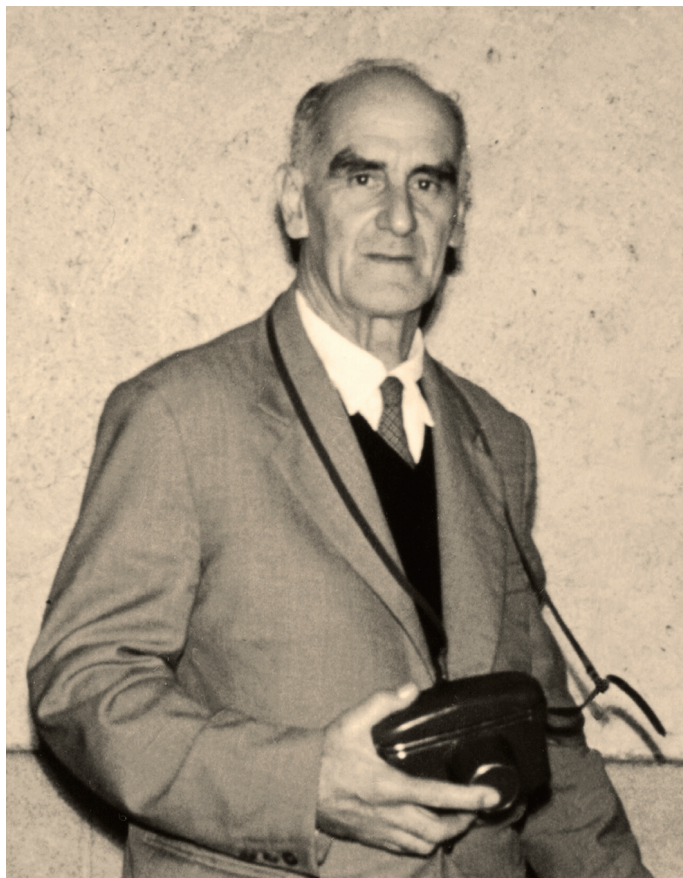
ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ОРЛОВ¹

В.И. Жегалло

Мне было очень не по себе, потому что на дверях висело «Музей закрыт», а я уже стоял в вестибюле. Кроме меня никого не было, но справа доносился очень мучительный разговор — и по тону, и по лексике. Бас, баритон и несколько теноров матерились добродушно и мастерски. Я решился, сделал три шага вперед до канцелярского стола, упиравшегося в постамент с утконосым динозавром, и поглядел направо. Их было шестеро: трое «фитилей», «шкаф», «колобок» и один — просто выше среднего роста, сухой и горбоносый. Они стояли под четырехметровым скелетом двуногого хищника; из слов было ясно, что Женя Малеев погорячился, что это никакой не тарбозавр, а самый обыкновенный тираннозавр, что его только что смонтировали, и что все получилось как надо, но все равно непонятно, что он (такой-сякой) делал этими (такими-сякими) нелепыми ручонками. Гипотезы сопровождались соответствующими комментариями с выражениями.

Это было летом 1956 г., я только что поступил на геофак и полагал, что в этом вечно закрытом музее я уже отчасти «свой»... Своим я стал несколько позже и узнал, что «шкаф» — это легендарный Иван Ефремов, «фитили» — лаборант, он же табельщик, Б.С. Тарусин, зав. музеем К.К. Флёров и пастырь палеонтологической «молодежи» Б.А. Трофимов. «Колобка» звали Ян Мартынович (Я.М. Эглон), он был скульптором и реставратором и резал из липы недостающие детали к скелетам.

¹ Печатается по: Жегалло В.И. Юрий Александрович Орлов (1893–1966) // Московские териологи. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 481–501.



Юрий Александрович Орлов. 1961 г.

Из особого расположения к вам он мог отлить головку Нефертити (это был его маленький «серый» промысел).

А тот, который «просто выше среднего», похожий то ли на римского сенатора, то ли на цыгана, — сам директор института Юрий Александрович Орлов, он же зав. кафедрой палеонтологии в МГУ. Вернее, наоборот: прежде всего — профессор Орлов, душа кафедры, Юрьсаныч, позже, когда в моду вошли аббревиатуры, — Ю.А. Он был очень университетским в старорежимном смысле этого слова, носителем вольной университетской мысли, университетского братства и доброжелательности, стиравшей грань между учителем и учеником и еще — духа бескорыстного поиска истины. Когда он появлялся на пятом этаже и обходил помещения кафедры, вокруг него собирался разный народ, плавно перетекавший затем в его кабинет, чтобы послушать свежие новости

науки, решить текущие дела или просто так, потому что рядом с ним было хорошо.

По-видимому, он был гениальным педагогом, поскольку уже без малого сорок лет над кафедрой веет «орловский дух» и память о нем жива естественно и не «юбилейно». Впрочем, возможно, я добросовестно заблуждаюсь, отмечая вниманием прежде всего то орловское, что он мягко и ненавязчиво вложил в своих учеников, продолжающих его дело в университете.

Он преподавал всегда, с 1916 г. Сначала в Перми, затем в Питере — в университетах, Военно-медицинской академии, в Горном институте, потом в Москве. Его лекции по палеонтологии позвоночных были великолепно и странно. Записывать его скороговорку было невозможно, но это и не подразумевалось: «Все, что нужно для сдачи, — узнаете на практических занятиях у Ольги Павловны (О.П. Обручева — доцент кафедры) и в учебниках. Читайте Ромера в оригинале, в переводе или в изложении Давиташвили». Он умудрялся показать за два академических часа больше полусотни слайдов: черепа, скелеты, реконструкции и прокомментировать их. Он рассказывал о классических исследованиях, о логике морфофункционального анализа, о знаменитых ученых прошлого и ведущих исследователях нынешних, об их достижениях и об их судьбах.

Вокруг «великого и несчастного» В.О. Ковалевского возникал целый мир. В нем были Л. Долло и Ч. Дарвин, Г. Осборн и Ш. Депере, А.Н. Северцов и И.И. Шмальгаузен, а также И.Ф. Синцов, «заваливший» работу Ковалевского. И на этом фоне — обсуждение форм адаптациогенеза. В целом это зрелище бурлящей, живой науки вызывало ощущение присутствия при чем-то грандиозном и притягательном, творимом здесь и сейчас замечательным всемирным братством исследователей, научившихся находить истину в условиях чудовищного дефицита фактов.

Ю.А. рассказывал, как еще в 1894 г. первый отечественный знаток древних млекопитающих Мария Павлова предсказала, что в Предкавказье и Причерноморье должны быть остатки среднемиоценовой анхитериевой фауны, и как тридцать лет спустя стараниями геолога А.В. Данова и палеотериолога А.А. Борисяка была наконец найдена анхитериевая фауна близ станции Беломечетской, и как непредсказуемо странен этот мир, как ломали над ним головы А.А. Борисяк и П.П. Сушкин, В.И. Громова и Н.К. Верещагин, И.И. Соколов и А.И. Аргиропуло. И еще о том, как за дело взялся Лео Габуня из Грузии и сколько неожиданного в итоге произошло.

Это была экспозиция науки, воссоздающей разбитую мозаику ушедшего мира из ограниченного числа фрагментов, каждый из которых заведомо ценнее, чем вся сумма связанных с ним интерпретаций.

Отступление 1. О гиппарионовых фаунах и Павлодаре

Но был один сюжет, излагая который, Ю.А. изменял привычному скепсису по поводу «интерпретаций» — история гиппарионовой фауны. В этой истории он фактически выяснил «три вещи», как говаривал академик В.В. Меннер: ландшафт, центр экогенеза и особенности трансберингийских связей Азии и Северной Америки в неогене. Все это было изложено только в лекциях и отчасти — в популярном тексте «В мире древних животных». И все же осталось: «массовость» жизни, высокая продуктивность ландшафта; азиатский центр экогенеза; расползание «подобно чернильному пятну»; единство «гиппарионового» биома Азии, Европы и Африки (персистирующего в Америке) — и семигумидный, бореальный, «облесенный» берингийский фильтр, остановивший жирафов и антилоп.

Много лет спустя, сформулировав основное, к чему пришел, изучая с легкой руки Ю.А. гиппарионовые фауны, я обнаружил, что все сделанное было уже, по сути, сказано Орловым — или подсказано, хоть и неявно.

Это обнаружилось случайно, когда мне ничего не оставалось делать кроме как попытаться отразить цепочку своих логических построений и их первоисточники — чтобы отключиться от больничной суеты. Оказалось, что в начале были серии фотографий саванного населения, потрясающего своим изобилием, принесенных Орловым в музей, и беседы о них; была откуда-то «вырытая» Ю.А. цитата о слышимом за милую запахе кочующих стад Африки и как бы вскользь брошенные фразы о гигантском африканском рефугиуме и «великом молчании» области древних лесов Северной Евразии, где нет и, кажется, не может быть остатков континентальных фаун. И еще гримаса разочарования на лице Ю.А. во время слушаний на институтском семинаре по поводу применимости метода актуализма. Вроде бы ничего конкретного, но мне стало понятно, что он имел в виду, определив мне заниматься гиппарионовой фауной — темой, казавшейся к началу 60-х гг. бесперспективной и почти исчерпанной. Здесь не лишним будет напомнить, что Ю.А. открыл в 1928 г. крупнейшее в СССР местонахождение гиппарионовой фауны в Павлодаре и поставил на нем грандиозные раскопки. Павлодарская коллекция Палеонтологического института до сих пор —

наиболее богатая из имеющихся в России и из мировых уступает только пикермийской (Греция).

Глядя на фотопанораму павлодарских раскопок, студенты не вполне понимали, чего стоит снять 5-метровый покров и вскрыть костеносный горизонт на протяжении более 100 метров. Только те, кто впоследствии сам копал что-либо подобное, смогли оценить трудоемкость всего орловского мероприятия. Впрочем, в те времена не было проблем с рабочей силой; судя по заметным на фото фигурам «человеков с ружьем», раскопки на берегу Иртыша скрасили единообразие камерных будней для «сидельцев» Павлодарской тюрьмы.

В ходе таких тотальных раскопок под лопатой исчезает информация о геологической среде, а с ней о ландшафтах и природных процессах прошлого. Ю.А., понимая цену утраты, уговорил жившего в Павлодаре В.П. Батурина, одного из последних «передвижников», написать серию пейзажей. Большая часть их осталась в Павлодаре. Два холста были куплены Орловым. Лучший из них — вид на обнажение к северу от раскопа — украли в 1983 г. во время монтажа экспозиции. Судьба картин, оставшихся в Павлодаре, тоже не очень радостна. Большая часть полотен к 1976 г., когда я ездил туда последний раз, была свернута в рулоны, потому что надо было срочно «обрамить» соцреализм, а для хранения на подрамниках не хватало места в фондах...

Даже небольшое сохранившееся из павлодарской серии пейзажей — всего-то пара полотен — интереснейшие геологические документы, дающие полное представление о том, как выглядел разрез берега Иртыша в ста метрах к западу от современного. Год за годом паводковые размывы вскрывают новые профили древнего аллювия, и затеянная Ю.А. серия картин могла бы стать базисом для мониторинга, палеогеографического по смыслу. Вообще-то Ю.А. именно это и имел в виду, при любой возможности пытаюсь выяснить у алма-атинского палеонтолога В.С. Бажанова, что происходит с берегом, как «ведет себя» костеносный горизонт и документируются ли «вновь открывшиеся обстоятельства». В анализе геологической ситуации он видел ключ к разгадке судьбы павлодарской фауны. Сценарий единовременной массовой гибели животных интриговал его чрезвычайно, Ю.А. возвращался к его обсуждению до конца своих дней. Для него была очевидной наивность тафономических гипотез, основанных лишь на анализе разреза, что довольно обычно для палеонтологов, мыслящих в основном «стратиграфически». Когда я в студенческие годы усвоил общие понятия ефремовской тафономии и рискнул предложить гипотезу формирования недавно открытого местонахождения гиппарионовой фауны в Киргизии,

Ю.А. во время защиты диплома скептически заметил: «Все это хорошо смотрится на плоскости разреза, а как оно было в пространстве, на тогдашней карте?». А когда я начал свои первые крупные раскопки в Зайсанской впадине, он объяснил мне, что надо картировать костеносное тело и его ближайшие геологические окрестности так, чтобы можно было понять палеогеографически, что скопления костей нужно документировать и изучать с точки зрения генезиса местонахождения, и что в поле надо не только копать, но и думать — и не о систематике и морфологии, а о тафономии в самом широком смысле, и если чего не поймешь в поле — в лаборатории не додумаешь.

Квалифицированное геологическое обеспечение раскопок заботило Ю.А. давно. В архивах ПИНа конца 1945 г. я нашел его заметку с изложением идеи о необходимости двух научных соруководителей монгольской экспедиции — «геологического» (предлагался В.И. Громов) и собственно палеонтологического (естественно, И.А. Ефремов). Эта схема действовала только во время полевого сезона 1946 г., далее — не сложилось.

Ю.А. понимал, что и полученные им данные по Павлодару тоже неполны — как по части геологии, так и по части палеонтологии. Во время Первого Всесоюзного палеонтологического совещания в 1964 г. он с ревнивым интересом допытывался у П. Савинова, казахстанского палеонтолога, смущенного вниманием мэтра, о фауне мелких тетрапод, намытой из павлодарских песков, а главное — о методике промывки. На следующий год он пригласил в Москву для консультаций молодого американского палеонтолога М. Маккенну, придумавшего простой и эффективный метод промывки в полевых условиях, а в 1966 г. мы уже всю орудовали «ситамы Маккенны», восполняя пробелы палеонтологической летописи.

Но при всех огорчавших Ю.А. «пробелах» открытие и раскопки Павлодарской гиппарионовой фауны стали этапными для палеонтологии неогена азиатской части страны. Появился эталон для бореальных фаун и временной репер для эпохи климакса неогеновых континентальных экосистем, а также — и это не преходяще — возможность изучать древние экосистемы на массовом материале. Было открыто около полусотни местонахождений в красноцветных толщах к востоку от Урала, близких по возрасту к павлодарскому. Эпоха образования этих красноцветов была осмыслена как время максимума кайнозойского биоразнообразия и зоогеографической интеграции Арктогеи в ландшафтах саванного типа. Но все это пришло потом, лет пятьдесят спустя после открытия. А до того поголовное большинство исследователей отдали дань

биостратиграфическим студиям, что, впрочем, было весьма полезно для континентальной стратиграфии неогена. Павлодарский проект Ю.А. Орлова оказался «долгоиграющим».

...Однако вернемся в университет конца 50-х.

В один прекрасный день Ю.А. объявил нам, что глубина невежества геологов в области биологии его весьма удручает, и что отныне мы будем слушать курсы лекций также и на биофаке, а кроме того, проходить там практикумы. Эти курсы были несколько урезаны по сравнению с биофаковскими, а «обрезки» зачастую доверяли вести фигурам второго плана. Однако Ю.А. договорился, что представлять биологию нам будут корифеи — профессора А.Н. Дружинин, Б.С. Матвеев, Г.Г. Абрикосов, В.А. Свешников, Л.Б. Левинсон и другие достойные люди. Как это удалось Ю.А., достоверно неизвестно, но профессор Л.Б. Левинсон в начале курса эмбриологии и гистологии объяснил нам, что, конечно, такой урезанный курс — чистейшее безобразие, но он прочтет его нам, темным, хотя бы из глубокого уважения к Ю.А. Орлову, написавшему некогда выдающиеся работы по гистологии, но затем, к сожалению, занявшемуся чем-то вроде палеонтологии.

В итоге наша общебиологическая непросвещенность сократилась до того минимума, который уже не очень мешал самообучаться. При этом Ю.А. постарался избавить нас от плодово-ягодных соблазнов мичуринской биологии, курс дарвинизма был минимизирован до неприличия и завершился «автоматом» за регулярное присутствие. Поэтому наши мозги, не затуманенные самым передовым и творческим отечественным учением, адекватно среагировали на вскоре реабилитированный «космополитический» эволюционизм.

Отступление 2. Кое-что о девятой главе Книги Бытия

Из всех биологических наук только палеонтология уклонилась от лысенкования, вероятно потому, что стратиграфическая практика ставила ее в разряд геологических наук, а в качестве палеобиологии ее не успели «подверстать» к сессии ВАСХНИЛ. К тому же Ю.А., тогда уже директор Палеонтологического института, ссылаясь на практический выход в геологию, с простодушной беспринципностью маневрировал между биологическими и геологическими епархиями академии и всячески уклонялся от проблем высокой теории. Но «уклонисты» были скоро вычислены и разоблачены. В газете под названием «Правда» вышла статья Л.Ш. Давиташвили «Крупные ошибки одного института»

(в интерпретации Ю.А. — «Ба-алшие ошибки маленького института»). Дискуссия длилась в «Известиях АН СССР» весь 1949 год. Ведущие сотрудники института вели себя соответственно эпохе, но все же процент сохранивших достоинство был выше, чем по биологии в целом. Попытки «прислониться» к геологии привели к тому, что лысенкование палеонтологов и геологов назначили на один день. Несколько геологов написали письмо корифею всех наук и, как выразился один из подписантов, «сели дрожать» в ожидании ответа. (Эта страница отечественной науки может кануть в забвение, поскольку число апокрифов больше, чем еще живых свидетелей и участников). Ю.А., апеллируя к тому же адресату (которого он называл «Иосифом Великолепным»), попытался заслонить науку статьей о роли вождя в развитии отечественной палеонтологии. Гроза миновала (геологи отбились с блеском, и главный оппонент ПИНа от продолжения заседания отказался, учтя инерцию прецедента).

В либеральные (для столицы) хрущевские времена, когда только ленивый был несмел, Орлова заглазно (все-таки заглазно!) укоряли за статью. Поводом стала совсем другая работа, посвященная ископаемым кораллам, в которой речь шла, правда, скорее, о полифилии, чем о порождении ржи пшеницей. Кстати, это была единственная публикация, вышедшая из стен ПИНа, которую с очень большой натяжкой можно было бы считать «мичуринской». К чести пиновцев: ругались вяло, усердствовали лишь не простившие себе испуга 1948–1949 гг., они же — в кулуарах — с горечью и сдержанной яростью праведников клеймили Орлова. Я не верил, спорил запальчиво, но, не зная контекста событий, аргументов не имел и с наивной наглостью решил спросить о тех временах у самого Ю.А. Он глянул грустно и изложил мне близко к тексту конец девятой главы Книги Бытия; о том, как Ной после потопа насадил виноградник, и выпил вина, и обнажил себя среди шатра своего — и так далее, про Хама...

Я не искал этой статьи и не хочу читать ее, ибо негоже «видеть наготу отца своего». Прости, Учитель.

... Юрию Александровичу было непросто в спасенном им Палеонтологическом институте. Он пришел в 1945 г. на смену создателю института и кафедры в МГУ академику А.А. Борисяку. Многие годы в институте существовал культ Борисяка — как естественная дань основателю, при котором в институте собралась блестящая плеяда специалистов, ряд которых вполне заслуженно претендовал и на лидерство; подспудная борьба продолжалась долго.



Юрий Александрович Орлов. 1966 г.

...Весной 1964-го мы шли Нескучным садом из музея на ученый совет в институт (музей был на Ленинском, 16, а институт — на Ленинском, 33). Предстояло обсуждать судьбу автопарка и раскопочной техники советско-китайской экспедиции, закрывшейся из-за «Великого охлаждения». Академическое начальство настаивало на полной ликвидации, глава экспедиции А.К. Рождественский предлагал трансформировать ее в общесоюзный палеонтологический проект, писал письма. Мы обсуждали их содержание и стилистику, а потом речь зашла об «эпистолярном жанре» вообще и у Ю.А. вдруг вырвалось: «Я ведь

знаю — они все на меня пишут (следовали имена), что я сволочь беспартийная, над собой не растущая», — и далее о том, что если они добьются своего и он уйдет, то «начнут есть друг друга», и чтоб урезонить «их» и понять, что это за «генеральная линия, вместе с которой они, извините, колеблются», он пытался найти контакт «с их партийным Мефистофелем» (он подразумевал главного институтского Мастера интриги).

С генеральной линией в институте все было в порядке: как только начался разлад с Китаем, профессор Б.Б. Родендорф был обвинен Мастером в проповеди идей, изложенных Мао в работе «О противоречиях». (Вообще-то Б.Б. Родендорф написал монографию об эволюции насекомых). Для поколения начала 60-х «наезд» выглядел архаично, но свидетели довоенного «обострения классовой борьбы» и послевоенного осуждения «космополитов» вздрогнули. Для них смысл происходящего был ясен: у Б.Б. Родендорфа была замечательная лаборатория и в ней — выпестованная еще на биофаке молодежь. Ее воспитание нельзя доверять маоисту (куда смотрит партбюро!?), тем более, что некоторых молодых энтомологов уже называли хунвейбинами. Кто-то «стукнул», но времена были все-таки уже «не те», и Ю.А. удалось замять дело. (Палеоэнтомологическая школа Б.Б. Родендорфа стала — и, полагаю, остается — лучшей в мире, но это уже совсем другая история).

Орлов гасил конфликты, по возможности удовлетворял амбиции коллег, обустроивал институт и создавал музей. Он начал заниматься им еще в Питере, в начале 30-х, справился с перевозкой его в Москву — ни одна из 20 великолепных витрин Северо-Двинской галереи не пострадала! — и открыл его в 1937 г. к Международному геологическому конгрессу. Под музей был отведен конюшенный корпус Нескучного дворца на Ленинском, 16. Ю.А. любил это здание как рачительный хозяин и спрашивал за непорядки как техник-смотритель, гоняя персонал за протечки, за выбитый паркет и за пыль на витринах. А кабинет его в музее был 2×3 м. Историю здания он знал от екатерининских времен, но излагал кратко: «Минералогов (музей им. Ферсмана) разместили в манеже, нам отдали конюшню и каретный сарай; кабинет Борисяка разместили на месте кучерских нужников, а ученый совет заседает на сеновале. А потом Жданов оттяпал у нас сарай, ручонкой так сделал — и как отрезало». Ручонка знатока творчества Ахматовой и Зощенко «оттяпала» 500 м² вместе с великолепным фронтоном, выходящим на Ленинский проспект. То, что осталось от памятника архитектуры к началу 50-х, уже не вмещало ни коллекций, ни экспозиции, ни сотрудников. Чтобы «рассадить» ученых и придать экспозиции достойный вид («стыдно от людей!»), Ю.А. затеял реконструкцию. Строители

халтурили, денег на переделки не было, и Орлов тратил на доплаты почти всю свою зарплату. В здании появилось полторы дюжины кабинетов и Круглый зал для заседаний и библиотеки.

Отступление 3. Кстати о библиотеках

Библиотеку он лелеял. В Круглом зале, в специально заказанных им дубовых шкафах, разместились мемориальная библиотека А.А. Борисяка и часть фонда библиотеки Отделения биологии, где были собраны лучшие публикации по палеонтологии позвоночных. В «парадном» кабинете на Ленинском, 33 разместили столь же представительную выборку по беспозвоночным: ближе к «пользователям». К личным библиотекам коллег Ю.А. относился очень уважительно и иногда укорял молодежь за небрежность.

Его собственная научная библиотека была огромна, в ней встречались вещи, которых не сыщешь ни в одной библиотеке страны. Стыдно сказать, но после кончины Ю.А. институт не проявил рвения сохранить ее у себя. После неприлично вязких переговоров с ПИНОм огорченная вдова Юрия Александровича передала часть собрания в Институт палеобиологии Грузинской академии, а другую часть — во Владивосток, в Дальневосточный научный центр, Н.Н. Воронцову, относившемуся к Ю.А. с огромным пиететом. После того как с подачи дальневосточного партийного начальства Н.Н. Воронцова «убрали» за бескомпромиссность в научных делах, попутно оболгав, судьба этой части библиотеки была печальна. «За отсутствием спроса» ее сдали в макулатуру. Ихтиолог Л. Гликман выхватывал редчайшие издания прямо из кузова самосвала, писал письма в Академию наук. Академия не верила, но собиралась «разобраться». Раритеты превратились в газеты, рассказывавшие об успехах отечественной науки вообще и на Дальнем Востоке в частности. Впрочем, такое было в России не раз, и Ю.А. попал в очень приличную компанию. В конце 80-х была пущена «в распыл» рабочая библиотека В.И. Вернадского. Благо, что большую часть ее успели перехватить несколько грамотных палеонтологов, перевозивших ее затем в Государственный геологический музей им. Вернадского, а место хранения меньшей — тоже известно. А вот библиотеку Ю.А. уже не удастся восстановить. (Вы знаете, что такое библиотека большого ученого? Вы можете себе представить, что переживает историк науки, касаясь «тех самых» страниц? Вас тревожит проблема необратимой утраты информации о личности? Если хоть немного — да, то мне ничего не нужно добавлять к рассказу о библиотеках ученых и о стыде за утрату орловского собрания).

Отступление 4. Как обустроить институт

Его стиль руководства институтом был начисто лишен харизматичности. Ю.А. не вел, не направлял и, похоже, целиком уповал на гомеостаз. Он всецело полагался в выборе стратегии исследований и подборе кадров на лидеров научных направлений. Лидеры были порой своенравны, норовили перетянуть одеяло на себя, но Ю.А. мягко и как бы походя восстанавливал равновесие. Он сохранял структуру лабораторий, сложившуюся еще при А.А. Борисяке, вопреки укрупнительным веяниям, рождавшимся в «верхах». В начале 60-х академия начала очередную борьбу с «мелкотемьем». Ю.А. популярно объяснил нам, что это уже бывало и в 20-х, и в 30-х гг., что, по слухам, на перстне Соломона было написано: «Все проходит», что у каждой науки — своя логика, а начальству возражать, что ... и поэтому «шапки» для тем мы придумаем, но под ними он советует нам заниматься тем, чем занимаются наши коллеги по всему миру. Мы с энтузиазмом обсудили предложенную «заведующим млекопитающими» Б.А. Трофимовым «шапку» — «Развитие млекопитающих в связи с эволюцией климата и ландшафтов», но Ю.А. «позволил себе обратить наше внимание» на то, что в задачке не меньше чем три переменных, а мы имеем профессиональные представления в лучшем случае об одной. А поскольку мы и млекопитающих-то не очень знаем, то лучше сосредоточиться на них, потому что кроме нас в стране палеотериологов не очень много.

Коллеги (и, надеюсь, друзья), мнение которых я очень ценю, полагают, что Ю.А. был тогда неправ, «снизив» уровень трофимовского предложения. Но я думаю, что Орлов слишком хорошо представлял себе тогдашний уровень нашего «исполнительского мастерства». Он знал «гамбургский счет» в науке — и многие знали, что он знает. Иногда это стимулировало, но почти всегда вызывало тревогу и, подсознательно, неприязнь.

В начале 60-х всего два человека в стране на самом деле знали, что происходит в мировой палеонтологии и каков ее уровень: Ю.А. Орлов и Л.Ш. Давиташвили. Оба постоянно следили за публикациями, оба осмысливали их в соответствии со своими теоретическими воззрениями. Давиташвили представлял систему науки как совокупность школ и направлений (в манихейском континууме разделения на правых и неправых). Для Ю.А. пространство большой науки было заполнено прежде всего личностями, равными перед непознанным, он был лично знаком со всеми ведущими палеонтологами мира. Его крохотный кабинет в музее был заполнен доброй сотней фотографий коллег, размещенных в определенном, но понятном только Ю.А. порядке. Это был его срез

науки или — срез его мира. Он демонстрировал его всем, но не расширял никому. Возможно, смысл композиции знала его вдова, Наталья Павловна, очень настойчиво просившая сохранить эту портретную галерею в том виде, в каком ее создал Ю.А.

Совершенно очевидно, что Ю.А. поставил себе задачу — встроить отечественную палеонтологию в систему мировой науки — и главным средством полагал личные контакты. Его многочисленные зарубежные поездки (вызывавшие глухой и завистливый ропот) прорвали «железный занавес». Институт наводнили гости — от юного Мэлкома Карнеги Маккенны («родственник Карнеги-Холла» — представил его Ю.А.) до седого А. Ромера. Не пробился только Дж. Симпсон: он был «нон грата» из-за того, что, будучи полиглотом, работал в годы войны на контору Даллеса (еще не ЦРУ, но все же...). Каждый читал лекции, каждого водили по лабораториям и знакомили с коллегами; за личными контактами следовала активная переписка и приглашения. Но с обратным движением было хуже. Лимит «эквивалентного обмена», созданный гостями, выбирали более передовые науки. На редкие вакансии, выпадавшие палеонтологам с «выездного» стола, Ю.А. подбирал безусловных по профессионализму, языку и кругозору. Он окорачивал естественное желание неофитов немедленно предъявить себя миру, предлагал «на всю катушку» использовать контакты в Москве и как-то сгоряча сказал по конкретному поводу: «Ну как с ножом пристала — пусти Дуньку в Европу». «Дуня» (имя прилипло и стало ласкательным) пережила Ю.А. на 30 лет без малого, стала признанным в мире специалистом, но обиду лелеяла до конца своих дней. Не за имечко, а за то, что не признал сразу. (Ю.А. спросил меня в сентябре 1966 г. о ее полевых успехах и покивал: «Рыжая упорна, дай ей Бог здоровья»). Но как только «окно» раскрывалось шире, Ю.А. немедленно выталкивал за рубеж всех, кто мог оказаться при деле. В советско-китайскую экспедицию он снарядил даже студентов с кафедры палеонтологии, выписал из Закавказья замечательного собирателя Н.Н. Бурчака-Абрамовича, хотел привлечь к работе палеонтологов из Грузии и Казахстана, но свара Никиты Сергеевича и Мао не дала развернуть этот проект.

Он полагал экспедиции самым естественным способом структурирования научного сообщества и, собираясь в 1960 г. отправить меня на раскопки рептилий в Предуралье, объяснял, что это здесь, в институте, мы для порядка разделены на «млекопитчиков», «низших тетрапод» и «рыбников», а на кладбищах ископаемых деления на классы нет, да и музей — тоже «внеклассовый». Он повторял это многим, и неоднократно, — и тезис сработал, когда, уже без него, Э.И. Воробьева

мобилизовала на спасение разрушенного местонахождения девонских рыб в Прибалтике всех институтских мужчин, независимо от лабораторной «прописки».

... Но вернемся к началу 50-х, к тому времени, когда Юрий Александрович задумал свое Главное дело.

Краткая (всего три полевых сезона 1946–1949 гг.), но энергичная монгольская эпопея И.А. Ефремова обогатила собрание музея вдвое, экспозиция не вмещалась в «конюшню», ради динозавров пришлось свернуть (навсегда?) непревзойденный палеоэкологический раздел Р.Ф. Геккера. Склады, разбросанные по подвалам Москвы, были забиты коллекциями и монолитами. Элементарный порядок хранения удавалось поддерживать только за счет периодических мобилизаций всех сотрудников. Институт задыхался в тесноте. Как и положено при дефиците ресурса, обострилось «территориальное поведение». «Позвоночные» и «беспозвоночные» специалисты поглядывали друг на друга косо. И.А. Ефремов обидел «беспозвоночников», назвав ископаемых мшанок «плесенью на камне». «Беспозвоночные» упрекали коллег в «затоваривании» коллекциями и экспансии.

Начинался системный кризис, и выход из него был один — расширение территории, новое здание для музея.

Ю.А. начал обивать вельможные пороги с упорством ходока, снаряженного общиной. «Община» в большинстве своем в успех не очень верила, считала музейные заботы чуть ли не чудачеством, продолжала ваять нетленное и проезжалась по поводу падения научной продуктивности Ю.А. Он отбивался: «Моя наука теперь — музей». Академия тоже не приветила ходока. («Вот, академиком стал, говорят — пробился. Но пока в профессорском виде за музей просил, никто в президиуме меня не замечал. А теперь, может, что и сдвинется», — говорил он осенью 1961-го, глядя на подтопленный дождевыми водами пол малого экспозиционного зала).

Тем не менее уже в начале 50-х забрезжила надежда. Интерес державы к Центральной Азии, подогретый зрелищем ефремовских трофеев — никогда не виданных в России динозавров, выставленных в Доме ученых, умелая игра на отечественном приоритете сработали. «Добро» на музей дал корифей всех наук. Но почил. Наследников его занимали другие дела. Музеи были не в почете. (Хрущёв, увидев уже почти готовое здание для Дарвиновского музея, рассудил, что музей Дарвина пусть строят англичане, а дом приказал отдать под балетную школу.)

Но новоиспеченный академик не сдавался, приходил к академическому президенту Л.В. Келдышу, говорил: «Мне нужна хата для костей» — и вел физика («тут рядом — через мостик») в музей, уже до отказа набитый скелетами. (Ю.А. специально подгонял препараторов и монтировщиков, чтобы в залах негде было ступить от новой продукции.) Келдыш приходил — ему был интересен и упорный Ю.А., и динозавры — и, демонстрируя истинно физический подход, предлагал перевести все объекты на голограммы, дабы избавиться от натуры и жить просторно... Ю.А. понимал, что «физики в почете...» и что надо соответствовать эпохе, закреплять ведущее место института как можно более наглядно. За пятилетку (1958–1964) он форсировал издание многотомных «Основ палеонтологии», показавших, что палеонтология в стране — действительно на мировом уровне. Тогда же он пробил через Отделение биологии издание «Палеонтологического журнала». Он организовал в начале 60-х всесоюзные палеонтологические совещания по млекопитающим в Москве и Тбилиси. Авторитет института никогда не был так высок в стране и в мире. Ю.А. понимал всю относительность этих успехов перед лицом «стоящих у кормила» и, умудренный, предостерегал энтузиастов: «Вы потише насчет палеонтологии. С нашей крыши Кремль виден — и если там узнают, что есть не только палеонтология, но и целый Палеонтологический институт, то неизвестно, чем это кончится».

Но двери открывались шире, коридоры власти становились как будто короче. Ю.А. в очередной раз добрался до самых верхов, и премьер А.Н. Косыгин подписал «Окончательную Бумагу». Пошли деньги, появились архитекторы (среди них был Л.А. Яковенко, погрузившийся в проблемы создания Палеонтологического музея, кажется, еще со школьных лет. Ю.А. очень ценил его, а Леонид Аронович просто жил музеем. Но кончилось это очень печально. Впрочем, это тоже уже другая история...). Летом 1966 г. Ю.А. прислал нам в экспедицию (аж в Зайсан!) письмо с описанием проекта здания, похожего, по его словам, на «П на цыпочках» (на приложенном рисунке было каре, но, действительно, на ножках).

...Мы вернулись в Москву в конце сентября. Институт был завален нашей добычей — полсотни монолитов, сотня «пирогов» с остатками млекопитающих, не считая ящиков с ценной «мелочью». Ю.А. остановился у этой груды и сказал, что количество, конечно, впечатляет, но как насчет «качества»: есть ли что в принципе новое?

Я еще не знал (и долго не знал), как немислимо нам повезло, что среди десятков местонахождений, сходных с орловским Павлодаром,

мы почти «на ощупь» наткнулись на самое последнее, что можем теперь продемонстрировать Ю.А. финал того сценария, который он начал расшифровывать почти сорок лет назад. Я понес какую-то чушь о стратиграфии. Ю.А. сочувственно покивал и побежал к себе на третий этаж. Он всегда бегал по лестнице.

...Наутро мы не верили, что его уже нет. Был приступ, академические врачи с «Ляпуновки» приехали с камфарой и уважением, но даже кислород забыли. Ю.А. успел пошутить по этому поводу...

...Оказалось, что все держалось на нем — двадцать лет. Вспомнилось: «начнут есть друг друга». В борьбе, охватившей институт, сменялись директора, и с 1966 по 1996 год — руководители музея без малого десять раз.

Но создание музея началось, и остановить это было уже нельзя. В 1972 г. заложили первый камень, на нем было написано: «200 лет стоять будет».

В декабре 1987 г. закончился наш субботник длиной в 16 лет, и музей открыли. К тому времени у стены конференц-зала уже давно стоял бронзовый бюст Ю.А. Орлова на обычном столе, так что из первых рядов казалось, что он постоянно в президиуме, и притом необычно суров. Менее постоянные члены президиума к его присутствию быстро привыкли и не замечали своей несоразмерности.

...В вестибюле музея уже томились гости, на балконе башни «Древо жизни» играл струнный квартет, сотрудники ПИНа торопились на праздник, конференц-зал был пуст, и Ю.А. был в нем один.

Два биолога и один геолог по образованию, забыв былые распри, подняли бронзу и понесли. Подбежал бывший горный инженер, ныне «помпохоз», хозяйственно спросил, что происходит, и, услышав, что несут главного именинника, присоединился. Втроем вынесли Юрия Александровича к гостям, четвертый приволок дубовый постамент — еще из старого музея. Сдвинули с лучшего места планшет архитекторов, и Ю.А. оказался в центре события, которого так долго ждал. Теперь все было правильно...

Утверждено к печати Ученым советом Палеонтологического института
им. А.А. Борисяка РАН

Академик Юрий Александрович Орлов
К 130-летию со дня рождения

Сборник статей

Москва, ПИН РАН, 2023

Ответственный редактор
академик А.В. Лопатин

Редакторы: А.А. Карху, П.Ю. Пархаев

Подписано в печать 12.5.2023
Гарнитура Таймс. 8 уч.-изд.л. 10 усл.п.л.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии
«Типография офсетной печати»
Москва, ул. Речников, 21, с. 7

Заказ № 395

